

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПО СРЕДСТВАМ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутонв
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

1. 2012

ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ

Борис Гедгафов – известный кабардинский поэт-песенник, автор книг на русском и родном языках. За большой вклад в национальную литературу награжден Почетной грамотой КБР (2010).

Он перевел на родной язык текст государственного гимна РФ и написал текст государственного гимна КБР на мою музыку в содружестве со мной. В его стихах присутствуют необходимые для гимна требования: патетичность, гимнический дух.

*Народный артист РФ,
автор музыки гимна КБР,
композитор Хасан Карданов*

ГИМН Кабардино-Балкарской Республики

Муз. Х. Карданова

Сл. Б. Гедгафова

1. *mf*
Священ - ный край наш, край лю - би - мый, Ка -
бар - ди - но - Бал - ка - ри - я! То - бой гор - ды, силь - ны стра -
ной мы, Ка - бар - ди - но - Бал - ка - ри - я!
Цве - ти и славь - ся ты, От - чиз - на, Кре -
пи е - един - ство, мир свя - той! Эль - брус мо -
гу - чий – сим - вол жиз - ни, На - ро - дов друж - ных
дом род - ной! 2. - ной!

Священный край наш, край любимый,
Кабардино-Балкария!
Тобой горды, сильны страной мы,
Кабардино-Балкария!

Земля отцов, ты величава,
Надежда, сила, наша честь.
Нас озаряет предков слава,
Твоей нам доблести не счесть.

Примеч: Цвети и славься ты, Отчизна,
Крепи единство, мир святой!
Эльбрус могучий – символ жизни,
Народов дружных дом родной!

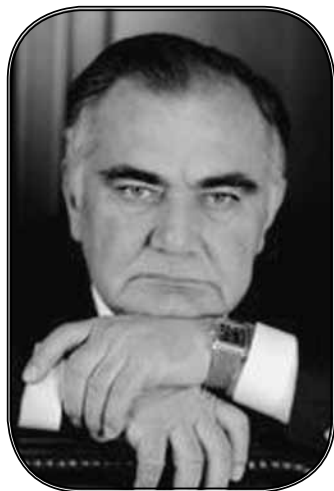
Давно с Россией побратимы,
Прошли сквозь годы бед – побед.
Свободы путь неповторимый –
Вовек народам солнца свет!

Исхак МАШБАШ

Валерий Мухамедович Коков – истинный адыг и государственный

(Из книги воспоминаний «А что там, за горизонтом?»)

Прошло несколько лет, как среди нас нет Валерия Мухамедовича Кокова, долгие годы руководившего Кабардино-Балкарской Республикой. Единожды увидев, трудно не запомнить его крепко сбитую фигуру, открытое умное лицо и густой приятный тембр голоса. В моей благодарной памяти он остался мудрым, мужественным и добрым человеком, готовым и словом, и делом поддержать, помочь. Он был истинным адыгом, и в то же время это был подлинный интернационалист-государственный, искренне заботившийся о единении и процветании великой России. Таково было отношение к нему и высшего руководства Российской Федерации, и президентов северокавказских республик. Я дорожил дружески-уважительным отношением ко мне Валерия Мухамедовича, который с большой заинтересованностью следил за моим творчеством, ожидая выхода очередной книги.

С Валерием Коковым меня познакомил Борис Зумакулов – младший брат известной балкарской поэтессы Танзили Зумакуловой. Еще до знакомства с Борисом Мустафаевичем я слышал о нем, как о подлинном ценителе поэзии, увлеченном моими стихами. Я с благодарностью вспоминаю Алима Кешокова, Кайсына Кулиева и Бориса Зумакулова, которые помогли мне выстоять в трудные берзеговские времена.

– Вы, Исхак Шумафович, знаете, что среди ваших сродственников адыгов-кабардинцев есть большие писатели, такие, как Бекмурза Пачев, Али Шогенцуков, Алим Кешоков, – сказал мне при знакомстве Борис Зумакулов. – У кабардинцев есть и выдающиеся партийно-советские работники: Калмыков, Мальбахов. А сегодня я познакомлю вас с удивительным человеком – лидером Кабардино-Балкарии Валерием Коковым.

С первого взгляда мы пришлись друг другу по душе, и в дальнейшем между нами сложились уважительно-сердечные отношения. Неоднократно встречаясь с Валерием Мухамедовичем в Нальчике, Майкопе, Москве, я всегда отмечал его обаяние и свободное владение как адыгским, так

и русским языками. И, признаюсь, несмотря на то, что он был моложе меня, во многом брал с него пример: с его государственного мышления, литературных вкусов, его неукоснительного следования кодексу «Адыгэ хабзэ», простым человеческим поступкам. Читая мои книги, он говорил: «Вы расширяете границы моего национального мышления и самосознания, это правильно, что не забываете о трагедии адыгского народа и взвешенно подходите к решению наших сегодняшних проблем».

...1991 год. Год, когда я был удостоен звания лауреата Государственной премии СССР по литературе. Конечно, это событие для меня было значимым, но особенной радости я не ощущал. Это было тревожное время для страны, разъедаемой беспорядками и свободой слова. И я сам, будучи депутатом Верховного Совета СССР, находился в центре этих шумных политических баталий.

В Москве, не в пример прежним временам, мне наспех вручили диплом и медаль лауреата Госпремии СССР, тощий конверт с обесценившимися деньгами и три гвоздики. Голодный, весь день ожидавший это событие, я возвратился в гостиницу «Москва». Слегка перекусив в буфете, вошел в свой номер и услышал по радио трансляцию последних известий. В это время сообщали имена лауреатов Госпремии СССР по литературе: Астафьев, Окуджава и Машбаш. Мою фамилию диктор не смог правильно сказать и исказил ее.

Я усмехнулся про себя: стоит ли обижаться на диктора, который не смог правильно произнести фамилию нерусского лауреата. Позвонила моя супруга Сачинет, поздравила меня. Я сообщил, что на следующий день возвращаюсь домой, в Майкоп.

В аэропорту Внуково я зашел в депутатский зал. Решив пообедать, направился в ресторан. Пройдя мимо столика в углу, за которым сидели люди, услышал знакомый голос, окликнувший меня. Оглянувшись, увидел направлявшегося ко мне Валерия Кокова.

– Куда вы пропали, Исхак Шумафович? Мы с женой Виолеттой вчера весь вечер разыскивали вас, хотели поздравить с высокой наградой. – Коков, усадив меня за стол, представил своим товарищам: – Это наш выдающийся адыгский писатель Исхак Шумафович Машбаш. Вчера ему вручили Государственную премию СССР в области литературы. А где же ваша лауреатская медаль, я не вижу ее?

– В кармане, Валерий Мухамедович, еще не привык к ней...

– Дайте-ка ее, – взяв у меня медаль, показал ее председателю Госсовета Дагестана Магомедову и лидеру Карачаево-Черкесской Республики Хубиеву, затем опустил ее в рюмку с водкой, как это делали в годы войны. – Желая, чтобы вас удостоили еще более высокими наградами, чтобы адыги и вся страна гордились вами. Здоровья и счастья, наш уважаемый брат!

Магомедов, Хубиев и Виолетта тоже произнесли в мою честь теплые слова. Их самолет запаздывал, а время отправления моего самолета уже было объявлено. Я всех поблагодарил за поддержку.

Так, благодаря Валерию Мухамедовичу Кокову, в Москве было отмечено присвоение мне звания лауреата Государственной премии СССР. Но никто из наших руководителей не только телеграммой не удосужился

поздравить меня, но и по приезде домой не поздравил меня лично. Поистине правы адыги, когда говорят: «Не ходи в гости туда, где тебя знают».

Вскоре Валерий Коков прислал на мое имя теплую поздравительную телеграмму следующего содержания: «Многоуважаемый Исхак Шумафович, от имени многонационального народа Кабардино-Балкарской Республики тепло и сердечно поздравляю с присуждением вам почетного звания «Народный писатель Кабардино-Балкарии». Желаем вам новых творческих свершений в развитии многонациональной советской литературы. В. М. Коков, президент Кабардино-Балкарии».

И в последующие годы, пока жив был Валерий Мухамедович, он с большим почтением относился ко мне, как к старшему товарищу, и где бы ни встречались, мы неизменно выказывали друг другу самые искренние чувства. Узнав, что я по каким-то делам приехал в Нальчик, он откладывал все свои неотложные дела и встречался со мною: то ли у себя в кабинете, то ли приглашал домой, заинтересованно расспрашивал о моих творческих и общественных делах, делился своими впечатлениями о прочитанных книгах. И каждый раз делал какой-нибудь памятный подарок моей супруге и дочери. Будучи в Майкопе, Валерий Мухамедович находил время для нашей встречи, а если не было такой возможности, мы общались по телефону.

В доказательство того, что Валерий Коков во многом выгодно отличался от других партийно-советских работников – и по уровню образованности, и по интеллигентности – приведу такой пример. Однажды, беседуя со мною об адыгской литературе, Валерий Мухамедович спросил:

– О вашем творчестве, Исхак Шумафович, написаны какие-либо научные монографии, литературно-критические книги?

– Да, Валерий Мухамедович, такие книги имеются. Критик и литературовед Казбек Шаззо написал о моем творчестве литературно-критические исследования: «Живое слово» на адыгейском языке и «Ступени» – на русском. Существует множество литературно-критических статей о поэзии и прозе. Моя фамилия иногда встречается в кандидатских и докторских диссертациях.

– Слово «иногда» мне совершенно не нравится! – с досадой заметил Коков. – Наши литературоведы трудятся с ленцой. Не все, конечно, но многие из них безынициативны, живут старым «багажом», идут давно проторенными путями, перепевая одни и те же мысли и идеи.

– В последнее время появились аналитические работы и о моей поэзии, и о прозе, – продолжил я. – Литературный критик Халид Глепшерше написал серьезную монографию «Разговор о вечном. Исхак Машбаш: творчество, личность».

– Буду благодарен, если вы подарите мне и эту работу, и названные книги К. Шаззо. Хочу знать, что пишут о вашем творчестве критики и литературоведы.

– Книги Шаззо я вам вышлю. А вот монография еще не вышла. Да и вряд ли она скоро появится: уже год лежит в Московском издательстве «Советский писатель».

– А что – какие-то замечания профессионального плана?

– Да нет, рукопись восприняли заинтересованно, ей дана высокая оценка, но нет спонсора ее напечатать...

– Ну, если дело только в этом, то вопрос я решу.

Так научно-критическое исследование Халида Тлепцерже «Разговор о вечном. Исхак Машбаш: творчество, личность» с финансовой помощью Валерия Кокова вышло в Москве. Позже в Адыгейском книжном издательстве были изданы отдельными книгами «В художественном мире Исхака Машбаша» (К. Шаззо, Ш. Ергук), «Восхождение к памяти. Размышления о романах Исхака Машбаша» (Ш. Ергук), «Мир и любовь вам, живущие», «Жестокий век», «Народ и история в прозе Исхака Машбаша», «Мамлюки в романе Исхака Машбаша» (Алла Цукор), множество научно-критических работ разных авторов. О моем творчестве была защищена кандидатская диссертация, пишутся докторские исследования. Всем тем, кто трудился над моими книгами, я приношу свою признательность. Особую благодарность я выразил Валерию Мухамедовичу Кокову.

И сегодня воспоминания об этой яркой, незаурядной личности теплой волной охватывают меня. А когда думаю о том, что больше никогда не увижу его, сердце наполняется глубокой печалью.

Валерий Мухамедович Коков был одним из выдающихся адыгов нашего времени. Можно смело сказать, что такие люди рождаются раз в столетие. Его отношение ко мне, как к старшему товарищу, было глубоко уважительным, но его государственное мышление, умение решать неотложные проблемы, мужество и мудрость снискали и мое глубокое к нему уважение. Да, его, к сожалению, давно нет среди нас, но дела и поступки, которыми он руководствовался при жизни, не могут быть преданы забвению. Моя благодарная память о нем будет всегда.

Ахмат СОЗАЕВ,
народный поэт КБР

Корова в городе

Как жарок полдень
В городе из камня!

На гулом переполненном
Проспекте
Откуда-то
Корова появилась.

И посреди
Широкой мостовой
Ступает она
Медленно и гордо,
Все наполняя
Запахом молочным.

Бензина чад,
Асфальта дух горячий
Одолевает
Запах молока,
И все свежее
Воздух городской.

На тротуарах
Застывают люди,
Как будто в первый раз
Корову видят.

Рассматривает улица
Корову –
Рассматривает окнами
Высотных
Домов,
Глядит урчанием моторов,

Миганием
Трехглазых светофоров
И прочей городской
Мишурую.

Деревья
По обочинам проспекта,
Как ожили,
Молочный слыша запах,
Их ветви подувядшие
Воспряли
И напряглись,
Молочный чуя запах.

Идет корова...
Посреди проспекта
Ступает,
Величаво нарушая
Все правила
Дорожного движенья.

В ритм
Транспортных потоков
Не вмещаясь.

Проспект же
Расступается пред нею,
Чье вымя
Переполнено настолько,
Настолько горячо,
Что еле-еле
Идет корова.
Молока запасов
Хватило бы с лихвой на ротозеев,
Что вдоль проспекта встали.

Горожане!
Кто подоить бы
Смог корову эту?

Большой народ,
Кровь города большого,
К тебе я

Обращаю свой вопрос:

– Кто подоить бы
Смог корову эту?
Ты слышишь,
Как мучительно мычанье?
В нем – просьба,
Повеление
И плач.
Большой народ,

Кровь города большого,
Что ж ты молчишь?
Народ ты
Или нет?..

Что за народ,
Который не умеет
Обычную корову
Подоить?!

Перевод Л. Шерешевского

Давать достойнее, чем брать

Дающая рука руки берущей
Достойней и почетнее всегда,
И горец, этим правилом живущий,
Уверен: не возьмет его беда.

Своим путем иду я в мире этом,
Пишу свой день я собственным пером
И руку обязал свою заветом –
Дающей быть, одаривать добром.

Перевод Г. Яропольского

А. Созаев и президент КБР А. Каноков во время присвоения звания
«Народный поэт КБР». 2006 год

***

Раскрыты окна и раскрыты двери...
В миру блуждают солнечные тени,
И вырастают тысячи деревьев
На белых стенах в комнатной тени...

На улице светло от беготни,
От горных рек и вешнего цветенья,
А у порога солнечные тени –
Как доброе приветствие родни.

Я сын вершин, и сны мои полны
В слепящем полдне лепестками бликов...
Прильнет к ладони девичья улыбка,
Улыбка торжествующей весны...

Новобрачным

Вы, что сегодня веселы, нежны,
Прошу, друг другу станьте так нужны,

Как пальцу нужен ноготь, а игле –
Наперсток; как луна потребна мгле,

Как дым всегда нуждается в огне,
А осень – в золотом погожем дне.

Друг к другу относясь, как мост к реке,
Всю жизнь пройдете вы рука в руке.

Светлана МОТТАЕВА

Женщина, у которой гостит солнце

Новелла

Дине восемьдесят. Живет одна в своей однокомнатной «хрущевке». Был муж – умер лет пятнадцать назад, есть дети – двое сыновей. Оба далеко, один в Анкаре, другой в Паттерсоне (США). Дина не захотела уезжать из республики, хотя сыновья, и старший, и младший, зовут мать к себе:

«Здесь была моя зыбка, здесь и могилка, скоро уже... А где-то здесь он... Ахмат... Ахмат...».

Сидим с Диной, молчим. Она, полуприкрыв веки, словно дремлет в стареньком кресле-качалке. «Ну, что, Динушка? – спрашиваю ее. – Принести из магазина чего?» – «Нет, спасибо, вчера Асхат, Фенькин сын, и кефирчика, и каши овсяной принес. Вон на буфете... ничего не надо», – и снова уходит в дрему. Я сижу рядом, глядя на ее еще моложавое не по годам лицо. Оно освещено солнцем, падающим из окна через колеблюмую сквозняком старомодную штору. «Знаешь, – как бы просыпается Дина, – вот живу, солнышко в гости навевается, и так хорошо, так уютно... Тебе не понять, какое счастье вот так, запросто с солнышком встречаться. Я с ним как с живым, другом, что ли, разговариваю. Оно – раз! И прямо ко мне с неба! Ему, видно, тоже хорошо, и мне, грешной. А хочешь, я расскажу тебе, как я любила, как страдала. Когда любишь, страдаешь. Ну, это, когда человека... мужчину.

Были мы с ним ровесники, лет по тринадцать-четынадцать обоим. Родители наши были очень дружны, то они к нам в гости, то мы к ним. А для нас, городских, в деревне раздолье, и еда не то, что в городе, – парное молочко, свежие сливки из-под сепаратора, вкусные супы с фасолью или лапша домашняя, опять же, курочки, яйца. Да что там говорить, хорошо летом в деревне, особенно на каникулах.

Сакинат, мама Ахмата, в наш с сестренками приезд, стонит его и младшую, Зару, с кровати, и положит своих детей на полу. А на койке сплю я с сестрами, гости дорогие все ж. Мы любили играть, как и все дети, бегали наперегонки, отшелушивали фасоль, которую Сакинат поровну отсыпала каждому: «Не бездельничайте, почистьте фасоль», и уходила на колхозную плантацию. И так каждый день.

Ночью мальчик тихонько протягивал ко мне руку, шершавой пацаньчей ладошкой сжимал мои худенькие пальчики. Так и держал их долго-

долго, пока мы оба не засыпали. А еще, бывало, постелет во дворе Сакинат длинную подстилку, побросает каждому по подушке, спите, мол, а сама уйдет в дом, дверь закроет на щеколду. Мы спим на улице, опять же Азия, жара, а на воздухе ох как хорошо!

С моим юным другом прижмемся друг к другу, совсем по-детски, так и зарю встретим счастливые. И никаких дурных мыслей. А просто вот так, прижавшись друг к дружке, как два кутенка, и до утра под звездами!

Вспоминаю это частенько и думаю, ну до чего чистыми мы были, не то, что сейчас показывают по бессовестному телевизору. Тьфу! Дело молодое, и однажды Ахмат прикоснулся губами к моей щеке, тихо-тихо. И стало так радостно. Так радуешься только в детстве.

И что странно, ни он, ни я ничего друг другу не говорили, только придумали выводить на ладошках слова. Однажды он «написал» на моей ладони «люблю». Я тоже.

Знаешь, это были чистые, светлые чувства. Сейчас, думаю, как это можно было, вот так нежно, но строго относиться друг к другу. Никому из нас и в голову не приходило переступить ту самую хрупкую грань, которая называется целомудрие. Воспитание, что ли, было такое? Не знаю...

Так годы и шли, мы повзрослели, и жили с Ахматом уже далеко друг от друга. Он вернулся с родителями на Кавказ, а я еще оставалась там, в Азии. Правда, он стал мне писать письма, но в его весточках и намек на было на нашу полудетскую влюбленность. Однажды только приписал в конце очередного письма: «За окном падает густой весенний снег, и, знаешь, как тоскливо, дорогая...». «Дорогая... дорогая...» Тетрадный листок задрожал в моей руке, «дорогая»... Сердце сжалось от сладкой боли, затрепетало, как письмо в моей руке. Значит, помнит, ждет, тоскует, зовет...

Потом была встреча здесь, на родине. Но мы словно зареклись забыть обо всем, затаились, вели себя как ни в чем не бывало. Я ждала его шагов, ждала, ведь именно так меня учили: первый шаг должен сделать мужчина, говаривали взрослые, и мать, и бабушка, которые вырастили меня. Я ждала.

Однажды, на молодежной вечеринке, где были он и я, все пели, танцевали. Я пела соло, что-то очень лиричное, романс какой-то. Он смотрел на меня, не отрывая глаз. А я звала его взглядом, умоляла: «Вспомни, вспомни... вернись». Помнишь, – спросила Дина, – Герду в Снежной королеве, которая взывала к Каю – «очнись, это я, твоя Герда...»?

Была ночь, когда мы вышли на улицу, в промозглую осеннюю сырость. Он взял меня под руку, повел по сельской улице мимо мокрых плетней. Шли молча в резиновых сапогах – мода тогда была на резиновые сапоги – не то, что сейчас, чего только не носят, все дорогое, красивое. А в нашу молодость жизнь была скудной да скромной.

Я шла, опираясь на его крепкую руку, и ждала... ждала. Знала, первая никогда шага не сделаю. Сердце же настойчиво твердило: «Не бойся, откройся ему, вы же любите друг друга... Те годы не ушли, не истаяли... Они в вас... с вами...» – «Нет, не могу, не откроюсь...» Через несколько шагов уже наш дом. Не помню, как он заключил меня в объятия... не помню...

Но помню ощущение невыразимого счастья, переполнившего всю меня. Запомнился единственный ласковый, как в ранней юности, поцелуй. «Ну люблю я тебя, понимаешь... понимаешь?..»

Жизнь такая злая штука, снова разбросала нас по разным углам, нет, не планеты, мы жили неподалеку друг от друга, но, казалось, были очень далеки, как будто не было нашей юности и того вечера, и единственного поцелуя, не было ничего.

Однажды кто-то из подружек сказал: «Ты знаешь, он ходит к этой... врачихе, из города». Сердце мое упало, я едва сдерживалась, но не подала вида, какой удар она мне нанесла.

Врач та жила здесь же, в казенной квартире. И как-то, не в силах больше терзаться сомнениями, я ночью пошла к дому, где она жила. В ее окне горел свет. Затаив дыхание, я лежала на влажной траве, ждала. Но вот показалась тень. Это был он. Он! Легко запрыгнув на крыльцо, Ахмат скрылся за дверь. Не прошло, наверное, и минуты, в окне резко погас свет. Померк свет и в моих глазах. Слезы оросили мое лицо, когда я окунулась в ночную июньскую траву. Все! Вовеки... вовеки все!

Врач оказалась беременной. Его принудили, я слышала, жениться на ней. Ну, там дети пошли, как и должно.

Прошло двадцать лет. Проездом он был в наших краях, и нашел меня по телефону. Мы поехали в один из ресторанов города, грустно посидели. Он взял мою руку и, пристально глядя в глаза, спросил почему-то: «Ты такая же гордая, как и раньше?..»

А я всегда, особенно когда в гости ко мне приходит солнышко, думаю, думаю, что за странный вопрос он мне задал тогда? Что он этим хотел сказать? Как ты думаешь, девочка, – обратилась ко мне Дина, – может, найти его, если он живой, и спросить, зачем он мне задал тот вопрос? Зачем? Если бы узнать».

Что я могла ответить восьмидесятилетней женщине, у которой в эти часы гостило солнце? Что?

Яблоко раздора

Из героев этой истории остался в живых один он – Домалай. Да два-три свидетеля, которые и рассказали мне ее. А замешена она на бедах и крови тех, кого вырвали из веками насиженных мест и забросили в бескрайние степи Казахстана и Средней Азии.

Домалаю было три года, когда его отца забрали в армию. Вскоре пришла похоронка. Погиб отец мальчика на фронте. Был он одним из бойцов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии.

Осталась вдова Нюрисхан с двумя мальчишками на руках – безутешная и беспомощная.

Потом 44-й год. Депортация. Вместе с односельчанами из Хасаньи Нюрисхан, пережив все мытарства двухнедельного унижительного пере-

езда в вагонах для скота, оказалась в казахском кишлаке, где-то под Джамбулом. Теперь, вроде, город носит другое имя.

В кишлак она, как и многие спецпереселенцы, прибыла в тифозном бреду. Умидали люди в полном беспамятстве. Заболели и сыновья вдовы. Попали в стационарный тифозный лазарет. Старший поправился, а младшего, Домалая, мать оставила долечиваться. Прошла, может, неделя, другая, и вдова поехала за младшим. В лазарете мальчика не оказалось. Крики и плач Нюрисхан хоть и тронули обслугу больницы, но сына ей никто не вернул. Рыдая и рвя на себе волосы, вдова вернулась в свою глинобитную хижину. Молча взирали на нее оставшиеся в живых, бледные и измученные соседи. Только кто мог утешить мать, потерявшую сына?

Потекли дни, недели, месяцы, годы, полные тоски и отчаяния. Колхозные поля, изнурительный труд не могли заглушить в сердце матери саднящей, неутрахающей боли.

Усталая к ночи, она валилась с ног. Но сон не шел к ней. На рассвете Нюрисхан вновь вставала со своей жалкой подстилки и, взяв за руку старшего сынишку, шла на колхозное поле – отбывать повинность.

Однажды пришло письмо из Киргизии, Иссык-Кульской области. Бывшие односельчане писали: «У здешнего киргиза-скотовода видели мальчика-подпаса, похож он больно на твоего Домалая...».

Двое-трое родичей, взяв у местного коменданта пропуск, вместе с Нюрисхан двинулись за тысячу километров к киргизам. По приезде и вдова, и односельчане бросились к усадьбе того скотовода. Пришли к его хибаре, а того и след простыл. Услышав, что спецпереселенцы ищут мальчишку, тот ушел к горам, забрав его, на отгонные пастбища. Надеялся, видать, в кошах переждать события. Только мать и ее спутников не остановил дальний путь. Нашли на отгонных киргиза. По известным только ей приметам Нюрисхан узнала своего сына. Упала на колени, стала умолять вернуть Домалая, которому было тогда уже девять лет. Маленький батрак с лоснившимся от степного ветра лицом, да босыми ногами, покрытыми коростой, сызмальства ходил за хозяйской барантой. Порой недоедал, недосыпал, ночевал под открытым небом, согреваясь теплом сторожевых собак.

Ничего не понимавший мальчишка оробело смотрел на спорящих взрослых. Хозяин успел внушить ему: приехали людоеды, хотят отнять тебя. И теперь Домалай плакал, растирая по грязному лицу слезы, умолял Сарсенбая: «Ака, не отдавайте меня... Я не хочу к людоедам». И тот был неумолим: нет, и нет, это мой пацан, идите отсюда.

Вернулись в аул ни с чем. Нашлась землячка, работала где-то в собесе, помогла подать иск в суд.

Выяснилось, что мальчика Сарсенбай купил в тифозном лазарете. Это он, каясь, выкладывал уже на суде. «Хотел, чтоб сынишка был. Я его не обижал, кормил, одевал, холил. Простите, простите».

Мальчик расставался с Сарсенбаем, рыдая, цепляясь за его чапан, но напрасно.

Долго, очень долго привыкал он к Нюрисхан, дичился, забиваясь в

угол, кричал: «Кет! Кет!» (уходи), – но мать терпела и, наконец, добилась своего, Домалай сдался. Со временем привык к ней. Она сажала его на колени, гладила по жестким волосикам, тихонько напевала колыбельную, и мальчик засыпал, прижавшись к матери. Теперь он тянулся к ней, его измученное сердечко и истрадавшееся материнское сердце бились в унисон – они нашли друг друга. Целыми днями, пока мать в поле, братишки играли во дворе. Одолевал их голод порой, но мать всегда что-нибудь да приносила детям. Казалось, беда позади.

Но объявился в ауле высокий, статный чеченец с дочерью – тоже из переселенцев. Заявился прямо к Нюрисхан и с порога ошарашил ее: «Сын мой у тебя, верни его, потерялся пацан, когда нас выселяли».

Бедная вдова в слезы, Домалай с плачем к материнскому подолу: «Не пойду! Мама, не отдавай меня! Мама-а-а!»

Один мудрый родич увещевал Нюрисхан: «Слушай, женщина, давай мы вас поженим, и вместе поднимайте детишек, он вдовец и ты безмужняя». На что Нюрисхан ответила: «Как ты можешь мне такое предлагать?! Отец их еще вернется, мало ли что пишут. Не погиб он – сердцем вижу!»

Снова был суд. Тяжба есть тяжба: взаимные упреки, уговоры, слезы. Но все кончилось, когда судья спросил Домалаю: «С кем ты хочешь жить?» И мальчик, вцепившись в подол матери, захлебываясь слезами, крикнул: «С ней! С мамой!»

Из героев этой истории остался в живых только Домалай. Прошло лет десять, как он похоронил мать, которую любил и чтил всем сердцем. Выросли у него два сына и две красавицы дочери. И живет он под боком у меня, по соседству. Много лет он шоферил, теперь на пенсии. Живет в трудах и заботах, как и положено. И о том, что с ним приключилось, никто его не расспрашивает.

Бриллиантовый перстень

Дина с трудом приходит в себя после гриппа: восемьдесят лет – это не шутки. Она капризна, ворчлива, недовольна всем и вся: «Только и уговаривают – надо жить, беречь себя, не волноваться. Сколько живу, столько и слышу этот докторский бред: живи, не волнуйся, сами будто так и поступают. Вон моя врачиха Адель Абрамовна: точь-в-точь саксаул степной, худая, тощая, а еще других все поучает, как беречь себя. Эх!» – слабо махнула рукой Дина.

А я ей: «Динушка, брось ругаться, расскажи лучше что-нибудь интересное, повспоминай об Ахмате. Не снится он тебе, мы же частенько ему косточки перемываем?» – «Э-э-э, – поднимает указательный пальчик Дина, – с чего это ты взяла, что косточки перемываем? Нет и нет! Никогда не говори так о нем. Он – лучшее, что я видела в этой жизни, правда, кроме отца мальчишек, земля пухом бедному Исмаилу. Но Ахмат – это Ахмат».

– Дина, ради Аллаха, неужто свет клином сошелся на этом Ахмате?

Хотела бы я видеть того, кто променял тебя, красавицу, на какую-то случайную врачиху. А подумать – так ему, глупому, и надо, он не заслужил тебя, Динушка.

– Судьба так решила, – большим голосом, словно стон, выдохнула Дина. – Но знаешь, ты права, свет клином, конечно, на нем не сошелся. Сама понимаешь, жизнь каждой женщины – как большая книга или альбом с фотографиями, есть что вспомнить. Так вот, расскажу тебе одну историю, из-за которой не перестаю себя ругать, хотя то, что случилось, было предназначением. В те годы, когда не стало Исмаила, а я билась как рыба об лед, чтобы поднять на ноги мальчишек, завела я себе моду кокетничать с одним человеком. Не подумай ничего, видно, одиночество толкало меня на это. А человек тот, интуитивно я понимала, всей душой тянулся ко мне, красиво ухаживал. И это ему ничего не стоило. По тем временам он считался и богатым, и успешным, деньгами, замечала я, сорил, любил угощать друзей, а их вокруг него вертелось тьма. Работал он в КРУ, его боялись, перед ним лебезили и торговые работники, и общепитовские, ведь какая-никакая, а власть.

Названивал он мне по пять-шесть раз на дню. Шутки ради и в угоду своей прихоти присылал мне шоколадные конфеты, тогда ценились трюфели, и всякие безделушки. Предварительно позвонив по телефону, он высокопарно заявлял: «Ханум, к вам имею честь направить моего лучшего друга с небольшими дарами, примите их».

Меня и его забавляла эта игра. И каждая последующая его выходка была оригинальной, полной юмора. То он стремительно ворвется в мой кабинет, отберет ключи от дома, отправит во внутренний карман их, и все что найдет, схватит со стола.

И все это ради того, чтобы поужинать со мной в ресторане, и не в общем зале, а в так называемом малом, дверь в который вела не из общего зала, а с улицы. Завзлом и официанточка прибегут: «Что прикажете?». И на столе, как на скатерти-самобранке, появится все, что душа пожелает – икра черная да красная, лучшие вина, жульены там разные и всякая снедь. Он потчует меня, а сам не отрываясь смотрит, как я ем, приговаривая: «Я бы умер, если бы ты оказалась хозяйкой моего дома, и вот этими ручками (прикасается щекой к моей руке) подавала бы мне еду! О, Аллах!...»

Он был добрым и очень открытым человеком. Знаешь, мне кажется, чересчур открытым. Многие пользовались этим. Женщины, для которых он не скупился на комплименты и, уверена, на разного рода подарочки-сувенирчики, все грезили себя царицами его сердца, да и дома.

А был он некогда женат, расстался с женой, где-то росла у него дочь, говорили, что и их он поддерживал на все сто. Ну, не обижал, одним словом.

То ли я была умнее других, тех, что имели на него виды, то ли, понимая, что мало кто польстится на одинокую женщину с двумя сорванцами, к его ухаживаниям относилась с юмором. Любила поэтому подтрунивать над своим пылким поклонником, который, кстати, был старше меня лет

эдак на семнадцать. «Вот подаришь мне бриллиантовый перстень, стану любить тебя...» Он так же шутливо отвечал: «А что – и подарю! Не веришь?» Разговор каждый раз на этом и заканчивался.

И вот однажды раздался телефонный звонок. А было это 8-го марта, в наш женский праздник, когда коллеги-мужчины успели поздравить нас, вручив по веточке мимозы и почему-то по кухонному фартуку. Это нас очень позабавило и даже разозлило: «Мужики указали нам на наше место», – пересмеивались сотрудницы. А друг мой поприветствовал меня и говорит: «Дина-ханум, я тебя очень прошу, не уходи домой, сейчас побегу в ювелирный и привезу тебе твой бриллиантовый перстень... Прошу, ни-ку-да не уходи, слышишь?! Подожди один час...» – «Боже, что я наделала!» Лицо мое запылало от стыда и того, что он мог, в конце концов, обо мне подумать, если я приму такой подарок! А если не приму? В какую ловушку я себя завела!.. Будь что будет! – взяла я себя в руки. – В конце концов, сердечно поблагодарю его и очень попрошу не обижаться, если не приму этого дара».

Народ уже разбежался, а я сижу в кабинете одна. Жду. Прошел час, миновал второй, пошел третий. Наконец часы пробили шесть. В сердцах захлопнув дверь кабинета и всю дорогу проклиная себя, что попалась на уловку «этого ловеласа», еду домой. «Ну и праздник у меня получился. Так мне и надо, старой дуре!» А этой «старухе» едва за тридцать тогда было.

Приехала домой в расстроенных чувствах, а вспомнив, что забыла на столе веточку моей любимой мимозы, вконец сникла. Ночью плохо спала, заснула, кажется, далеко за полночь. И вижу сон, как будто я на аудиенции у короля. Он благоволит мне и даже прикасается губами к моей щеке. Подданные его величества с завистью наблюдают мой триумф.

Утром внезапно на пороге кабинета встречает коллега Лариса с озабоченным лицом: «Ты слышала?» – «Что?» – «Вчера скоропостижно умер твой поклонник...» – «???» – «Да-да, скончался...».

Потом я узнала, что именно после того рокового, как оказалось, звонка ему стало плохо. Как водится, примчалась неотложка, в больнице его экстренно положили на операционный стол. Но хирург, говорили потом, не успел занести над ним скальпель, как больной скончался.

– Ты знаешь, – обратила ко мне Дина глаза, полные слез. – Ты знаешь, он был такой добрый... такой... И, стараясь совладать с собой, уткнулась лицом в лежащую на коленях шаль.

– Ладно, Динушка, ладно, – прижалась я к седой голове моей старой подруги. – Ладно, будет тебе...

Амир МАКОЕВ

Сады Масират

Повесть

Придуманное когда-то ради забавы, со временем это занятие стало спасительным для нее убежищем. Масират не держала в себе отзвуков болезненных разговоров, – спрятав их содержание в воображаемый мешочек, она мысленно обрушивала на него чугунный сейф, и там, в одной из пустующих комнат для гостей, куда переносила действие, они теряли силу. Обращенные к ней неприятные слова она как бы укладывала в железный сундучок и бросала в реку, что протекала за лесистым холмом. И отчетливо себе представляла, как слова эти, впитав холодную горную воду с примесями ила и песка, тяжелели и беспомощно тонули. Или как сейчас: все, что говорилось присутствующими в комнате – родителями мужа, старшим братом свекра и его женой, тут же оказывалось в утробе мыльно-сверкающих шарообразных пузырей, незримо летающих по комнате. Уплывая через открытое окно в сад, эти наполненные словами пузыри беззвучно всплывали и мгновенно сгорали на горячем июльском воздухе.

Какому-нибудь наблюдательному собеседнику Масират могла бы даже указать на своеобразный дымок, образующийся от этих вспышек. Пояснила бы, что отдельные слова при сгорании дают особый, присущий только им цвет, а если они составляют фразу да еще имеют определенную эмоциональную окраску, то образуются неожиданные цвета. Если: «Послушай, доченька», или «Ты должна нас понять», или «У тебя тоже будет счастье» – оставляли после себя бежевое, лазурное или матово-серебристое облачко, то «А ведь пять годов уже», или «Знай: всякий мужчина желает иметь полноценную семью», или «Ничего тут не поделаешь, раз такое у тебя на роду написано», – темно-бурое, бледно-зеленое, красно-коричневое.

Вот над головами образовался еще один воображаемый шар, и он наполнился – «Давно уже сорок дней справили твоей матери, дом ваш стоит пустой, ты не думай о нас плохо, мы помочь тебе будем» – и понесся он прямо на Масират. Зеркальные стенки его чисты, и она удивленно смотрит на свое отражение: ведь она же молода и по-настоящему красива. Подруги говорят: ее глаза как будто заранее тебя ждут и любят, в них зачаровано утопаешь, коса длинная, черты лица такие, что даже редкая женщина не придет в восхищение, а ее голос предназначен произносить только слова любви – и она об этом знает.

Но тогда отчего природа не дала ей главного? Не дала именно ей, кто на всем свете, быть может, больше других женщин этого желала? И почему этот шар застыл перед нею? Улетай прочь, унеси ее боль далеко-далеко отсюда, чтобы не помнить о ней. И разве могут ее счастью помешать темные сельские люди, его родня? Кто может знать о том времени, когда чрево ее наполнится желанным плодом? Не им решать ее судьбу.

Но тот, кто мог и должен был решать ее судьбу, сейчас невозмутимо возится у машины за окном, хотя еще вчера говорил, что с утра поедет в районный центр по срочным делам. Присмотреться – его движения не имеют какого-либо смысла. Он без всякой надобности снимает и ставит обратно свечные колпачки, а то возьмет ключ и выкрутит одну из них, посмотрит грустно вдаль поверх деревьев и снова вкрутит, даже не сняв со свечи легкого нагара, даже не оставив сколько-нибудь осмысленного взгляда на всем процессе. И непонятно, для чего он теперь принялся за фары, к тому же неудачно поддев одну из крепительных металлических клипсов, стекло под отверткой треснуло – и это при его-то всегдашней осторожности во всем. Нет, должно быть, и у него сейчас на душе неспокойно. Его для того и удержали дома, чтобы предупредить возможные осложнения и разом покончить со всеми разговорами, претензиями и мольбами на случай, если такое возникнет с ее стороны. Нет, ничего этого не будет. Пусть не думают. Разве они не знают ее. Стало быть, между родственниками все решено. Как поступить с Масират – принято общим мнением, а он всего лишь ожидает объявления о благополучном исходе переговоров, сам-то он определился.

А ведь еще только ночью они лежали вместе, и перед сном Масират узнавала и ловила запах его кожи, этот ароматно-терпкий вкус мужниного тела, какого, вероятно, нет ни у одного мужчины. Он лежал совершенно отстраненный, думая о своем, впрочем, так часто бывало и в прежние времена, – понятно, сейчас много забот на новой работе. И ни слова о готовящемся на сегодня событии. Чему удивляться – не любит он объяснений: за все пять лет им не было произнесено ни одного упрека, даже ни одного сколько-нибудь серьезного обсуждения между ними не случилось. Считалось, люди они умные, все понимают и без слов. Хотя, надо признать, был он всегда трусоват, предпочитал прятаться от проблемы, лишь бы не оставаться с нею наедине – а там время решит, как нужно. Вот и сейчас с Масират объясняются его родственники.

Сам он тихий, по-своему милый муж и послушный родителям сын. Семья у них как семья – ни хорошая, ни плохая, старший сын и дочь. А вот дочь, та совсем другая: бойкая и веселая, открытая, искренняя, могла быть ей лучшей подружкой. Но скоро она вышла замуж за военного, и уехали они в северные края служить родине и родили там двух девочек. За все годы пребывания Масират в их семье та приезжала только раз, но успели подружиться с нею и полюбить друг друга. Она не позволила бы своим родственникам так унижительно избавляться от Масират. Этот же не нашел в себе мужества даже поговорить с нею.

После «Невесту мы уже подыскали, и согласие получили» Масират

больше не слышала их голосов, и, пытаясь думать о тех разноцветных облачках над садом, как могла до времени держалась. Как вынести это унижение? Где взять силы подняться прямо сейчас и уйти? Как пережить ближайшие часы, чтобы не сойти с ума? И тут она отчетливо увидела комнату, наполненной теми шарообразными пузырями, внутри которых томились ожившие слова, они походили на бесформенные, меняющие свои очертания тельца с изможденными человеческими лицами и просили о помощи. В тщетной попытке разорвать упруго-тягучие стенки и вырваться наружу они растекались по ней вязким кроваво-красным месивом. И в ту же минуту она почувствовала резкий тошнотворный запах из дальней гостевой комнаты, где под громадным чугунным сейфом, впрочем, которого там никогда не было, в одну минуту разложились все упрятанные там разговоры из неприятных слов, точно это были отдающие смрадом человеческие тела. И отчего-то вдруг подумала о реке, протекающей за холмом, что и она высохла до узенькой хилой речушки, а русло ее успели обжить камыши да лягушки.

Масират не могла бы в точности сказать, на самом ли деле слышала эти слова, или же в бредовом забытии мозг ее продолжил предыдущий разговор: «Материну корову Муру забереешь, кормов дадим, невесту уже подыскали, да ты ее, наверное, знаешь, сегодня скот не выгоняем, на все село ни одного пастуха не найти – все умные стали, может быть, рада будешь за мужа, вы учились вместе и привыкли друг к другу, а это пройдет, отрубей, и на свадьбу приходи обязательно, сена завезем, как же ему и нам без детей, кукурузы дробленной, согласие она дала и родители хорошие, не оставлять же сыну единственному без счастья, кур, постель, подушки само собой и мебель, какую захочешь, уток, гусей, индюшек на вывод дадим, видно, всевышнему так было угодно, одну без пригляда и в обиде не оставим, мы люди не такие...».

Через какое-то время перед нею открылась та же комната. На столе графин с водой, мокрое полотенце, картонная коробка из-под обуви с лекарствами, а в комнате душливый запах старых тел, до этого ею незамеченный. Отец мужа, красный толстенький мужичок, его жена, в точности как их пузатый зеленый чайник в белый горошек, и еще два угрюмых силуэта тесным полукругом застыли над нею, и умоляющему взгляду Масират некуда оттуда выбраться. Слабость в теле до того невыносимая, что нет уверенности, сможет ли вообще подняться, даже пошевелиться. И все же отыскивается окно – оно почему-то оказалось с другой стороны, – там была лужайка, где стояла машина, но ее уже нет. Перехватив ее взгляд, свекор виновато сообщил, что Масират с ним сама говорила и потребовала сейчас же ехать по делам и оставить ее в покое. Пусть она лежит – не двигается, заботливо вступила в разговор зеленый чайник, набирается сил, надо же какой слабый у нее организм оказался, никогда бы не подумала. Но сын скоро вернется, пусть не подумает чего о нем плохого. Дела сделает и сразу обратно. Стало быть, уехал. Он, конечно, вернется, он же у них во всем правильный. Ах, да, такую же мысль она подумала вчера перед сном: у него лицо и даже все тело без единого изъ-

яна – нет ничего такого, что нужно было бы переправить. Правильное изобретение родителей, не приносящее никому ни радости, ни пользы.

Они продолжали еще что-то говорить, но, закрыв глаза, Масират их уже не слышала. Ее теперь беспокоил один важный, по ее мнению, фрагмент только что виденного сна или – не знает, как точно определить – видения наяву, что ли. Он никак не давался восстановлению. Очень может быть, что он имел отношение к матери. Хотя нет, волнующий ее фрагмент она увидела после, перед самым пробуждением, и был он связан с полетом. Но нет никакой возможности выйти на искомую картину – не за что ухватиться. А плечо? При этом сильно болело левое плечо. Поднимает рукав кофты, и обнаруживает довольно большое фиолетовое пятно. Откуда это? Она не падала, она вообще не вставала с дивана, о подробностях же короткого ее забытья спрашивать присутствующих, разумеется, не станет. Они и без того сейчас на нее смотрят, точно она свалилась с неба. Что это у тебя с плечом, спрашивают они, ты так стонала сейчас? Как хотелось, чтобы они ее ни о чем не спрашивали. Да и что за глупость спрашивать ее о чем-либо в такую минуту. Пошли бы все прочь. Но почему не открывается фрагмент сна, если он связан с плечом? А он связан, в том сомнения никакого. Но нет, не получается. Какого же душевного напряжения требует одно только усилие восстановить увиденную картину, а сил не хватает.

Голоса снова достигают слуха: ты лежи, Масират, лежи, сын-то как ругался с нами, никогда его таким не видели, никто не понимает горечи родительских страданий, даже дети свои – не так говорили, не так говорили – а как говорить? на вот, попей отвара, а, может, кислого молока хочешь? Она уклоняется от поднесенной ко рту голубой керамической кружки и тихо, но решительно произносит: «Везите к матери. Отвезите, очень вас прошу. Скорей».

Она не захотела дожидаться ни мужа на машине, ни кого бы то ни было, а только тихим ослабленным голосом твердила и им и себе: скорее домой, в дом матери, и корову заберу сейчас, раз в поле не выгоняли. Откуда-то нашлись силы подняться, но кружилась голова, и трудно было бороться с тошнотой. Кое-как собрались вещи первой необходимости, она положила их не в большую дорожную сумку, а почему-то кинула все на цветную простыню и завязала узлом, как это делали в прежние времена.

Обеспокоенный и пристыженный, свекор по ее настоянию запрягал коня, обильно потел под жарким солнцем и говорил сам с собою: везти ее в телеге на виду у всего села да еще с коровой – что скажут люди? Рта им не закроешь, и пойдет молва – страшнее не придумаешь, каждому не объяснишь своей душевной боли, а им бы только посудачить да посмеяться, неприятности у других только радуют сельчан.

Он сердито бросил в телегу по мешку комбикормов, кукурузного зерна, отрубей, а также охапку свежей травы – скотину кормить надо, она думает одна управиться, учительница родного языка! Но сейчас ей перечить он не решался. В нем боролись два смешанных чувства: дело, которого они с женой боялись больше всего, благополучно решилось, сын свободен и нет препятствий для новой жизни, но после разговора

остался такой отвращающей горечи осадок, что лучше бы и вовсе его не было – разбирались бы сами, без них.

Под слезы и глухие причитания свекрови, которых никто не слушал, они выехали со двора. Масират не села рядом с ним на скамью, а выбрала, как он считал, враждебное по отношению к нему место в хвосте телеги, свесив при этом сиротливо ноги, точно обездоленная путница, приютившаяся по дороге. А главное, она демонстративно держала большой узел с вещами на коленях, склонившись над ним с такой печалью во всем облике, что не прочесть по ней случившегося было невозможно. В довершение раздражавшей его ситуации они вели на привязи корову Муру, которая, точно ему назло, ранее невиданной за нею резвостью выражала в некотором роде подъем своих животных сил и какую-то непонятную ему коровью радость.

Дом матери находился на другом конце села. По тихой улочке, что проходит вдоль маслобойного завода, свекор выехал на окраину села, чтобы по ней добраться до места – все ж меньше людей. После дождя, бывшего здесь дня три назад, глина на солнце высохла, окаменела, и дорога сделалась сухой, жесткой и кочковатой. Горячий воздух был напитан ароматами цветущей листвы и набирающихся соками плодов, скошенной утром травы, закинутой на крыши сараев для сушки. К ним время от времени примешивались привычные запахи навозных куч, невидимым паром плывущие из загонов для скота. Улицы были пустынные, лишь кое-где на лавочках встречались одинокие сельчане: кто присматривал за гусятами или индюшатами, кто нянчил беспокойного внука, кто вязал, а кто просто сидел, провожая редких прохожих бессмысленным взглядом, тяжело и лениво приветствуя их вставанием. Дома, деревья и люди медленно увязали в удушливо-сонном оцепенении.

Масират думала, что утром в ней произошла перемена, которую до конца еще не осознала, но одно в ней определилось отчетливо – ей стало все равно. То ли и в самом деле внезапная боль сделала ее бесчувственной ко всему, то ли физическая слабость способствовала временному душевному онемению, но в ней сейчас не было ни агонии сменяющих друг друга неприятных образов, ни бесконечного повторения ранящих душу фраз. Да, ей безразличны сейчас все люди: знакомые, родственники, сельчане со своими житейскими проблемами, их мнения и разговоры по поводу нее и даже весь мир. Равнодушие и пустота ее не пугают, кажется, так и могла бы сейчас пройти по селу обнаженной – и ей было бы все равно, что скажут люди. Утешает возникший вдруг интерес к вновь обретенному состоянию, которое допускает столь дикое проявление своего протеста, как пройти по селу в неприглядном виде. И что больше всего ее удивляло: она спокойно обдумывала такую возможность, не считая при этом себя сумасшедшей. Хотя какой сумасшедший, подумала она, себя таковым считает.

Сейчас Масират смотрела на старый дом по-иному, хотя и бывала здесь после смерти матери каждую неделю – к ней вернулись ощущения детства. Прежде она садилась в саду под грушевым деревом, стоящем в

одинокости вдали от ровных яблоневых рядов прямо на входе. И тут же сад оживал присутствием отца. Только теперь Масират стала понимать, как он был красив – смуглый, жилистый, он явно выделялся среди мужчин их села. Всегда веселый и шутливый, он имел привычку в поучение детям пояснять свои действия – будь то разведение химикатов для опрыскивания или способ собирания и хранения плодов. Смотрите, мол, учитесь, это надо знать всем: сад, пусть не очень богатый, но кормит нас. И странно было наблюдать его, когда он оставался один, – отец продолжал говорить сам с собой, точно читал монолог из какой-нибудь пьесы. Появлялась мать – неизменный объект его шуток – и между ними по всякому поводу происходило безобидное сражение, основанное на шутках и остротах, где каждый по-доброму выставлял слабости другого с самой что ни на есть комической стороны. Матери это скоро надоело, и она покидала сад – своих дел по хозяйству полно. Отец торжествовал победу, и не беда, что он теперь оставался один – две маленькие дочери в помощницы не годились, скорее, мешали, – побеждать всегда было для него по-ребячески важно. Если отцы семейств предпочитали избавляться от общества жен и детей, чтобы провести время в компании своих приятелей, то их отец был человек иного рода – он всюду водил с собой своих дочерей поочередно. Это и дни рождения у родни, и сбор на работе по случаю очередного праздника, и концерт в связи с приездом столичных артистов. Или просто поход на природу с шашлыками и всякого рода вкусностями. Старшей сестре чаще выпала такая радость, и только потому, что была старше и доставляла отцу хлопот меньше, чем Масират.

Вот и случилось это в один из летних жарких дней на озере. То было местом встречи его друзей и сослуживцев, где они собирались за картами, шахматами и выпивкой. Возможно, еще сидя за импровизированным столом и слушая бессмысленно длинный тост захмелевшего приятеля или находясь в пылу игрового азарта – неизвестно, чем именно он был тогда занят, он никогда больше не произнесет ни одного слова по этому поводу, – отец что-то почувствовал. Как говорили свидетели, он внезапно встал и спешно направился к озеру. Поднявшись на дамбу, он увидел идущего ему навстречу сторожа правительственной дачи, расположенной у озера. В руках он держал бездыханное тело его дочери и плакал, не в силах остановиться: что же ты, сукин сын, не смотришь за своим ребенком, я ничего не мог уже сделать, ничего, пока бежал... А внизу, у кромки воды, мертвенно оцепенев, стояла ватага ребятишек, вовремя не заметивших исчезновения девятилетней девочки. Отец не скажет больше ни слова, во всяком случае, Масират ничего от него уже не услышит, точнее, не вспомнит, чтобы слышала его голос. Он умрет через шесть месяцев после этого случая, умрет, как будет потом сказано множество раз, просто потому, что хотел умереть, отказавшись от пищи, от лечения, от жизни.

Эта история жила в памяти все годы, но именно сейчас, в минуту, когда переступила порог родного двора, она вспомнилась ей с пронизывающей болью. Ей стало тяжело оставаться на ногах, уйдя в дом, она закрылась на ключ и прилегла на материнской кровати.

Свекор разгрузил телегу, повозился с коровой, устраивая ее на старом месте, привезенную траву закинул в кормушку, насыпал в таз сухого корма, поставил рядом ведро воды и вернулся во двор. Он дернул ручку входной двери дома, посмотрел в летней кухне, затем в котельной – Масират нигде не было. С мыслью «видно к соседям пошла» он сел на ступеньках крыльца, закурил. Затягиваясь горьким дымом пролежавших на солнце сигарет (оставил с утра на подоконнике – изжарились), он только сейчас понял всю несообразность сегодняшнего их поступка. Уж о чем, о чем, но почему было нужно упоминать об очередной их невестке, каково слышать такое живому человеку, все она, жена глупая, стыд-то какой.

Сказать бы сейчас доброе слово Масират, ведь все годы иначе, как только доченькой, ее не называл, родною стала. А разве им легко было на это решиться? В беде своей, конечно, вины самой Масират нет. Да и претензий по дому, можно сказать, ни разу к ней не было, чистая и правильная – одним словом, учительница. Странной только иногда бывала. Много мечтаний в голове ее возникало, а семья и хозяйство требуют всего тебя. Школа, тетради, книги, книги – а что книги? Баловство одно и отвлекает от жизни. Может, через это и не дал Аллах детей. А ведь говорил сыну: вдовых дочерей и не думай брать в жены. Хотя Масират женщина хоть куда оказалась, воспитание и смирение – все при ней. Но не одно, так другое, прости Аллах. Да и, сказать по правде, всех богатств у них – одна корова. Разве такую невесту они желали. Дочь главы администрации, дочь районного начальника милиции, наконец, дочь его приятеля, ферму огромную имеет, – все выдали бы своих дочерей за его сына, да сын в этом деле непутевый оказался. Что об этом теперь... Он выглянул на улицу, вернулся во двор, снова дернул ручку двери – заперта. Постучал. И только тогда заметил, что под дверь стоят ее туфли. Он грустно вздохнул: и в самом деле, с чего ей теперь с ними церемониться, ее понять можно. С намерением завтра ее навестить он уехал.

Дом их стал со временем похож на мать. Масират думала о ней всегда так: она круглая, добрая, все принимает ее душою – и доброе и злое, никогда невозможно вывести ее на ссору. Выражение двух окон, смотрящих на улицу, шероховатый, с облупившейся голубой краской фронтон, низкое крыльцо, убранство внутри – все как будто овеяно запахом, обаянием и теплом матери. Дом был всегда тих, уютен, располагал к покою, кажется, он всегда с тобой соглашается во всем. Вот и сейчас он не открыл ставен, не зажег свет, а сразу уложил Масират в материнскую кровать, укутал прохладой после июльского зноя: ложись, дитя мое, отдохни, и знай, что тебя здесь любят, здесь ты всегда права, и только здесь могут быть счастье и покой.

И совсем ее не удивило появление матери у изголовья, она прикоснулась к лицу Масират теплой шершавой рукой, пахнущей ароматным тестом. Она стала рассказывать о своей тете – Масират видела эту пожилую женщину когда-то в детстве, – о ее семье, непослушных детях, разъехавшихся по разным городам, еще о том, что Масират внешне очень похожа на эту самую тетю. Рассказ матери не имел ни стройного развития,

ни смысла, и она не могла понять, для чего ей история семьи какой-то родственницы, которую она видела всего лишь раз в жизни. Но потом появилась сама тетя с тарелкой пшеничного супа – да, да, она ела именно пшеничный суп со сметаной, когда Масират ее видела в детстве. И очень хорошо запомнила эту нелюбезную трапезу, когда суп вытекал из угла ее беззубого рта, и после каждой ложки (она была деревянной, не в меру глубокой, и в самом деле весьма неудобной для еды) она утиралась оранжевым махровым полотенцем. Скажи ей, говорила она матери, скажи ей найти это место в себе, у каждого оно свое – единственное, там сходится вся жизнь...

Но дальше различить слова было трудно, голоса матери и ее тети сливались в один невнятный протяжный звук, и смысла произносимых фраз было уже не понять. Тетя снова поднесла ко рту расписную деревянную ложку и снова на подбородке заблестели от незримого света следы пшеничного супа. На минуту стала понятна речь матери: да, доченька, все именно так, отсюда рукою можно достать то, чего желает сердце, там все сходится и все расходится, принеси в жертву Муру и встань на дорогу... Далее ряд фраз, как-то: «Пой сердцем навстречу», «станет ясно», «сесть и принять», «острым лихим ножом», которые при попытке поставить их в любом порядке образовывали сущую бессмыслицу. И это стало раздражать.

Из кухни донесся запах разогретого до шипения подсолнечного масла, и мать спешно встала: пойду, брошу в масло сдобные лепешки, какие ты любишь. Да, продолжила тетя, оставшись с Масират наедине, тогда твои половинки не останутся в разладе, они сольются в тебе, я сколько раз своим пыталась это донести – все зря.

От невозможности понять их слова Масират становилось неуютно и нестерпимо душно. Из другой комнаты было слышно, как мать переворачивает лепешки, вынимает их, бросает следующие, но ей почему-то не приносит и сама к ней не возвращается. Между тем очень хотелось есть, но ни позвать, ни пойти к матери почему-то не получалось.

Вдруг комнату осветил яркий свет, и на ее левое плечо сел странный мальчик. Так вот же он, тот искомый фрагмент утреннего видения. Мальчик был похож на серое облачко с четкими темными отметинами волос, глаз, бровей, овалов ноздрей и рта. В его жидких вьющихся волосах чуть выше лба сияла белая отметина размером с его кулачок. С виду кажущееся невесомым, его бесплотное тело опустилось и придавило плечо Масират с неземной силой, что под ней заныли пружины, а узлы железной кровати отозвались резким скрипом. Дыхание сдавило от нестерпимой тяжести, что казалось, вот-вот она лишится рассудка, а мальчик радовался ей, и чудилось, вся радость мира светилась в его несмышленных глазах. И, несмотря на боль и удушье, Масират подумала: эти глаза излучают к ней любовь, какую она ни в ком никогда не встречала.

Через мгновение он взлетел к потолку и стал кружить вокруг люстры, удивленно рассматривая плафоны в виде лотоса. Затем оказался у стены с фотографиями, отчего-то засмеялся детским, неразумным еще голосом,

издал невнятные звуки, похожие на попытку произнести человеческие слова, и снова сел Масират на плечо, с восторгом глядя на нее. И тогда она вскрикнула от ощущения боли и счастья одновременно. . .

Нажан, соседка и подруга Масират, стояла над ней и поглаживала ее лицо ладонью, пахнувшей ароматным тестом. Что ж она заперлась, ей пришлось возвращаться домой за ключом, поди, лепешки уже остыли. Когда они подъехали к дому, она как раз жарила их – Мася, думаю, голодная приехала. Знаешь, она испугалась, когда застала дверь на замке – мало ли, что в таком состоянии человеку может прийти в голову. Кстати, пусть не удивляется – она все уже знает. Как же она перепугалась, не помнит даже, как бежала за ключом. А потом видит: Мася ее спит мирным сном и ни о чем не беспокоится. Правильно, так и надо – ну их всех. Она не хотела будить Масират, только погладила ее лицо – она почувствовала ее руки? – ой, тестом до сих пор пахнут, хотя и помыла тщательно. Сидела потом в соседней комнате и сон ее охраняла – бедняжка моя. Но как ее напугал этот крик! – подошла и стала успокаивать Масират. Но отчего она так закричала? Привиделось что-то во сне? Ну и пусть, сами потом пожалеют. Та, которую они выбрали сыну, им еще покажет. Ну, давай, пусть встает и идет к столу, она уверена, Масират с утра ничего не ела – пойдет ли в глотку что-нибудь после таких страстей. Но надо постараться, у нее тут и лепешки, и сыр, и сметана, индейка вареная, помидоры, огурцы, а здесь-то, у Масират, пока везде пусто.

Как хорошо, что она здесь: милая подружка, простушка-хохотушка. За неделю, что ее не видела, коротенько постриглась – ей идет. И так отчетливо теперь выражены на лице полные губы, серые глаза, тонкий полукруг бровей. Вернулась с ребенком к родителям, а муж – то ли пьет, то ли просто неисправимо глупый человек. Она утверждает: и то и другое вместе (ее украли, семья жениха богатая была по сельским меркам, вот и не дали воротиться ни свои, ни его родственники). А дома, конечно, домашняя еда: всегда мясо, если курица то в сметанном соусе, каждый день пироги да хлеб, пекущиеся на дому, сыры, печеночные колбасы – отец и младший брат всего этого любители, вот и она подседа на это роскошество заодно с ними. Но те целый день если не на сенокосе, то на мельнице мешки ворочают, то свою ферму под бычков достраивают – то есть всегда при физическом труде, а она что? Школьная медсестра – весь день в кабинете. Перестала следить за собой, округлилась, хотя вернее сказать, стала привлекательно пышной – такие здешним мужчинам нравятся. Но как Масират ей благодарна за внимание к матери – она была всегда рядом, и мать могла позвать Нажан по любой своей надобности.

Масират запоздало улыбнулась подруге, но поняла, что не в состоянии справиться с выражением лица, улыбки не получилось, и на нем, вероятно, изобразилось неизвестно что. Она присела на кровати и, посмотрев в глубь полутемной комнаты, – только в соседней горел свет, ставни по-прежнему закрыты, – она увидела висящее в воздухе свое изображение. Это было не воображение своего облика и не воспоминание о каком-то своем портрете, а именно ее отражение здесь и сейчас. Оно висело в воз-

духе почти под потолком, левее угла, где к стене канцелярскими кнопками мать неумело прикрепила семейные фотографии – своих родителей, их с отцом снимок сразу после свадьбы и детские – Масират и сестры. Из мрака комнаты оно выделялось слабым свечением, исходящим, вероятно, от самого изображения.

Она встала и медленно направилась к нему. Не сказать, что это просто портрет – на нем происходили шевеления, оно также не являлось некоей зеркальной плоскостью потому, что она не отражала в точности движения самой Масират и очертания комнаты – картина жила своей жизнью. Вблизи стало понятно, что этому изображению отчетливо передались произошедшие в ней с утра перемены: взгляд отсутствующий, ни тени сколько-нибудь значимых мыслей. Это не равнодушие, но абсолютная непричастность ко всему, что ее окружает. Нажан держала ее за руку: ну, куда ты все смотришь, ну, наверное, паутина там, я ведь тоже теперь не часто сюда захожу, пойдем, пойдем.

Масират ела медленно, завидно смакуя нехитрую еду, у нее было ощущение, что она успела забыть вкус привычных продуктов и с удивлением заново их узнавала. Она все боялась, что Нажан – простая душа – начнет обсуждать с нею подробности сегодняшнего события, объясняя каждую из произнесенных между сторонами фраз, в ее, Масират, пользу и оправдание. Разумеется, такую и должна быть подруга – иначе на что она? – но Масират сейчас этого не нужно. Не потому, что подобный разговор заставит пережить все заново или она отказывается от доброго женского участия, а потому, что ей не нужны утешения вообще, ее, как ни странно, случившееся уже не беспокоит.

Но разве может она кому-то рассказать, как на нее подействовала сила тайного значения сегодняшних видений, перед которыми меркнут не только ее душевные тревоги и житейские заботы, но и, как ей кажется, земные дела всех людей. Убежденность в чрезвычайности произошедшего заключалась в навязчивом повторении одного и того же сна, чего никогда с нею не происходило. И хотя она не могла объяснить смысла услышанных во сне фраз и значения летающего мальчика с белой отметиной на голове – в важности их появления она не сомневалась.

Нажан пока вежливо не касалась ненужной темы, надолго затянув рассказ – видно, посчитала его сейчас кстати – о своей бывшей свекрови и воинственных с нею отношениях. Но не трудно было догадаться, к чему он приведет по завершении. опередив ее, Масират спросила, насколько не догадываясь о двусмысленности своего вопроса: видела ли Нажан когда-либо себя со стороны? – с желанием поделиться своим опытом, только что полученным в соседней комнате. Она, Масират, вероятно, имеет в виду вот это, ответила Нажан, весело похлопывая себя по бедрам. Встала и покрутилась перед зеркалом – ее это, поверь, несколько не смущает: что делать, не из такой она породы, что Масират. Дальше не было желания продолжать. Но совсем не из-за того, что Нажан, готовая поддержать любой разговор, говорит много, шумно и без возможности собеседнику вставить слово, – Масират почувствовала, что съеденная

пища вызвала состояние вязкой сонливости, и теперь она все равно не выдержала бы продолжительного разговора. Она поблагодарила Нажан и попросила уложить ее снова в кровать и оставить одну – в тишине и полной темноте она теперь будет спать долго. Хорошо бы еще принести ей воды из колодца в большом деревянном ковше и запереть ее на ключ.

Но сон не шел, обрывки воспоминаний беспорядочной чередой всплывали и проходили в сознании без особого ее внимания. Утреннее событие, несмотря на его назойливые попытки быть рассмотренным и разобранным с большей тщательностью, отодвигалось в сторону с намерением более к нему не возвращаться. Хотелось думать о милых сердцу людях: о прежних друзьях, своих однокурсниках, разъехавшихся по стране устраивать свои судьбы, – где они, что с ними стало, как они теперь выглядят? Или вспоминать о прошлой жизни в их селе, когда все были дружны, ходили друг к другу в гости, когда родители были молоды, а она с сестрой маленькими. Но в каждую возникающую в воображении картину все упрямее врезывались образы дневного сна, волнуя смутным предчувствием чего-то неприятного. Означают ли они такое, на что нужно обратить внимание для извлечения пользы или это обыкновенно образы воспаленного мозга, какие видятся всякому в подобном состоянии?

В таких случаях душа в первую очередь устремляется к родному человеку или к памяти о нем, если такового нет в живых. Таким человеком для Масират была мать, и ничего странного нет в том, что именно она привиделась ей в трудную минуту. Раньше в ее снах никто ни на что не указывал, ни к чему не призывал, не произносил провидческих фраз, не было даже намек на какую-нибудь особенность в появлении тех или иных людей. В этих снах воспроизводилась лишь характерная часть их быта, сопровождаемая обыденными разговорами. Здесь же, в словах матери и ее тети, вне сомнения, была заключена какая-то загадка. Раскрывать смысл этих слов было не только занимательно, но занятие это странным образом указывало на ее причастность к какому-то таинственному акту, настойчиво совершающемуся по чьей-то воле.

Набожность матери, обретенная ею после ухода старшей дочери и мужа, не оказала на Масират никакого влияния за долгие годы. Робкие ее попытки приобщить дочь к чтению священных книг, напротив, утвердили Масират в бесполезности, даже нелепости такого рода занятия. Не было, да и не могло быть иной реальности, кроме той, в которой пребывает она здесь и сейчас, а вся эта досужая литература есть только хитроумно изложенные представления людей о неизвестном. Правда, в детстве они с подругами частенько загадывали желания у вишневого дерева, обращаясь к неведомому божеству. Но ведь это происходило давно и было всего лишь игрою. А теперь, если ей случалось услышать о загадочном явлении, толкуемом окружающими с религиозно-мистической стороны, то она следила за их рассуждениями не иначе как за увлекательным сюжетом какого-нибудь художественного произведения.

Не сказать, что ее мнение теперь переменилось, но сегодня в ее сознании был едва заметный всплеск удивившей ее мысли, который чуть

было не исчез в его темных глубинах. Она взметнулась из глубины сознания, как юркая рыбка, и зазывно блеснула серебристой чешуей. Масират сначала устыдилась этой мысли, но потом ухватилась за нее: она вдруг пожелала, чтобы все это сказочно-мистические приукрашивание людьми живой жизни оказалось самой что ни на есть реальностью. Как было бы это справедливо по отношению к ней, иначе, оставаясь невос требованными, теряли смысл ее очарование, душевная чистота, ум. Как просто, оказалось, сделать такое допущение и принять его всем сердцем, а фраза из сна «пой сердцем навстречу» нашла вдруг свое объяснение. Ведь ее иначе не объяснить, кроме как: сердце твоё для принятия истины должно быть открыто, и идти к ней ты должна с радостью, что вполне равнозначно пению сердца.

После такого открытия Масират встала, включила свет и прошла по комнате, с каждым шагом ощущая усиливающееся напряжение в мышцах, ошибочно принимаемое ею за прилив сил. Она перешла в соседнюю комнату, где на столе оставалась еда, принесенная Нажан. Масират села и с аппетитом принялась есть. В голове пульсировала одна важная мысль. «Сесть и принять», – повторила она несколько раз. Где-то она уже слышала эту фразу? Ах, да.

Было это пять тому назад, в день их обручения, когда приглашенному на церемонию мулле, уже после завершения положенного ритуала, родители мужа наперебой стали задавать вопросы. А что, спрашивали они, можно ли спиной поворачиваться к Корану – вдруг забудешься да и повернешься, нет ли здесь греха? Или: а можно ли прервать чтение Священной Книги, если тебя позвал сосед? Или что-то в том же духе. Они находились в соседней комнате, от которой невестку Масират отделяли шторы. Все это не столь важно, с грустью в голосе отвечал молодой мулла. Главное, это вера в Аллаха, а как поступать в остальном – придет само собой. Да как же уверовать, не унимались новые родственники Масират, ты научи нас, как открыть нам Его, как увидеть и принять? То ли мулла счел неуместным в подобной ситуации читать проповеди, то ли устал от глупых вопросов, но ответ муллы чрезвычайно поразил тогда Масират. Этому, сказал он, научить нельзя, сути Его человеческими словами не выразишь, пути к Нему не укажешь, Его можно только сесть и принять.

Как же она об этом не вспомнила сразу, – так вот что имелось в виду! Должно быть, и другие фразы, услышанные ею во сне, имеют объяснения, надо только доискаться до их смысла. Скажем, фраза «станет ясно» – само по себе не несет никакой законченной мысли, скорее она часть предложения. Возможно, она означает, что все станет ясно, когда Масират расшифрует другие данные ей знаки. Или вот другая: «острым лихим ножом» – тоже ничего не проясняет, во всяком случае, ей ни о чем не говорит. Нет, так ничего не прояснишь.

Но ведь были и другие, отчетливо услышанные фразы, а то и полные предложения. Тетя говорила о каком-то месте, которое ей необходимо отыскать – в этом месте сойдутся ее половинки. А мать подтвердила ее слова и добавила, что оттуда она дотянется до всего, чего пожелает

сердце. Ну, да, это народная поговорка, точнее доброе пожелание тостующего: живите так, чтобы ваша рука доставала то, чего пожелает сердце. А еще было указано, что в этом месте все сходится и расходится – как понять? Было и прямое указание: «принеси Муру в жертву и встань на дорогу». Может, ей предстоит дорога? Это вполне теперь возможно после сегодняшнего события. А для чего просила мать принести в жертву Муру? Может, имела в виду сделать это на годовщину своей смерти? Нет, на Муру она не могла бы так сказать, вернее, не должна была, она для матери была что человек. А может, как раз для того и просила, что скучает по ней – кто поймет сокрытый от нас мир? Поди разберись, если все это принимать всерьез.

Вот именно – если принимать всерьез. И тут Масират решила, что все ее догадки и построения совершенно нелепы, даже смешны. Ну что такое «пой сердцем навстречу»? И что такое ее рассуждения по этому поводу? – глупость и только. А «сесть и принять»? Так она уже звучала в ее жизни из уст муллы и вполне объясняемым образом всплыла в одном из ее снов – ничего удивительного, тем более, мистического в том нет. А все эти сходящиеся дороги, корова Мура, острый лихой нож и тетя с ее пшенинным супом – просто блуждания сонного разума, заново перебирающего мыслительные образы давних лет. И чем она теперь отличается от осмеянных ею приятельниц своих, вполне осознанно и деловито пытавшихся управлять своей судьбой снами и гороскопами?

Но как быть с тем чудесным летающим мальчиком? Боль в плече и оставшийся от него зримый след, его сияющая неземным светом улыбка и, главное, ощущение ее родства с этим маленьким существом – разве не в пользу достоверности происходящего. Почему нельзя допустить, что временные и пространственные границы вселенной сдвинулись, поддавшись влиянию каких-то внутренних своих катаклизмов, и где-то образовалась взеземная щель, через которую стала доступна связь с иными временами и пространствами. И связь эта оказалась возможной и доступной только для тех, кто больше всего в ней нуждается.

Эта мысль принесла успокоение, но без радости открытия, а так – с намерением осмыслить, когда появятся силы. Масират расслабилась, и только тогда почувствовала, в каком напряжении она находилась последние минуты. Она снова легла и быстро уснула.

Зоя АФАШАГОВА

Ломтик хлеба

– Какая красивая женщина! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Гуаша! Она и впрямь похожа на куклу...

– А какие у нее волосы!..

– А походка, а скромна-то при этом как! Повезло той семье, где она невестка...

Вот с таким восхищением смотрели на Гуашу, когда она шла на работу и когда

возвращалась.

– Твоя средняя невестка красива, как Даханого, и умна, как Малечипх, – постоянно твердили ее свекрови родственники и соседи.

– А мой сын! – отвечала с улыбкой Биба. – Клянусь, что и сын мой неплох! Если бы Андемиркан не был таким пригожим, не вышла бы за него та, которую вы так расхваливаете.

И, правда, Андемиркан был парнем статным, мужественным, всей округе было известно, что у него и душа добрая, и обычаи адыгские чтит, – словом, молодые были достойны друг друга, да и поженились по взаимной любви. Хотя... надо заметить, что в самом начале не все у этой пары шло гладко, были и сомнения у родственников с обеих сторон, и недовольство.

Танзиль – мать Гуашы – сокрушалась:

– Не знаю, о чем ты думаешь, дочка, но люди говорят, что он очень неуживчивый парень, грубиян. Избалован и привык получать все, что пожелает. Трудно тебе с ним будет. И семья у них большая, как со всеми уживаться? Неужели других парней на свете нет? Не торопись, дочка. У тебя ребенок малый на руках, пусть пока подрастает, у тебя будет время присмотреться к людям... Я против этого брака. И не забывай, что говорят в народе: «Если мать тобой недовольна, дорога жизни не будет светлой».

Гуаша не противоречила матери, скрывала свои чувства, не хотела злить еще больше. Но Андемиркана она полюбила всей душой и знала – это бесповоротно, раз и навсегда!

Точно так же ворчали и родные Андемиркана.

– Неужели мой сын не мог найти себе другую девушку? Почему именно эта – разведенная, да еще и с ребенком! – с горечью говорила мать.

– «И красива, и умна...» – передразнивая кого-то, вторила старшая из сестер, Паго. – Просто бесят меня!

– Вот увидите, начнет зазнаваться из-за своей красоты и образован-

ности, – спешила высказаться Хана – средняя сестра, – нос задерет, пренебрегать нами будет...

– Хотела бы я знать, почему она не ужилась в прежней семье, – подливала масла в огонь младшая – Лякуца. – А как начнет смотреть на сторону, позорить нашего брата, тогда вы вспомните мои слова!

Тута – отец Андемиркана, человек степенный и рассудительный, не однажды слышавший подобные высказывания, не выдержал и вмешался:

– Сколько раз я вам говорил: не судите о том, чего знать не можете! Легко обвинить человека, понять – куда сложнее. Запрещаю повторять здесь грязные сплетни! Чтобы я больше не слышал ничего дурного о моей будущей невестке! Да – вы слышите? – она войдет в этот дом невесткой, и перестаньте болтать лишнее! Не злите вашего брата. Даст Бог, все у них сладится. И не забывайте, что если эта женщина и разведена, то ваш брат уже дважды был женат и разведен. Вам бы радоваться, что она его полюбила и готова создать семью. Присмотритесь к ней, уверен – найдете много хорошего. Как говорится, приладься к течению реки, которая тебя понесет. Так что будьте заодно со своим братом. Мы знаем характер Андемиркана: он любит эту женщину и женится на ней, и противостоять этому не сможет никто. Все слышали?

Все молча опустили глаза и – что тут поделаешь, если говорит глава семьи, – закивали головами в знак согласия. Тута повернулся и вышел.

Несмотря на явное недовольство родни, Гуаша и Андемиркан поженились. Дочь Гуаши от первого брака Андемиркан удочерил, обещая жене любить и воспитывать девочку, как родную.

В молодой семье царили мир и согласие. Гуаша работала в магазине, Андемиркан был хорошим маляром-штукатуром. Жили неплохо, Гуаша сумела поладить со своими новыми родственниками, находя для каждого доброе слово, разговаривала мягко, выслушивала доброжелательно. Поводов для недовольства не давала, если же кто-то намеренно искал причину, чтобы поссориться, избегала этого с завидным терпением и деликатностью. Все, чем наделяли ее до свадьбы злые языки, не нашло ни малейшего подтверждения. В любых обстоятельствах, – а в жизни большого семейства чего только не бывает, – вела себя достойно. Любовь Андемиркана к ней и к ее ребенку придавала Гуаше сил и терпения. В свой срок и черед у них родилось еще трое детей.

Андемиркан жил в одном дворе со своим младшим братом Каральби. Семья была богатой, держали много голов скота. Четыре дойных коровы, а еще телята, овцы. Прокормить всю эту живность было непросто. Поэтому братья и все домочадцы заготавливали на зиму несколько стогов сена. Но однажды случилось следующее: скот кормить нечем – сено закончилось, а новая скошенная трава еще лежит в поле. Андемиркан и Каральби в тревоге схватились за головы... Потом Андемиркан решил привезти немного кукурузных листьев с колхозного поля. На следующее утро запряг лошадь в телегу и уехал. Убедившись, что сторожа поблизости нет, он

начал сноровисто работать серпом. Наполнил кукурузными листьями телегу, крепко все увязал и тронулся с места.

Однако на выезде с поля наткнулся на колхозного сторожа. Тот сидел на лошади, поглаживая свою плеть.

– Надо же, Андемиркан, какими судьбами? – сказал насмешливо. – Обычно ты сторонись общества людей, общих забот и трудов, а теперь воруешь в колхозном поле? Не похоже это на тебя, Андемиркан, не похоже...

– Клянусь, Шихбан, скотину кормить нечем, отошала совсем. Я узнал, что сегодня твоя смена, и поэтому пришел, думал, смогу с тобой договориться.

– Клянусь, Андемиркан, тебе меня не провести. Нет у меня времени слушать твои дешевые отговорки. Может, там сейчас кто-то подобный тебе ворует. Мне еще нужно объехать поле. Так что выгружай все обратно.

– Шихбан, и ты, и я знаем, какое сейчас трудное время. Позволь мне сегодня увести эти злосчастные листья. Плохи мои дела, поэтому и пришел сюда. Мы ведь не чужие. И я когда-нибудь пригожусь тебе. Кто знает, как жизнь повернется. И я когда-нибудь окажу тебе услугу...

– Нет, нет! Ты с места не сдвинешься. Я сказал выгружай, значит, выгружай! Мне доверили колхозное имущество не для того, чтобы я отдавал его первому попавшемуся.

– Я же не первый попавшийся, Шихбан. Ты меня хорошо знаешь, мы оба мужчины. Еще раз тебя прошу, позволь мне уехать. Если хочешь, назови цену, и я заплачу.

– Нет, Андемиркан, я не из тех, кого можно купить. Так что не испытывай моего терпения и делай, что тебе говорят! Я спешу! Слышишь, что я говорю...

– Клянусь, что услышал. Раз ты так, ну что ж, делай свое дело. Давай, Шихбан, будь здоров. Вижу, мы с тобой не договоримся. В первый раз, попав в безвыходное положение, оказался я на этом поле. Я не откармливаю свой скот ворованным, как это делаешь ты... Можешь жаловаться, кому хочешь, – Андемиркан развернулся и пошел прочь. Но не успел сделать и двух шагов, как Шихбан с размаху ударил его плетью по спине, не останавливая движения руки, ударил еще раз. Андемиркан не ожидал такого, но тем скорее пришел в ярость, в мгновение ока очутился возле Шихбана, стащил его с коня и в неистовстве стал избивать. Все еще задыхаясь от гнева, бросил обмякшего сторожа среди кукурузных стеблей...

Через неделю Андемиркана арестовали. Нескончаемо долго тянулись дни в тюремном изоляторе, наконец настал день суда. И Андемиркан, и сторож, которого он избил на колхозном поле, и родственники обоих уже были в зале, когда вошел судья. Все встали, затем, стуча расшатанными стульями, сели, и суд пошел своим обычным порядком. Прокурор изложил собравшимся отношение закона к деянию сидевшего на скамье подсудимых, описал все стороны его личности, отметил, что Андемиркан заператься не стал, а полностью признал свою вину. Судья предложил подсудимому встать и подтвердить, либо опровергнуть, слова прокурора.

– Уважаемый судья, – сказал осунувшийся и хмурый Андемиркан, –

прокурор все правильно говорит. Да, я признаю свою вину. – После этих слов, ни на кого не взглянув, Андемиркан сел на свое место.

Затем настала очередь Шихбана рассказать все, как было, ничего не переиначивая, как предупредил судья, и не волнуясь. Пострадавший все-таки волновался изрядно, это было видно по его раскрасневшемуся, потному лицу.

– Всю ночь я караулил, – начал Шихбан и нервно покрутил головой, словно желая убедиться, что никто из слушателей не собирается его перебивать. – Утром вернулся домой, чтобы немного перекусить, – уже спокойнее продолжал сторож. – В обед выехал из дома и направился в поле. Там-то я и встретил Андемиркана Пшиканова, который увозил на своей телеге кукурузные листья. Я его попросил, по-хорошему попросил – выгрузить все обратно. Пригрозил, что если он этого не сделает, я отдам его под суд. Но как я его ни просил, этот наглый и нахрапистый воришка, этот грязнорукий негодяй увез колхозную кукурузу. – Шихбан снова оглядел безмолвный зал и, вытерев влажный лоб мятой фуражкой, опустил на свой стул.

– «Грязнорукий» говоришь?! – Андемиркан стрелой перелетел через ограждение, схватил Шихбана и, несмотря на все усилия конвойных, выволок его из зала и направил – головой вниз – со ступенек второго этажа. Тут же вернулся, занял место за трибуной и сказал:

– Прошу меня простить. Я признал свою вину, уважаемый судья. Но я никогда не воровал, не жил воровством. Это именно таких, как наш сторож Шихбан, люди называют грязнорукими. Они, как проворные грызуны, день и ночь кормятся на колхозных полях. Он посмел примерить свою позорную кличку мне, и за это я спустил его с лестницы. И я буду согласен с любым наказанием, которое вы мне назначите...

Шихбана отвезли в больницу. Андемиркану дали шесть лет. С этого дня жизнь Гуаши изменилась.

Вместо того чтобы помочь женщине, мужа которой посадили, которая теперь должна растить четверых детей одна, все ее девери, золовки и сосношницы просто отвернулись от нее. Несмотря на такое отношение, Гуаша по-прежнему добросовестно занималась своими делами, а в письмах к мужу ни словом не обмолвилась о несправедливости, чинимой его родственниками.

Если в доме пропадали деньги, обвиняли Гуашу или ее детей. Жить в этой семье становится все труднее. Здесь все время искали повод для ссоры с ней, цеплялись за каждую мелочь, придирались к каждому слову, взгляду... Обиды и оскорбления, переживания за супруга и за своих детей, – она вся извелась, не знала, что делать, к кому идти за советом. Обращаться к матери не хотела, наперед зная все, что та скажет. Уложив детей, она уходила в свою комнату и долго плакала, пока ей не становилось легче.

Как-то, собрав передачу, Гуаша отправилась в тюрьму. Ей было уже невмоготу, и она решила рассказать обо всем мужу. «Если не расскажу сегодня, кто знает, когда еще разрешат свидание. Тянуть больше нельзя, я должна открыться. Он поможет, должен помочь, иначе я не вынесу,

эта семейка вконец меня изведет...» – с такими мыслями Гуаша шла по длинному коридору. Ее завели в комнату для свиданий, за спиной тяжело захлопнулась дверь.

Андемиркан был уже там, он встал и пристально посмотрел на супругу, словно догадывался, что она что-то от него скрывает. Гуаша опустила взгляд, не смея подойти поближе. Андемиркан же, после некоторого замешательства, мягко сказал:

– Как ты, Гуаша? Проходи, садись. Дети как?

– Все в порядке, не переживай...

– А другие? Папа, мама, сестры, братья здоровы? Никто не болеет?

– Нет, никто не болеет. Все в порядке. Передают тебе привет, все спрашивают, как ты.

– И от меня им привет передавай. Как справляешься с детьми, с работой? Мои тебе помогают?

Вместо ответа, не имея больше сил сдерживаться, Гуаша тихо заплакала. Андемиркан опешил, затем, почему-то оглянувшись на запертую дверь и понизив голос, потребовал объяснить, в чем причина ее слез. Тут Гуаша все и рассказала. Долго Андемиркан смотрел в пол, молча, потемнев от обиды, уязвлен тем, что в трудные для него времена его близкие так обходятся с его женой, матерью его детей. Машинально развернул сверток, принесенный Гуашей, но к еде не притронулся. Поднял взгляд, в котором уже разгорался гнев.

– После таких вестей я скажу тебе только одно: ни секунды больше не оставайся в этом доме! Собери детей, все наши вещи и отправляйся к своей матери. Будешь там до моего возвращения. Я не ожидал, что мои родные способны на такое... – Андемиркан говорил спокойно, только побелели кисти рук, сжатые в кулаки. – Ты, Гуаша, ни о чем не беспокойся, никому ничего не объясняй, просто уходи из этого дома. Так тебе будет легче – и работать, и детей на ноги поднимать.

Гуаша так и сделала, предупредила мать, потом вместе с детьми перебралась в родительский дом.

Когда уходили, Биба провожала их со слезами на глазах. На прощанье Гуаша обняла свекровь и ласково сказала:

– Мама, не плачьте, пожалуйста. Я ни в чем вас не виню, просто мы вас утомили немножко. Мы обязательно будем приходить в гости. Ваш сын решил, что до его возвращения мы должны жить у моей матери, и я думаю, что он прав.

Теперь, когда Гуаша жила у родной матери, та напомнила ей все свои опасения накануне свадьбы. Танзиль высказала все, облегчая оскорбленное материнское сердце. Гуаша в ответ лишь молча вздыхала. «Как сейчас пойдет, так дальше и будет, – думала она, слушая упреки матери. – Ничего ей не отвечу. Вспоминать взаимные обиды – спокойной жизни не видать».

Танзиль, дело прошлое, зятя своего невзлюбила сразу, да и зятем-то его не считала. И детей Андемиркана – хотя они и приходились ей внуками, – ненавидела. Притом что старшую дочку Гуаши среди прочих все-таки выделяла. Ее она кормила самыми лакомыми кусочками тайком от детей Андемиркана. «Дети в чем виноваты? Зачем ты им жизнь услож-

няешь, – не раз говорили ей приметливые соседи и родственники. – Хотя ты и ненавидишь своего зятя, но дочь твоя приходится ему законной супругой, любит его!» Танзиль ничего и слышать не желала.

Так прожила Гуаша у матери больше года. Сколько за это время пришлось пережить детям без отца! Случалось, и недоедали. Это при живой-то матери? Неужели Гуаша не работала? Или ее заработка не хватало на еду? Нет, она работала, даже слишком много. Она работала, не лентяш, не чувствуя усталости, надеялась, ждала тот день, когда ее муж выйдет из тюрьмы и они снова заживут дружной семьей. Несмотря на все трудности, выпавшие на ее долю, она никогда не жаловалась, не срывалась ни на ком. Она шла по жизни, верная себе, терпеливая, стойкая. Но жизнь теперь осложнялась черствостью матери. Не раз дети, которые не могли уснуть от голода, слышали, как Гуаша плача ругалась с их бабушкой:

– Мама, почему ты уложила детей голодными? Я ведь все, что зарабатываю, отдаю тебе, ни рубля себе не оставляю. Куда деваются деньги? Не бери греха на душу, Аллах тебе этого не простит. Это же просто дети. Если ты ненавидишь Андемиркана, они-то в чем виноваты? Или же виновата я, и настолько, что ты не можешь мне простить?..

Танзиль стала укладывать детей пораньше, пока не вернулась их мать, чтобы они засыпали, не успев пожаловаться ей.

– Ты слишком рано уложила детей спать, мама. Может, они хотят есть? – беспокоилась Гуаша. Танзиль отвечала:

– Что ты! Даже не сомневайся. Еще как поели! Ты за них не переживай, моя девочка, лучше о себе подумай, побереги свое здоровье. Трудно придется тебе с этим хулиганом, твоим мужем, который сидит в тюрьме. И детям своим не позволяй садиться тебе на голову. Научи их жить, не ябедничая...

Гуаша чувствовала, что у нее разрывается сердце, с матерью ссориться было бесполезно, но и деваться ей было некуда. Часто бывало, что дети просыпались от голода, горстями брали непросеянную муку из мешка, стоявшего в их комнате, ели кое-как и только потом могли уснуть. Не раз и не два было – ели сырой лук, без соли, обливаясь слезами. Однажды дочка Андемиркана нашла давно забытый в кухонном шкафу кусок хлеба. Хлеб настолько зачерствел, что зубами было не разгрызть, да еще и позеленевший от плесени. Девочка была слишком мала, чтобы понять – это в еду не годится. Она пыталась подолом юбки очистить зелень с хлебной корки, когда вошла Танзиль.

Злобный взгляд бабки, истошный крик:

– Чтоб тебе пусто было! Где ты это взяла?! Ты что, с голоду умираешь?! Выйди вон, чтоб глаза мои тебя не видели!

Танзиль выголкала внучку на улицу, та ушла на задворки, забилась в какой-то угол и просидела там до ночи. Старуха, зная это, не смягчилась, не предложила поесть. «Если вы чисто подметете, – предлагала она детям в другой раз, – во дворе и там, на улице, я дам вам по ломтику хлеба».

Как-то раз Танзиль, приготовив себе горячей воды в большом тазу, заперлась в летней кухне, чтобы помыться. У запертой двери скоро появился младший внук.

– Бабушка, – клянчил он, всхлипывая, – а-а-а, бабушка, слышишь, я есть хочу, у-у-у!..

Вдруг Танзиль громко вскрикнула, ее услышали и дети во дворе, и сестра Гуаши, которая жила по соседству. Встревоженные взрослые, не понимая, в чем дело, взломали дверь ломом... Танзиль лежала на полу без сознания – упала на край таза и рассекла себе щеку.

Ее перенесли в дом, уложили на чистую постель. Вызванный из амбулатории врач промыл рану и аккуратно перевязал. Танзиль пришла в себя, открыла глаза. Тут раздосадованная сестра Гуаши побежала на кухню, схватила злополучный таз с водой и, бранясь, потащила его к выходу. Заметив во дворе мальчика, что чуть раньше стоял у двери и просил у бабушки поесть, выплеснула остаток воды, норovia окатить его с ног до головы, крича при этом:

– Чтоб вас Аллах побыстрее забрал отсюда! Ненавижу вас! Из-за вас, сучьих детей, покалечилась моя мать!

Старшая девочка подбежала к брату, взяла за руку и увела от разъяренной тетки. Сняла с него мокрую одежду, передела в сухую. И пока все сушили возле бабушки, девочка тихонько провела брата на кухню, дала ему ломтик хлеба с халвой, да и сама украдкой перекусила.

Вскоре вернулась с работы Гуаша, молча выслушала рассказ о случившемся. Так же молча и допоздна сидела со своими детьми на скамейке во дворе, снова слушала. Дети вспоминали, как вкусно и сытно кормила их бабушка Биба. Давала им вдоволь теплого хлеба с маслом, или тарелку густой сметаны – к свежей выпечке. В последнее время дети все чаще просили: «Мама, ну давай вернемся к Бибе». – «Потерпите, – отвечала им Гуаша, – вот скоро вернется ваш отец, и лакумов со сметаной поедите, мои маленькие, потерпите еще немного».

Единственный брат Гуаши, Толбий, служил в это время в армии. Женился он еще до ухода на службу. Невестка Танзиль знала, что свекровь ее очень жадная, и, даже забеременев, боялась признаться ей, что голодна. В день она ела только один раз, и то очень немного, а когда подошел срок, она родила мальчиков-близнецов. Дети родились очень маленькими и слабыми. Мать же их недоедала и после родов, и поэтому у нее не было достаточно молока для младенцев. Вскоре дети заболели и умерли. Через какое-то время жена Толбия родила дочь, которая тоже умерла по той же причине. Подурневшая, измученная невестка прокляла этот дом и ушла из него навсегда. Толбий, окончательно разругавшись с матерью, ушел служить в армию по контракту, на три года. Вот такие дела творились здесь за полгода до того, как Гуаша вернулась сюда с детьми.

И вот как-то ночью, когда все уже спали, кто-то тихо постучал в дверь. Гуаша проснулась, прислушалась. Стук повторился. Быстро накинув халат, она подошла к двери и спросила тревожно:

– Кто там?..

– Гуаша, это я, не бойся.

– Кто «я»? – спросонья она никак не могла понять, чей это голос.

– Это я, Гуаша, не узнаешь? Андемиркан. Открой дверь, не бойся...

До конца срока, по ее подсчетам, оставалось еще два с половиной года. Но голос за дверью такой знакомый... Гуаша боялась поверить, что это действительно он, ее Андемиркан. Страхнув остатки сна, женщина открыла дверь и – замерла, не зная, плакать ей или смеяться. На пороге стоял ее муж и, словно месяц, освещал темную ночь.

– Откуда ты, Андемиркан?! Проходи... Как ты?.. С возвращением!..

От радостных восклицаний за стеной проснулась Танзиль. Она тут же поняла, кому принадлежит простуженный мужской голос. Да, это ее зять. Слушая, о чем говорит Андемиркан с ее дочерью, Танзиль лихорадочно соображала, что теперь делать. Когда супруги направились в комнату детей, она вскочила с постели и, одеваясь на ходу, побежала к дочери, живущей по соседству. Одной встречать Андемиркана она не решилась, поэтому спешила заручиться поддержкой дочери, ее мужа Хасана.

Гуаша меж тем осторожно будила детей. Сонные, мало что соображающие, одно они поняли сразу – это их отец, и висли у него на шее, и обнимали детскими ручонками... Дети сидели на коленях Андемиркана, когда Танзиль вошла в комнату в сопровождении второй дочери и зятя.

– Откуда ты, ночной гость?! – подчеркнуто дружелюбно воскликнул Хасан. – Ну, здравствуй, здравствуй, – и, подойдя, обнял Андемиркана.

– С возвращением, Андемиркан. Слава Аллаху, ты жив-здоров и вернулся к своим детям, – с широкой улыбкой на лице приветствовала сестра Гуаши.

– Как же это ты ухитрился? – вышла вперед и теща. – Неужели сбегал? Сдается мне, мой дерзкий зять, ты и на такое способен...

– Невысокого же ты мнения обо мне. Клянусь, что еще никого не провожали из лагеря с таким почетом, как меня. – Андемиркан выглядел вполне спокойным, в то время как в показном веселье встречавшей его родни сквозила настороженность.

– И все-таки почему тебя так рано выпустили, ведь до конца срока еще столько времени? – продолжала допытываться теща. – В чем причина? Мне бы очень хотелось это знать...

– Если хотите узнать, почему я вернулся, давайте сначала перейдем в другую комнату. Гуаша, уложи детей. Еще успеем наговориться утром.

Взрослые, как и предложил Андемиркан, перешли в другую комнату и присели на диван.

– Ну так вот, Хасан, – начал он, устроившись в кресле напротив, – в тюрьме тоже можно жить. Если у тебя есть человеческое достоинство и ты не трус, и друзей заведешь, и уважать тебя будут. У меня там было много друзей. Я помогал тем, кто нуждался в помощи, насколько это было в моих силах. Не позволял, чтобы унижали и оскорбляли невинных. Но то, что я вам сейчас расскажу... поистине удивительно. Теперь моя вера в Аллаха укрепилась еще более... – Андемиркан сделал паузу, в комнате воцарилась тишина, и никто не посмел ее нарушить, все ждали продолжения.

– ...Как-то раз я обратил внимание на группу заключенных, мне показалось странным их поведение. Я не знал, чем они занимаются, потом оказалось – подвесили к потолку барака птиц, за ноги, на крепких нитях,

и перебили, швыряя в них камни. Я подбежал, но было уже поздно. Тогда я пригрозил: «Еще раз сотворите такое, самих перебью!» Эти придурки лишь усмехнулись.

Через какое-то время они снова решили позабавиться подобным образом. Тут уж было не до разговоров, я кинулся в толпу, сбил с ног одного, другого, остальные разбежались. Пришел в себя и вижу, одна птичка жива, висит на нитке и едва трепыхается. Быстро вскочил на стул и снял ее. Я долго держал птицу в своих ладонях, гладил, чувствуя, как часто бьется ее маленькое сердце. Потом повернулся в сторону Каабы и попросил Аллаха: «Всевышний, прошу, выпусти меня из этой тюрьмы как можно быстрее и верни к семье, так же, как я отпускаю в небо эту ни в чем не повинную птицу». С именем Аллаха высоко поднял руку и разжал ладонь.

Прошло совсем немного времени, и неожиданно меня вызвали к начальнику зоны. Конвоир привел меня в его кабинет.

– Поздравляю, Андемиркан, – с улыбкой встретил меня начальник и пожал руку. – С сегодняшнего дня ты свободен. Можешь возвращаться к семье.

Я не поверил своим ушам.

– Вы так шутите или... действительно отпускаете?..

– Здесь так не шутят, Пшиканов, – серьезно сказал начальник. – Ты свободен. Иди, собирай свои вещи.

– Но как же мой срок, он еще не закончился...

Начальник снова улыбнулся.

– Я только что получил официальное представление о твоём условно-досрочном освобождении. Андемиркан, примерным поведением, трудолюбием, честностью ты заслужил выхода на свободу досрочно. Я прикажу водителю, он довезет тебя до станции в моей машине...

Вот так все и было, – закончил свой рассказ Андемиркан.

Слушавшие его долго качали головами, разводили руками и ахали. Первым поднялся Хасан, кивнул жене, дескать, пора домой, потом повернулся к Андемиркану.

– Ну что ж, братишка, дай Бог, чтобы впредь ты не расставался со своей семьей и не знал проблем. Как отдохнешь немного, приходи к нам. Посидим, поговорим. Ты с дороги устал, конечно... Доброй вам ночи...

Удалилась, пробормотав что-то невнятное, теща.

Гуаша и Андемиркан проговорили до утра. Как говорится: «Счастье раздают по утрам». А утром семья, испытавшая столько невзгод, терпеливо ждавшая свое счастье, наконец-таки обрела его. Андемиркан отвез детей и жену в новый, только что купленный дом.

Сегодня дети едят лакумы со сметаной, как и обещала им Гуаша. В доме слышится их радостный смех. А во двор пришла большая собака. Это к добру – она будет их охранять.

*Перевод с кабардинского
Оксаны Анажевой и Ладмира Местича*

Сакинат АБАЕВА,
член Союза журналистов России

Я ПОПРОСИЛА ОСЕНЬ, ПОДОЖДИ!

(Основано на реальных фактах)

Бабье лето в этом году после изнурительной летней жары казалось божьим даром. Утром, когда открываешь глаза и, еще лежа на кровати, видишь в окне краешек неба без единой тучки, настроение поднимается на целый день. А какая благодать гулять по парку, собирая букет из осенних листьев, любуясь деревьями в пурпуре и золоте...

Понежившись еще минутку в постели, Марина встала и прошла в ванную комнату. Быстренько позавтракав, она собрала тетради с конспектами. Сегодня у них должна быть контрольная работа по анатомии. И принимает дядя Толя, давний приятель отца, ректора этого университета. Но это – работа. Никаких поблажек, все должно быть честно. Для отца и его многочисленных друзей работа оставалось работой, с чем спорить было бесполезно.

Марине и не надо было какой-то поблажки. Она была лучшей студенткой на курсе, и чья-то помощь была ни к чему. Она считала, что нет ничего невозможного, главное собраться с мыслями, чтобы понять и анатомию, и биохимию. Ей нравилось учиться, и делала это она с удовольствием.

Марина вышла на остановку, где встретилась с двумя бывшими одноклассниками сразу. Они тоже ехали на занятия. По пути в университет рассказывали друг другу об общих знакомых, о том, что у кого нового. И добравшись до вуза, каждый из них разбежался по своим факультетам.

Когда Марина пришла в анатомичку, Альберта еще не было. И после звонка тоже не появился. «Такой правильный и пунктуальный, где же он может быть?» – думала она.

В тот день он так и не появился в университете. Только вечером, когда Марина была уже дома, он позвонил и сказал, что сильно повредил спину, ударившись обо что-то, и целый день пролежал.

Альберт был горбуном. Но его обаяние от этого меньше не становилось. Грубоватые черты лица и большие синие глаза были очень выразительны. Он, как тот Джофрей де Пейрак, оставался еще более привлекательным для девушек. Все, кто с ним хоть раз общался, впоследствии были его поклонницами, многие из них сами признавались ему в любви. Но в сердце Альберта жила только Марина. Дочка ректора университета не была спесивой. Элегантная, с большими серыми глазами и умным взглядом, хорошими манерами, она была самой красивой на курсе. И при

этом была скромна, никогда не позволяла себе выделяться среди подружек. Всегда в меру общительная, она знала себе цену, но никогда не подчеркивала свою значимость. Все эти качества покорили сердце Альберта.

В первое время Альберт жил только мечтой о прекрасной даме. Марина никогда не давала знать, что она тоже к нему неравнодушна и что ей крайне неприятно то, как он любезничает со всеми девушками не только в группе, но и на курсе, и даже на факультете. Он знал, что является любимчиком всех девчонок. С ней же был особо обходителен. И взгляд его влюбленных глаз всегда выдавал его с ног до головы. Марина и другие девочки, конечно, это видели. В редкие минуты, когда они оставались наедине, Альберт не упускал возможности поговорить. Она была бесконечно счастлива в такие минуты и ждала их с нетерпением...

Накануне Нового года староста группы подал идею, чтобы всем курсом отметить праздник в общежитии, а после разъехаться по домам, кто этого захочет. Все согласились. Марина и еще несколько однокурсников, которые жили не в общежитии, а в своих домах, тоже не были прочь повеселиться. Они, как и все, принимали активное участие в подготовке. Готовили салаты и, в общем, то, что могли позволить себе на студенческие деньжата. Альберт был на подхвате, он до этого дня не представлял, что Марина придет на вечеринку в общежитие. Она до этого всегда отмечала праздники в своем кругу. Все-таки она была дочерью ректора университета.

Этот новый год перевернул всю жизнь Марины и Альберта. В этот раз они не смогли скрыть друг от друга своих чувств. Он признался ей, она ответила взаимностью. Его ухаживания видели все, даже завидовали в какой-то степени. Но помешать им никому и в голову не приходило. Наоборот, все ждали счастливого конца...

Когда Марина попыталась намекнуть родителям о своем выборе, они не приняли этого всерьез.

– Разве у такой красивой девушки, с такими родителями, может быть такой жених? Просто ужас! – сказала мама, а отец, просто махнув рукой, не придавал этому значения.

Марина ясно осознавала, что ее родители никогда не примут Альберта, но уступать им не собиралась. «Если бы они знали, какой он умный, хороший», – думала про себя она.

Но время шло, а родители не собирались менять свое решение. Марине предлагали все новых и новых кандидатов в женихи. Более того, они просто навязывали их ей. Она, по их требованию, конечно, знакомилась, даже общалась с ними, но ни к чему это не приводило. Никто вокруг не понимал, что происходит. Конечно же, обо всем этом она рассказывала Альберту. Подумав, они решили пожениться, тайком, в узком кругу. Поделившись с очень близкими друзьями, свадьбу решили сыграть в столовой, а жить потом в комнате Альберта. Стали думать, куда бы переселить Андрея, который жил в комнате с Альбертом. Он сам подсказал, что может пожить с ребятами на другом этаже. Тесновато, но не обидно, шутил Андрей, приводя в порядок комнату для молодоженов.

Заявление подали заранее. А друзья тем временем бегали, готовили

все необходимое для свадьбы. И когда подошло время регистрации, счастливее их никого не было. Хоть это все происходило тайком, осведомлен был почти весь курс. После регистрации пошли в столовую университета, где был накрыт свадебный стол. Всем хотелось быть свидетелями этой таинственной свадьбы. Родители Альберта, которые жили за много километров отсюда, ни о чем не догадывались, а родители Марины, жившие за два квартала от университетской столовой, сидели в своем уютном доме и смотрели телевизор.

Свадьба состоялась. Друзья молодоженов сделали все, чтобы она была веселой, неповторимой. И главное, чтобы счастья было через край. Действительно, свадьба была скромнее некуда, но от начала до конца она была наполнена искренней радостью и счастьем.

С заведующим столовой они договорились заранее, сказав, что это обычный день рождения, что все будет пристойно, а уходя, они все чисто уберут. Наутро никто и не догадается, что здесь было что-то. Сделали, как обещали, и к трем часам ночи гурьбой пришли в общежитие.

Пришли толпой самых близких и дорогих людей. Всю дорогу они шутили, смеялись. И когда Альберт и Марина переступили порог своего первого дома, она была приятно удивлена. Эти же друзья красиво убрали комнатку Альберта и Марины. На столе, в литровой банке, был огромный букет из цветов, коробка конфет и две бутылки лимонада.

Марина, которая привыкла к роскоши, была очарована букетом нежных и ароматных полевых цветов. Девушка, вдохнув полной грудью, посмотрела на друзей и от переполнявших ее чувств не смогла сдержать слез благодарности и счастья. Она бросилась обнимать подруг, благодарить за уют этого гнездышка, первого и самого желанного в ее жизни. Этот миг, эту радость Марина пронесет через всю жизнь.

В отличие от нее, Альберт и не сомневался, что так и будет. Андрей с ребятами по-другому и не смогли бы поступить. Они все сделали, чтобы это счастье было полным.

Чтобы сыграть свадьбу, Марина уговорила родителей отпустить ее на время сессии в общежитие. Она убедила их, что ей очень удобно вместе с девочками готовиться к экзаменам. Мама не понимала требования дочери, но потом, правда, с помощью отца, согласилась. Но все же считала, что это баловство и что общежитие не самое достойное место для дочери ректора университета. Марина в душе понимала свою капризную маму. Но она знала, что ее решение они никогда не примут. И какой ценой они еще будут расплачиваться, Марина и не догадывалась. Но сегодня об этом думать ей не хотелось. Сегодня она праздновала свою свадьбу...

Через несколько дней отец все-таки пригласил свою дочь к себе, в ректорат. Он был возмущен, что дочь долго отсутствует и даже не звонит.

К отцу Марина пришла с самым безвинным выражением. Обняла и, поцеловав в щеку, спросила:

– Папа, что произошло, в чем дело?

– Где ты находишься, почему ты не звонишь? Да что с тобой вообще происходит? – не скрывая своего раздражения, спрашивал отец.

– Папа, я же просила вас, чтобы вы меня отпустили на время сессии к

девочкам в общежитие. Ну, что ты так волнуешься? Мы все вместе сидим и занимаемся, мне так удобно.

– Ну, хорошо, но можно позвонить, чтобы мать не волновалась.

– Хорошо папа, я так и сделаю. Прямо сейчас с твоего телефона.

Позвонив матери, Марина выслушала ее упреки, а в конце мать попросила, чтобы она поскорее вернулась домой.

– Хорошо, мама, осталось еще несколько контрольных работ и экзаменов, а потом и сессия закончится, – обещала дочь.

– Марина, а деньги у тебя есть? – спросил отец.

– Немного еще осталось, папа. Но если сможешь...

– Вот, возьми, не ходи голодная, еще чего. И учти, даем тебе только несколько дней. Я посмотрю твой график экзаменов, давай поторопись, и не забудь каждый день звонить домой. Мы с мамой страшно волнуемся. Послушай, дочь, а может, ты пригласишь своих подружек к нам домой? Если тебе с ними легче готовиться, пускай они поживут у нас. Так всем нам будет спокойно.

– Они не захотят, папа. Мы сначала в библиотеке занимаемся, потом в общежитии. Пожалуйста, не беспокойтесь так. Я же не маленькая, успокой и маму. Ну, я пойду, пока.

После того как ушла Марина, Борис Ефимович долго еще думал о дочери. Ее настроение, счастье в ее глазах, не замечаемые им раньше, удивили его. С дочерью явно что-то происходит, причем хорошее.

Когда пришел домой, отец поделился своими впечатлениями с женой.

– Может, действительно ей не хватает общения с ровесниками? Молодость ведь такая штука, там и романтика, и все такое вместе идут. А какая Маринка веселая была. Прямо, как в детстве.

– Ну, не знаю, какая она там веселая была, но дом и студенческое голодное общежитие невозможно сравнить, – возмущалась жена...

Марина довольно долго была в ректорате. Пока она шла к себе на факультет, Альберт, не отрывая взгляда, смотрел в глубь коридора, откуда она должна была показаться. Ни на миг не покидал его страх, что она поменяет что-то в их жизни. Его семейная жизнь Альберту казалась раем. Это было его сбывшейся мечтой. Хоть он и жил в ней, но до конца не мог поверить в действительность происходящего. Он и не мог представить, что она может быть столь прекрасной. Но при том, что он ел приготовленное руками Марины и смотрел в ее серые бездонные глаза, его ни на минуту не оставляло чувство страха, что он это все может потерять. Что за это счастье заплатит дорогую цену. Когда он об этом думал, часто прижимал ее к груди, говорил с ней и шутил. И даже когда они смеялись над каким-нибудь пустяком. Это было слишком хорошо, чтобы быть вечным. Он думал над этим, она – нет. Ему казалось, что ей и в голову не приходило, что родители отвергнут произошедшее, хотя все уже позади. И свадьба была настоящая и регистрация. Все это было по-настоящему. Никто никому не угождал, не было помпы, важных гостей, дорогого шампанского и фейерверков. Там, на студенческой свадьбе, господствовали дружба, чистая любовь, вечная и красивая...

Марина не торопилась домой. Конечно, она думала о том, как она

счастлива, и Альберт, которого так любили все и так не любили ее родители, стал ее мужем. Это ее самая настоящая и большая любовь. И Марина была готова на многое, чтобы защитить эту свою любовь. Никакие влиятельные женихи не смогут занять место Альберта в сердце Марины.

Альберт не мог скрыть своего счастья, когда его мечта стала реальностью. Сколько бы судьба ни отвела дней, все это принадлежало им от начала до конца. Они вместе встречали рассвет, и от этого он казался ярче, вместе уходили и приходили в свое гнездышко. Они упивались счастьем, посланным свыше, и считали это счастье вечным. Эта мечта, которая осуществилась, сияла всеми цветами радуги, не омраченной серостью и пересудами.

Все самое прекрасное Альберт видел в ней. И не могла жизнь быть рядом с ней будничной, обыденной. И Марина, влюбленная, тоже прекрасно это понимала. И мысли, и чувства были в полете, они не касались ни земли, ни неба. Это было продолжением сна, от которого не хотелось просыпаться. И в этом сне никто не должен был появляться, чтобы не разбудить и вернуть их в реальность...

Реальность наступила неожиданно. Мама Марины, Ирина Иосифовна, позвонила в студенческое общежитие рано утром и потребовала позвать свою дочь. Ей сказали, что передадут просьбу Марине, когда она будет идти в университет. Ирина Иосифовна заносчиво напомнила о том, что их беспокоит жена ректора университета, и подобное к ней отношение она будет обсуждать в ректорате.

Марину разбудили и пригласили к телефону. Очень недовольная мама продолжала эту тему и в разговоре с дочерью. Мама возмущенно спрашивала, почему дочь забыла свой дом, что вообще происходит?!

– Мама, пойми, мне намного проще заниматься с девочками.

– Что ты говоришь, да что с тобой происходит, говорила – на несколько дней, а уже месяц заканчивается! Если сегодня не вернешься домой, я сама приду и сама вытащу тебя оттуда! – не успокаивалась Ирина Иосифовна. Спорить с ней было бесполезно.

Когда Марина вернулась в комнату, Альберт понял, что его счастье уже закончилось. Ее лучистые глаза ничего не выражали. Она просто не была способна что-то объяснить, даже сказать. Она опустила на кровать рядом с ним и уставилась в никуда. Она не хотела возвращаться домой без Альберта, а ему туда путь был заказан...

На занятиях Марина не могла сосредоточиться, она как бы отсутствовала. Сидящий рядом муж успокаивал, как мог. Он сам потерял всякую надежду, но видеть ее в отчаянии он не мог. После занятий, в своей комнате, Альберт прямо спросил у Марины, что делать, если...

– «Если» не будет. Я просто не уйду отсюда. Я знаю, они не примут нас вместе, а без тебя я не хочу жить нигде! – Слезы катились по ее лицу градом. Все это и Альберта тронуло до слез. Они плакали вместе, понимая свою боль одинаково.

– Не может все так просто закончиться. В конце-концов, мы не заключенные и ничего преступного не совершили, – все не успокаивалась Марина.

– Ты свои права отстоишь, а что буду делать я, – прервал ее Альберт. – Твой отец, чтобы разлучить нас, что угодно сделает со мной. Правда, мне все равно, где жить без тебя, просто я этого боюсь.

– А почему ты считаешь, что меня рядом с тобой не будет? Куда я денусь, куда я без тебя пойду? – не успокаивалась Марина.

– Была бы моя воля, я бы хоть куда, но не расстался бы с тобой. Я очень боюсь, что это сделают твои родители. Они меня никогда не принимали серьезно. Мое простое происхождение и мой горб не давали права любить тебя. А за то, что переступил этот предел, меня наверняка ждет страшный суд. Но все это – просто мелочи, ты – моя, и это главное. Понимаешь, ты моя законная жена, любимая женщина. О чем я еще могу думать и мечтать?

– Альберт, дорогой, о чем ты говоришь, боже мой? Кто может о тебе, самом добром, дорогом, таком подумать? Я никогда не оставлю тебя. Я никуда не уйду, я не хочу, чтобы кто-то тебя наказывал, – успокаивала Марина.

– Знаешь, Марина, ты у меня самое дорогое. Ради тебя я не боюсь каких-то оскорблений и чего-то там еще. Но, учти, никакая жалость мне не нужна, даже от тебя. – И миг взгляд добрых его глаз стал ледяным.

Они оба замолчали. Натянутость ситуации угнетала обоих. И Марина тут же четко усвоила себе: не жалость, а любовь ему от нее нужна. Он слишком гордый, и чувство собственного достоинства не позволит ему упасть даже перед самой любимой женщиной. Это не отпугнуло, наоборот – восхитило ее. И это она не смогла скрыть.

Альберт убедил ее в том, что она должна навестить родителей. Обязательно нужно все рассказать им. Тайное всегда становится явным, и не нужно бежать от проблем, которые необходимо решить. И чем раньше, тем лучше завершить все это. Марина согласилась очень неохотно. Она решила забежать домой на часок, заранее договорившись с родителями. В присутствии обоих рассказать и вернуться.

– Нет, дорогая, у тебя так ничего не получится, не создавай себе своими руками проблему. Ты поезжай домой, и обстоятельства подскажут, что дальше делать. Такие дела на ходу не решаются, – убеждал Альберт.

– Тогда никуда не пойду, или пойду с тобой, – настаивала Марина.

– Я как раз там и не нужен, – уверял Альберт. – Ты представляешь реакцию своих родителей, когда они меня увидят. Это мы нужны друг другу, но им я не нужен! – печально глядя ей в глаза, сказал он.

Альберт убедил свою жену в необходимости этого шага, но он не представлял себе, как будет ждать ее целую ночь, целую вечность. А потом – все или ничего. Он это чувствовал кожей. Он понимал, что у каждого из них своя правда. И правда ее родителей тоже требует уважения.

Целое воскресенье Марина что-то делала, чтобы отвлечься от тревожных мыслей: то стирала вещи мужа, то готовила впрок, то убирала, то гладила... Альберт понимал, что предстоящий разговор с родителями будет тяжелым, и она переживает, боится неизвестности. Он тоже сильно переживал, но виду не подавал.

– Мариш, уже поздно, когда ты доедешь домой? – наконец нервно спросил Альберт.

– Успею, никуда дом не денется.

– Да я переживаю, что будет поздно. Я же за тебя боюсь.

– Ничего, Альберт, доеду, – не торопясь, ответила Марина, занимаясь волосами.

– Ну, пожалуйста, Мариночка, торопись, уже рано темнеет, прошу тебя.

– Иду, не торопи меня. Посмотри, вот еда, не сиди голодный. Я думаю, тебе хватит, пока я вернусь.

Она начала одеваться, и Альберт вместе с ней начал собираться, чтобы проводить свою жену до остановки.

– Слышишь, Мариш, а ты свидетельство о браке взяла?

– Нет, а что?

– Я бы не хотел, чтобы ты его брала, а то, чего доброго, порвут...

– Нет, нет, не переживай. Наш первый общий документ мы никому не отдадим, – успокоила она, обуваясь и направляясь к выходу.

Неожиданно для себя она резко остановилась и прошла в глубь комнаты. Он наблюдал, ничего не понимая. Марина же подошла и понюхала увядающий букетик роз. Их недавно купил для нее Альберт. И слезы фонтаном брызнули из глаз. Она села на старенький общежитский стульчик, Альберт подошел к ней сзади и обнял за плечи.

– Мариш, я с ума сойду, пока ты будешь там. Поторопись, я жду не дожусь твоего прихода. Вставай, я посажу тебя на трамвай. Пожалуйста, не надо так, ты же к родителям едешь, а не на эшафот, – все уговаривал он.

До остановки они дошли, взявшись за руки. Всю дорогу он говорил, что это необходимо и что она единственная, кто ему нужна. Рядом с ним она чувствовала себя самой защищенной и любимой. Что же могло с этим сравниться. Весь он принадлежал только ей одной. Она любила и была любима.

Трамвай не заставил себя ждать. Марина внимательно посмотрела мужу в глаза и спросила:

– Ты точно считаешь, что я должна поговорить с ними?

– Не с ними, а с родителями, – поправил Альберт. – Я написал своим сразу, они приняли эту новость с большой радостью. Ты же читала письмо. И с твоими родителями тоже все должно быть ясно, нам же лучше. Это не шутки, мы с тобой женаты, а они ничего не знают. Так не должно быть.

Трамвай тронулся. И чем дальше он отъезжал, тем больше ему казалось, что уходит безвозвратно что-то очень дорогое, безвозвратно.

На следующий день Марина не вернулась, не было ее и еще на следующий. Ее не было в общежитии, не было и в университете. На последнем курсе это допускалось, но душевная тревога грызла душу. Все было не то, было скучно, плохо, холодно... Дни проходили серо. Заканчивался день, наступала ночь. И снова день, снова ночь...

Альберт звонил ей по раз сто в день, но дозвониться не мог. Никто ничего о ней не знал, никто ничего не рассказывал. Консультации назначались так, спонтанно. Хочешь – приходи, но никто не обязывал. Альберт

бывал на всех консультациях. Приходил раньше всех, уходил, когда уже уходила техничка. Но, увы...

Терпеть эту неизвестность уже не было сил. И когда от безысходности позвонил ей домой, трубку подняла мама Марины. Четкий, требовательный голос с другого конца провода не дал возможности даже открыть рот. Альберт потерял всякую надежду и на встречу, и на разговор. Домой он шел словно потерянный. Его ничто не интересовало: ни густой туман с моросью, ни дорога с лужами, ни отсутствие транспорта. Он просто шел, не видя ни дороги, ни прохожих. Было все равно, куда идти, он никому не был нужен.

Он не помнил, зачем шел, куда он хотел пойти. Очнувшись уже тогда, когда утренняя стужа крепко напомнила о себе. И он стоял возле большого камня над обрывом.

– Господи, что я здесь делаю, где я? – растерянно спросил себя Альберт. Он посмотрел вокруг. Ничего, никого, одна неизвестность. Он долго осматривался и понял, что дорога где-то выше. Слышались сигналы проезжающих машин. Он поднялся осторожно на холм и через ров выбрался на асфальтированную трассу. Было раннее серое утро, только что отступила ночь, и глаза привыкали к утреннему свету. Предметы были видны не очень отчетливо. Даже голые деревья казались страшными.

Альберт стоял у обочины. Он не голосовал редким автомобилям, он просто стоял. Вдруг остановилась какая-то грузовая машина, ослепив фарами, и суховатый мужчина с пышными усами спросил, куда он в такую рань? Альберт стоял, сиротливо поглядывая на шофера, и горб его выступал как будто еще уродливее. Шофер увидел, что с парнем что-то не то, вышел из машины и подошел к нему.

– Эй, парень, куда ты в такую рань?

– Я в город, в Новосибирск, – виновато ответил Альберт.

Машина, в которой ехал Альберт, мчалась по мокрому асфальту. Водитель был человеком веселым и общительным. Он рассказывал о чем-то жизненно важном, а пассажир машинально кивал головой, даже не прислушиваясь. Так они ехали какое-то время. И остановилась машина тоже внезапно, когда водитель закончил свой рассказ.

– Все, молодой человек, мы доехали, – весело сказал он.

– Спасибо, что подвезли, сколько я вам должен? – несмело спросил Альберт.

– Ничего не должен, друг, только скажи, если не секрет, кто это так выбил тебя из колеи? – осторожно спросил водитель. – Да, вообще-то меня зовут Василием.

– А я – Альберт, но со мной все в порядке, – нервно потирая ладони, оправдывался он. – У меня все нормально, все хорошо, – говорил, а сам все смотрел в пустоту, в туманную даль, в уходящую куда-то дорогу.

– Я живу здесь недалеко, вот мой дом, – объяснял Василий. – Если вдруг понадобится, запиши мой адрес. Живу один с матерью, приходи, если время будет, будем рады. Мама у меня мировая.

Альберт машинально взял бумажку с адресом и сунул в карман. Он еще не знал, что именно эти люди спасут его, помогут уйти от этого кошмара...

В университет он пришел в надежде кого-то увидеть. Но, увы, не было никого, двери были закрыты. Постояв немного, он решил пешком вернуться в общежитие и по пути встретил студентку из параллельной группы. Она сама поздоровалась с ним, а когда узнала, что он идет из университета, удивилась, сказав, что сегодня выходной и все отсыпаятся.

– А знаешь, уже повесили список, кто куда распределится. Тебя куда-то очень далеко закинули, посмотри завтра.

– Что значит – далеко? – удивленно спросил Альберт.

– А что ты хотел, остаться рядом с Мариной в городе? Это вряд ли, она ведь замуж выходит.

Эти слова, словно пинком, вернули его в реальность.

– Как это выходит замуж, она же замужем?

– Так говорят, – пожалала плечами собеседница.

Он был в шоке. Она еще что-то говорила, но он не в состоянии был понимать, о чем вообще шла речь.

Он не был в общежитии два дня. Друзья не знали, где он ходил, как себя чувствовал. И сам он никого не хотел видеть. Сейчас тихо прошмыгнул в свою комнату, где жил пока один. Один был со своим горем, без Марины, без завтрашнего дня, без цели, просто так. Он свалился на кровать и закрыл глаза. Он боялся кого-то увидеть, он не смог бы еще от кого-то услышать эту новость. Он долго лежал с закрытыми глазами и не заметил, как заснул. Только через какое-то время Андрей, войдя случайно, увидел его. Альберт весь горел. Испугавшись, Андрей побежал к ребятам, которые и вызвали скорую помощь. Истощенного, в бреду, не на шутку испуганные врачи забрали его в больницу. В таком состоянии он долго пролежал в палате, и весь курс навещал его. Не давали скучать, по очереди дежурили возле его койки. Друзья слышали, как он в бреду разговаривал с Мариной. Многие хотели с ней связаться, но было бесполезно. Ее не выпускали, не звали к телефону. Никто не знал, что с ней. Только поговаривали, будто скоро она выходит замуж. Когда спала температура, Альберт пошел на поправку. Доктор, который его лечил, скажет потом, что это была сильнейшая душевная травма. Слава богу, опасность миновала. Но пустой взгляд его добрых глаз пугал всех. Осознав себя лежащим на больничной койке, Альберт сильно удивился. Он ничего не помнил, не знал, как сюда попал. Он очень надеялся, что придет она, его Марина. Но ее не было...

Через некоторое время он начал выходить в коридор, а однажды встретил там Василия, того самого парня, который подвез его в город. И не Василий узнал его первым, а он Василия, потому что с того дня Альберт сильно изменился.

– Ты даже постарел на сто лет, и ростом, кажется, меньше стал. Что же с тобой все-таки произошло, старик? – спросил Василий.

– Пустяки, скажи лучше, что ты здесь делаешь? – спросил Альберт.

– Мама лежит в больнице...

Василий познакомил его с матерью, и Альберт частенько заходил к ней в палату, в беседах с ней он находил успокоение. Выписали обоих в один день, и мама Василия настояла, чтобы он обязательно погостил у них. Альберт был рад этому предложению и задержался у гостеприимных людей на целую неделю.

Последние дни до отъезда он пробыл в общежитии, уже понимая, что прошлому вернуться никто не даст. И он должен был спуститься с неба на землю. Друзья старались беречь его, о Марине не заговаривал никто, все понимали, что он пережил. А прежде чем уехать в места, где им предстояло жить и работать, бывшие однокашники тепло попрощались, обещая помнить друг друга,

Альберт сдал свою комнату. И, собирая аккуратно сложенные вещи, прижал их к груди. Они еще хранили тепло рук Марины. Даже те розы, засохшие в банке, тоже принадлежали ей. Как говорила мама Васи, время было его лучшим лекарством. Он хотел поскорее покинуть общежитие, потому что все здесь напоминало о счастье, ушедшем вместе с Мариной. Все, к чему она прикасалась, он гладил с тоской. Он не верил, что она забыла его. Она любила его так же, как и он. И это время, что им было дано провести вместе, – это было божьей волей. Это походило на счастье, которое бывает один раз в жизни. И вечным оно не могло быть, потому что было слишком хорошо. К хорошему, которое принадлежало им, Альберт успел привыкнуть, но, увы...

Перед отъездом он все-таки попытался еще раз дозвониться до Марины. Но из этого ничего не получилось. Перед отъездом зашел попрощаться с матерью Василия. Она уже готовилась его провожать и напекла пирожков. Василий тоже ждал его. Пообедав, они поехали на вокзал. Альберта распределили в самую глушь Новосибирской области. Отец Марины наказал его таким образом. Альберт был даже рад этому, думал, на таком расстоянии легче будет забыть. Волей Бориса Ефимовича их брак аннулировали. Все забудется, если не будут видеть друг друга, думала мама Марины. Но она не могла справиться с хандрой своей дочери. Марина была больна им, самым дорогим, добрым и красивым для нее человеком.

Когда узнали, что Альберт поехал по направлению и уже работает, решили, что и Марине надо устроиться на работу. Ее ждало место в престижной клинике. Ожидалось повышение и целевая аспирантура. Но Марине было все равно. Она всеми способами хотела узнать, где Альберт, куда его направили. Но никто этого не знал. За то время, когда она была взаперти, все, с кем можно было пообщаться, разъехались. Она слышала, что ее искали по телефону, приходили домой, но она не имела возможности встретиться с кем бы то ни было. Она все время думала об Альберте, и никто не мог вытравить его из ее памяти. Вокруг нее была пустота, которую никто и мог заполнить.

Альберт приехал к месту назначения рано утром. Встретившись с главой сельского Совета, он пришел в амбулаторию. Ветхое здание оставляло желать много лучшего, но жители села с большой радостью восприняли новость, что у них будет свой врач, и все были готовы дружно выйти и привести в порядок и территорию, и само здание. Комната в доме медперсонала уже ждала его. Большая, светлая, она вполне устраивала Альберта. Отопление было печное, но это его не испугало.

Все мужское население села Сосновки в свободное время занималось резьбой по дереву. А днем, как и должно, все трудились в колхозе.

В этот же год в амбулаторию приняли двух медсестер. Начали вос-

становливать документацию, и ее оказалось так много, что засиживались допоздна. Медсестер звали Люба и Марина. Девушки оказались ответственными, грамотными.

Когда медсестер представили главному врачу, а это и был Альберт, имя одной из них «Марина» вызвало у него легкий шок. Он всегда старался говорить так, чтобы не называть ее по имени. Все это переворачивало его душу, боль была еще сильна.

Другую звали Любой, девушка она была сдержанная, трудолюбивая, никогда не поспорит, лишнего не скажет, всегда исполнительна и аккуратна. Но, в отличие от Марины, она никогда не упускала момента, чтобы угодить Альберту. Было видно, что он не безразличен девушке. И в амбулатории, и в поселке тоже замечали это, намекали Альберту, но ему было все равно. Жениться без любви казалось ему преступлением. Но после долгих и настойчивых уговоров он, понимая свою ситуацию, решил уступить. Девушку было жалко, ведь он отдавал себе отчет, что никогда не сможет ее полюбить. Хотя понимал, что она будет и женой заботливой, и матерью хорошей.

В поселке он завел не очень хороших друзей, с которыми было удобно заливать водкой свою тоску. Однако спиваться он не собирался...

Свадьба была очень скромной: несколько друзей Альберта, маленький коллектив амбулатории и две соседки. Для Альберта это не имело значения, свою желанную свадьбу он уже отыграл. Просто неожиданно началась его новая семейная жизнь.

Люба не видела любви в глазах своего мужа, но четко различала боль и тоску по чему-то ушедшему. Он не в силах был пока это скрывать, она же решила ничего не выяснять. В конце концов, этот хороший врач и милый человек – ее муж. О чем она могла бы еще мечтать? Она надеялась, что потом все сладится и она дождетя своего счастья.

После свадьбы, им выделили самую большую комнату в доме для персонала. Колхоз помог молодой семье, и Люба прикупила кое-что, повесила накрахмаленные занавески на окна и обставила комнату. Везде царили порядок и чистота. Этот семейный очаг был уголком уюта и тепла...

Альберт не искал ничего в семейной жизни, после работы домой не торопился. Все чаще оставался в компании друзей-собутельников, чтобы не думать о прошлом. Люба понимала его состояние и старалась не упрекать, а терпеть, пока есть силы. Иногда, правда, намекала, что пора бы и одуматься, но запои становились все более и более привычными в его жизни. Она пыталась вызвать его на откровенный разговор. Альберт, в каком бы состоянии ни был, наотрез отказывался говорить о том, что его мучило. Редкие письма, которые получал от Василия, тоже не приносили ничего нового. Но однажды он сообщил, что видел Марину с каким-то мужчиной, у нее на пальце было обручальное кольцо.

Несколько лет семейной жизни пролетели незаметно. Родились две девочки. Люба работала и воспитывала детей, вела хозяйство. Казалось, все потекло по ровному руслу. У Альберта было много больных, но он был хорошим врачом. Иногда все же срывался, не выходил на работу. Зная привычки своего мужа, Люба всегда была начеку. Ей часто прихо-

дилось отваживать от него собутыльников. Мысль переехать куда-нибудь подальше, в другую страну, все чаще приходила Альберту в голову. Это даже не было мечтой. Жить на земле обетованной, в Израиле, это было его желанием. Семья тоже хотела этого. Новая страна, новая жизнь, это, конечно, дело интересное.

Альберт наведаясь в Новосибирск – в облздравуправлении надо было получить накладные на лекарства и другие документы по работе. Еще он хотел поинтересоваться оформлением документов для выезда за пределы страны.

Долго разговаривал с начальником отдела, потом решил заглянуть в столовую. Спустившись на этаж ниже, завернул по коридору направо. И что же... Он не поверил своим глазам! Перед ним стояла Марина. Мимо них проходили люди, кто-то здоровался, кто-то шел, не обращая внимания. А они стояли и смотрели друг на друга...

Первой пришла в себя Марина. Подошла к нему, к самому дорогому и единственному. Даже спустя много лет он оставался таковым.

– Альберт, дорогой мой! – еле выговорила она. – Где ты был столько времени? – Слезы катились по ее еще красивому лицу. Это были слезы радости, тоски, слезы несбывшейся мечты.

– Я здесь, Марина, здесь... – шептал Альберт, ничего не понимая.

Они стояли долго, говорили о чем-то, тут же забывая, они не могли насмотреться друг на друга.

– Альберт, ты куда-то торопишься? – тихо спросила Марина, глядя ему в глаза. Она сама не понимала, что делает и что спрашивает, но точно знала, что не хочет его потерять еще раз.

– Я не знаю, Марина... я куда-то шел. Ну, ничего. Я никуда не тороплюсь, – сказал он, не отрывая от нее взгляда.

– Давай уйдем отсюда, – предложила она.

– Как скажешь, – отвечал он.

Ему было все равно, лишь бы видеть ее, лишь бы говорить с ней, быть рядом. С ней, с Маришей, с которой простился на трамвайной остановке двадцать лет назад, которая хотела вернуться и не смогла.

Они вышли на улицу, о чем-то говорили, смеялись и не могли наглядеться друг на друга. Немного неопрятный Альберт и утонченная, изысканная Марина. Она оставалась такой же красивой, только сеть морщинок пролегла возле глаз.

– Куда бы нам пойти, чтобы никто не мешал? – спросил Альберт.

– А давай в кафе за углом, – предложила Марина.

– Очень хорошо, с тобой хоть куда, – любуюсь ею, отвечал Альберт. – Ты почти не изменилась, Мариша...

– Ты тоже... хотя нет. Ты изменился, стал строже и солиднее. Как и должно быть, – заметила Марина.

В кафе они сидели допоздна. Никак не могли наговориться, вспоминали многое. Она призналась, что ее не выпустили на улицу, даже на работу, пока она не согласилась выйти замуж за того, кого выбрали родители.

– Отец угрожал, что посадит тебя в тюрьму. И от страха за тебя я согласилась на все.

Человек, которого выбрали Марине, был слабым, беспринципным. Не получалось у Марины наладить с ним жизнь. Они были людьми чужими. Даже рождение сына ничего не поменяло, не сблизило. Наоборот, холодная атмосфера в семье заставила ребенка замкнуться в себе, непонимание родителей отдаляло его все дальше и дальше. Из года в год это усугублялось. Неожиданно умер отец Марины. Пришел с работы уставший, ему нездоровилось, выпил сердечных капель, прилег, но это не помогло. Марина оказалось дома, и состояние отца ей не понравилось, она вызвала скорую помощь. Пока та приехала, отца уже не стало...

Ирина Иосифовна очень болезненно переживала смерть мужа. Она привыкла хорошо жить за его широкой спиной. У нее был свой круг знакомых, где она своим настроением делала погоду всем. Многие зависели от жены ректора по многим причинам. И единственным слабым местом Ирины Иосифовны была ее единственная дочь, которой, увы, она не могла гордиться. А как она об этом мечтала...

Альберт и Марина шли по ночному городу, взявшись за руки. Они шли и не думали пока, где им остановиться. Они радовались тому, что идут вместе. И говорить могли о чем угодно, ведь было что вспоминать.

– Альберт, ты должен где-то остановиться, наверное, – напомнила Марина.

– Зачем, погуляем, до утра осталось совсем немного. Мне все равно некуда идти.

– Пойдем ко мне! – сказала Марина.

– Нет, – решительно ответил он. – Давай посмотрим, может, есть место в гостинице.

– Как скажешь, – согласилась Марина.

Они надеялись, что в гостинице никого не встретят, что здесь их никто не узнает. Им дали номер на втором этаже. Окно выходило на тихую улочку, с одноэтажными домиками, аккуратно побеленными известью, с фундаментом из темного графита. Все увиденное успокаивало душу своей тихой несуетностью.

Марина думала о том, что будет после этой встречи. От растерянности, что осталась одна с бывшим мужем, молча стояла у окна, вглядываясь куда-то вдаль. Она старалась понять себя сегодня, когда нашла то, что так давно искала. Но мысли путались, не подчинялись ей.

– Мариша, что с тобой, посмотри, пожалуйста, и в мою сторону, – попросил Альберт.

Они долго смотрели друг другу в глаза, муж и жена, которых безжалостно развели по разные стороны. Сегодня они чужая жена и чужой муж.

– Неужели это со мной, моя дорогая Мариша?

– Да, это с нами, Альберт. Ты понимаешь, мы встретились...

Когда они проснулись, был уже полдень. Марина долго думала, что ей делать. И когда увидела, что Альберт тоже не спит, сказала, что сегодня на работу не пошла.

– Ни о чем не думай, ничего не говори, давай просто радоваться тому, что произошло. Я больше не хочу тебя терять – ты слышишь меня? – никогда!

– А как же наши семьи, в чем они виноваты? – умоляюще смотрела в его глаза Марина.

– Они ни в чем не виноваты, и мы никого не обвиняем, даже тех, кто нас разлучил. Пускай каждый из них сам отвечает за свои грехи. Главное – мы не должны больше расставаться.

Он рассказал Марине, что собирается переехать со своей семьей в Израиль. Но это ничего не меняет, он будет к ней приезжать, к своей Марише.

Марина сразу сникла, как только услышала эту новость. Она только почувствовала себя нужной – и снова разлука. Сколько лет она была замужем, стала матерью, но не было счастья, надежды. Она задумалась, погрузилась. Альберт успокаивал, уверял, что никогда не упустит возможности приехать к ней, и просил не расстраиваться...

Когда Альберту сообщили, что документы готовы и назначили день переезда, он не был к этому готов, переживал, думал о предстоящих сложностях, но все оказалось очень простым.

Перед отлетом он выкроил минутку, чтобы заехать на работу к Марине. Неизвестно, сколько минут пролетело, но они были наполнены нежностью, ласковыми словами, улыбками. Марина провожала его до улицы, пожелала счастливого пути, и он знал, что она с нетерпением будет ждать его. Даже прощаясь на какое-то время, они были счастливы. Они были рады своему запоздалому счастью...

Когда Альберт приехал в аэропорт, дети и жена обратили внимание на то, как резко он изменился. За все годы жизни с ним Люба не помнила его таким, она даже не представляла, что он может так веселиться. Сейчас она с удивлением наблюдала за ним. Но если даже позволила бы себе что-то спросить, он вряд ли услышал бы это. Жизнь его проходила рядом с ней, но он был в другом измерении. Она не смогла приблизить его сердце, обратить к себе его чувства. Она была довольна жизнью с ним, его порядочность и человечность не сделали ее несчастной. Он любил своих детей. Раньше он не хотел ездить в город, а в последнее время находил кучу причин, чтобы побывать там. И часто он не возвращался в тот же день, хоть и была возможность. А по возвращении говорил, что через несколько дней ему опять надо будет отлучиться в город. Зачем? Люба не могла понять.

Когда самолет приземлился в израильском аэропорту, их встретили давние знакомые. Все проходило без суеты, спокойно и доброжелательно.

Жизнь на новом месте постепенно входила в нормальное русло. Хотелось, конечно, видеть и прежних друзей, скучали и по родным местам. И по дворику с деревянным навесом, где сидели с друзьями допоздна, и по работе, которая была пристанью для души. Там работали и вели сердечные разговоры, в которых намечались планы на сто лет вперед. И тоска по всему этому проходила очень трудно...

Через какое-то время Альберту удалось приехать в Новосибирск. Он заранее готовился к встрече с любимой женщиной. Даже знал, что скажет ей при этом.

Самолет приземлился в полдень. Погода была дождливая, такая здесь не редкость. Альберт стоял уже на автобусной остановке, слушал дождь.

В этом было что-то очень родное и привычное. Он позвонил Марине, ее телефон был долго занят. Но он дозволился вечером, когда устроился в гостинице. На телефонный звонок ответил незнакомый мужской голос. Поздоровавшись, Альберт попросил Марину, на что сразу получил вопрос: а кто это? Он ответил, что это ее однокурсник, и тогда услышал:

– Мам, тебя...

Было слышно, как она шла к телефону, что-то на ходу объясняя сыну.

– Алло, слушаю, говорите...

– Мариш, это я. Приехал, чтобы утонуть в омуте твоих глаз. Как ты, у тебя все хорошо?

– Да, у меня все ничего. А где ты остановился?

– В нашей гостинице, ты помнишь?

– Конечно, я скоро буду, поговорю с сыном и приеду.

Два часа показались ему вечностью. Он не смог сидеть в номере, вышел в холл и от нечего делать наблюдал за людьми. Среди них не было ни одного знакомого лица. Задумавшись, он не заметил, как вошла Марина.

– Ну, здравствуй, дорогая, – восторженно сказал Альберт, раскрывая свои объятия, когда они вошли в номер.

– Здравствуй, Альберт.

Они были бесконечно рады друг другу. Наперебой рассказывали новости. И шелест листвы за балконом, и шум машин, и бурчанье дежурного – все это уже не имело значения. Они были рядом, были вместе. Однако он заметил, что Марина, хоть и была очень приветлива, все же почему-то нервничала.

– Мариш, что у тебя за проблемы, какие отношения с сыном? – спросил он неожиданно, глядя ей в глаза.

Она немного растерялась, но рассказала, что отношения с сыном у нее напряженные. Сын очень хочет, чтобы отец жил с ними, что совершенно невозможно. Он уже студент второго курса, и все время заявляет, что уйдет к отцу.

– Я не думаю, что он так сделает, – вздохнула Марина, – потому что отцу Игорь совершенно не нужен. Он и себя-то не может обеспечить...

– Да, – Альберт задумчиво глядя куда-то перед собой, курил. – Может, мне с ним поговорить? А он знает, что я есть в твоей жизни?

– Нет, не думаю. Я не говорила. А его отец все время говорит о чем-то таком, хотя никогда меня с тобой не видел. Когда мама была еще жива, он ей тоже жаловался на меня. Мама его поддерживала, но на них обоих реагировать не было у меня сил.

– А ты можешь познакомить меня с сыном? – неожиданно спросил Альберт.

– Я боюсь, – призналась Марина.

– Но так будет честно, и он поймет тебя, – настаивал он.

– Не знаю, надо подумать... Ты знаешь, я не могу сегодня здесь остаться. Очень за него беспокоюсь, – виновато сказала она.

– Хорошо, я тебя понимаю.

– Я знаю, ты хотел бы быть со мной, для этого ты прилетел из другой страны. Но что мне делать? Ты же мне не просто однокурсник, ты родной

мой человек. Я бы хотела жить общими делами, проблемами и радостями. Нас развели, но я все время думала, что ты мой и больше ничей.

– Успокойся Марина, это все так. По-другому и быть не может. Да, я твой, и не хочу, чтобы какие-то проблемы ты решала без меня. Ты это слышишь?

Он утешал и успокаивал ее.

– Мариш, давай сейчас же поедem к вам.

– Ну что ж, – согласилась она, – а по пути подумаем, что сказать Игорю.

– Скажем, как было, как есть, – решительно произнес Альберт. – Он уже студент, взрослый человек. Не поймет сегодня, поймет потом.

К ее дому доехали быстро. Когда Игорь услышал звук открывшейся двери, не вставая с места, тут же начал упрекать мать. Марина и Альберт молчали. Игорь продолжал говорить, не отрываясь при этом от телевизора.

Марина хотела что-то сказать, но Альберт не позволил. Они по-прежнему стояли молча. Сообразив, что никто на него не реагирует, Игорь посмотрел в сторону прихожей. Увидев незнакомого человека, отвернулся и продолжал смотреть телевизор, но уже молча.

– Здравствуй, Игорь!

Ответа не последовало.

– Что, маму обижать легко? Или ты никого кроме нее не можешь достать? – спросил Альберт.

– Кто вы, и что вам от меня нужно? – привстав, спросил Игорь. – Это моя мать, и как с ней говорить, я знаю сам. А вы будьте добры, скажите, что здесь делаете?

– Я однокурсник твоей матери. Пришел вот, чтобы познакомиться с ее сыном.

– Значит, она пожаловалась вам, какой у нее ужасный сын, который хочет жить с отцом. А она, видите ли, не хочет этого.

– А почему ты не живешь там, где живет он? – спросил Альберт, с трудом выдерживая нагловатый тон юнца.

– Этот дом принадлежит нам с отцом, пускай мама уйдет отсюда.

– Да нет, это дом родителей твоей мамы, – ответил Альберт. Ему было крайне неприятно, что у его любимой Марины такой неблагодарный сын.

– Я не намерен это терпеть! – прервал его мысли Игорь. – И вообще, что вы лезете не в свои дела? Уходите, откуда пришли, или я за себя не отвечаю. Мама, ты слышала, что я сказал?!

Марина тихо плакала.

– А где твой отец? – поинтересовался между тем Альберт.

– С друзьями снимает квартиру. А зачем это вам? Да, иногда он выпивает. Ему ничего не остается, когда такие друзья. А мама не может этого, видите ли, терпеть, когда он выпивший. Ненавижу...

– Ненавидеть такую маму просто грех. Игорь, я бы хотел поближе познакомиться с тобой. Я всю жизнь так восхищался твоей мамой. И считал, что этой женщиной можно только восхищаться. И это должны делать все, кто ее окружает.

– Вы случайно не тот любимый, со студенческой?.. – ехидно спросил сын.

– А что, не подхожу?

Игорь окинул Альберта презрительным взглядом с головы до ног и злобно пробормотал:

– Только подобный урод стоит моей матери.

Альберт виновато смотрел в сторону. Игорь понял, что зашел слишком далеко, в подлость, тут же вскочил и стал извиняться. Он как-то сразу обмяк, из глаз его хлынули слезы. Он плакал молча, через минуту-другую подошел к матери и сказал, пряча взгляд, что отцу плохо там, одному, и он хочет домой. Потом снова просил прощения у матери и Альберта, просил понять его. Он хотел, чтобы мать пожалела отца, который не привык работать, болеет, и может пропасть, опуститься на самое дно.

– Зачем же пить, если здоровье плохое. Нужно что-то одно – или пить, или работать, – начал было Альберт.

– Вы, пожалуйста, не вмешивайтесь, и не учите мать. Она и так не жалуется отца! – прервал его Игорь. – У меня после всего этого совершенно нет желания учиться. Я решил бросить университет, если она его не пустит в дом! – последние слова он произнес с вызовом.

Марина попыталась ответить, но сын не давал и слова сказать, снова обвиняя и оскорбляя. Альберту понадобилась вся его выдержка, чтобы снести подобную сцену. Взаимные оскорбления не решили бы проблему, надо было найти выход из этой ситуации. Он был нужен и сыну, и матери. Оставить все как есть и уехать – было бы не по-человечески. Позволить себе такое Альберт не мог.

Уже был поздний вечер, но спать никому не хотелось. Марина была сильно расстроена. Увидев любимую в ее реальном мире, Альберт сегодня понял, к чему привела ее воля родителей. У нее не было опоры, защиты, она была в тупике. Несчастливая и одинокая, с неблагоприятным сыном, с мерзавцем мужем.

– Марина, уже поздно, я пойду. Утром я зайду за тобой, – устало сказал Альберт.

– Нет, пожалуйста, оставайся здесь. Я тебе постелю в кабинете, а сейчас пойдем пить чай, – просила Марина.

– А что ты его уговариваешь, пускай уходит, откуда пришел! – вмешался сын.

– Нет, Игорь, он только что прилетел из другой страны, и в гостиницу в такое время я его не пушу. Принимать в своем доме гостя я, наверное, имею право, – твердо ответила Марина и пошла на кухню.

Альберт и Игорь остались в комнате одни. Игорь был непредсказуемый молодой человек, но не совсем лишенный разума. Ему нужна была поддержка, причем мужская, надежная. Он искал это в отце и не мог найти. Потому и считал виноватой свою мать, беззащитную и ранимую Марину, которая не знала, что делать.

После неловкого молчания Альберт поинтересовался, где он учится. Игорь нехотя ответил, что он студент технического факультета.

– Парень, я вижу, ты не глупый, – сказал Альберт, – все-таки иметь дело с высшей математикой и физикой, конечно, удел избранных. И если это так, то бросать вуз – просто проявить слабость. Я не думаю, что внук

известного ученого может на это пойти. Ты хорошенько подумай, парень. Ведь не всем, кто даже может, дается возможность там учиться.

Альберт очень хотел помочь Марине и поэтому решил найти общий язык с ее сыном. Игорь слушал без интереса. В это время Марина попросила всех к столу.

Они говорили о разных мелочах, вполне мирно, Игорь даже стал проявлять интерес к словам гостя. Марина, наблюдавшая за сыном, понимала, что это работа Альберта, который, конечно же, понимал, что от разлада в семье больше всех страдал сам Игорь.

Чаепитие затянулось допоздна. Но мужчины не собирались спать, разговор явно налаживался.

– Ну, тогда я пойду спать, оставляю вас одних, – сказала Марина.

– Да, мама, мы немного посидим...

Это на самом деле удивило Марину, она была безмерно рада. Сколько ей нужно было страдать, чтобы увидеть сына таким, вполне пристойно беседующим, с искрами интереса во взгляде.

Они сидели долго и говорили о разном. Игорь еще раз попросил прощения у Альберта, он объяснил свою ситуацию и ждал одного – чтобы его поняли. И когда между ними установилось и окрепло доверие, Игорь, смущаясь, спросил, как все-таки быть с отцом.

– Игорь, ты взрослый парень, хоть помощи для матери от тебя никакой. Ну как ты думал решить эту ситуацию? Отец твой ни работать, ни заботиться о семье не хочет, ты еще студент, а мать одна тянет все это. Ты считаешь, что это нормально?

– Нет, я не считаю это нормальным. Но отец пропадет, у него ничего нет, ни работы, ни жилья, никого...

– Ну, пусть находит работу. У него же есть специальность?

– Да, он инженер, но очень не любит это дело. Он вообще большой неудачник... жалко мне его.

– А как он себя чувствует на шее твоей мамы?

– К этому он привык...

– Ну, видишь как, а ты сколько из-за этого ее мучаешь!

– Действительно, простите меня еще раз...

– Ты у матери тоже не забудь попросить прощения.

– Хорошо, обязательно, дядя Альберт. Спасибо вам за этот вечер, еще раз прошу меня понять.

– Все нормально, давай теперь спать, – предложил Альберт.

– Да, конечно. Мама вам здесь постелила. Спокойной ночи.

Проснулись Марина с Альбертом поздно. Игорь давно уже был на занятиях. Он тихонечко встал и ушел. Марина попыталась узнать, как у них сложились отношения, но Альберт не посвятил ее в подробности. Только успокоил, сказав, что у нее отличный парень и все будет хорошо.

– Альберт, он хоть извинился перед тобой?

– Конечно, и не раз. Не переживай, Мариша, я теперь за тебя спокоен. Главное, все выяснили, он понял, и я его понял. Мы теперь с ним большие друзья.

– Дорогой, а ты рассказал нашу историю? – спросила она, немного растерявшись.

– Не задавай ненужных вопросов, главное – я за тебя спокоен. Это для меня очень важно. Моя принцесса, моя любимая женщина. Как хорошо, что я приехал и хоть что-то изменил в твоей жизни к лучшему.

– Да, конечно. В такое непростое время бог опять тебя послал ко мне. И в этот раз только ты смог помочь. Я не хочу тебя никуда отпускать, но видишь, как все получается.

– Не переживай, Мариша, где бы ни был – я твой, если я так тебе нужен.

– Ты же знаешь, что кроме тебя мне никто не нужен.

В жизни Марины наконец-то установился долгожданный мир. Игорь ждал Альберта, чтобы поделиться своими новостями, посоветоваться насчет новых дел. Он был и оставался его лучшим другом, советчиком. Действительно, ему не хватало такого надежного плеча. Отец никогда не уделял ему времени, и он сильно от этого страдал, обвиняя всех и каждого. Альберт, в свою очередь, был и слушателем хорошим и другом надежным. Его приезд для матери и сына был одинаково желанным.

В этот раз Игорь спросил, когда улетает самолет, узнав, извинился, что не успеет проводить его. Пожелав счастливого пути, он побежал в институт. Марина и Альберт оставались дома. У них еще было немного времени побыть вдвоем.

В аэропорту они тоже говорили без умолку, и когда задержали рейс на два часа, это было таким счастьем, просто через край! А когда все-таки объявили посадку, Марине стало нестерпимо грустно. Заметив это, Альберт стал утешать ее, сказал, что прилетит снова при первой же возможности. Она, всхлипывая, сетовала, что это будет не скоро, уверяла, что чувствует это...

Игорь был уже дома, когда вернулась мать. Он работал над чертежами. Услышав стук входной двери, крикнул, приготовить ли чаю. Марина была расстроена и, ссылаясь на головную боль, поспешила в свою комнату, чтобы прилечь и отдохнуть.

Попозже, когда они сидели за столом, Игорь спросил у матери, кем им доводится дядя Альберт. Марина поняла, что пришло время рассказать обо всем: кто такой Альберт и зачем он им нужен. Она очень переживала и боялась, что сын ее не поймет и забытые в семье неурядицы начнутся с новой силой. Но и откладывать разговор не было смысла...

Игорь слушал молча, не перебивая. Марина по реакции сына поняла, что они с Альбертом этой темы не касались. Потому ей было непонятно, что творится в душе у сына. Он молчал, но ни злобы, ни обиды в его глазах не было. Он не напомнил об отце, и Марина видела, что Альберт ему тоже был нужен. Игорь чувствовал в нем опору, мог говорить обо всем.

Альберт постарался стать ему настоящим другом. Когда он с ним прощался, без свидетелей, попросил быть мужчиной в доме. Игорю такое отношение нравилось, он обещал, и обещания своего нарушать не собирался.

С тех пор прошло три месяца. Марина и Игорь ждали приезда Альберта. Каждый – по-своему. У Игоря было куча планов, идей, с которыми он хотел познакомить Альберта, узнать его мнение. Марина просто ждала

любимого человека. Прошли еще две, три недели, месяц, другой. Но его не было. А когда – через полгода – Альберт приехал, он выглядел сильно постаревшим, глубокие морщины пролегли вокруг глаз. Позвонил из аэропорта, но домашний телефон Марины молчал. Он поехал в университет к Игорю и встретил его на проходной. Игорь обрадовался встрече. Он был не один, а с девушкой. Извинившись перед ней, он увлек Альберта в ближайший сквер, чтобы спокойно поговорить. Вопросов было много, но первый: почему так долго не приезжал. Альберт рассказал, что похоронил жену. Она умерла перед самым его отъездом, а оставить детей в такой момент он не смог.

Игорь близко принял его потерю. Он пытался успокоить, пригласил домой. Альберт не знал, что делать. Он не решался пойти, но и отказаться не мог. Спросил, как чувствует себя Марина. Игорь рассказал, как они ждали его, и, честно говоря, уже потеряли надежду увидеть его.

– Мама сейчас сильно занята на работе, но к вечеру придет. Я все-таки настаиваю, чтобы вы приняли мое приглашение.

Дома Игорь быстро разогрел еду, и за обедом, дожидаясь Марину, они говорили о его новостях и планах. Игорь рассказал, что с большим трудом поправил дела в университете. Сейчас у него уже все хорошо.

Когда Марина открыла дверь, услышала голос сына, который увлеченно говорил... Но с кем? Заглянув в его комнату, она ахнула. Рядом с сыном сидел Альберт и внимательно его слушал. Они даже не заметили, как она зашла в дом. Тихонько постучав, она вступила в комнату и поздоровалась с Альбертом.

– Мама, у дяди Альберта умерла жена...

Соболезнования Марины были искренними, ей было жаль его, вытирая глаза, она ушла на кухню под предлогом приготовить ужин, сидела там некоторое время, печально глядя перед собой. Конечно, жизненные пути Марины и Альберта, начинавшиеся как один общий, были нелегкими и запутанными – и радость, и утраты, понять было очень сложно. Не было им и сейчас покоя.

«О боже, сколько этому длиться! – с тоской в душе думала Марина. – Как я могла в нем сомневаться, если даже он не приехал. Господи, спаси и сохрани наши души. Дай покой ушедшим. Я не грешна, я всего лишь жертва гордыни. И что же делать, где я не права, как же мне быть, чтобы потом не пожалеть...»

– Мариша, что с тобой? Вся как-то сникла? – ее беспокойные, полные печали мысли прервал Альберт. – Я же здесь, рядом с тобой. Или ты не рада мне?

– Ну что ты говоришь, мой дорогой? Я просто благодарю всевышнего, что ты здесь. Я так истосковалась, переживала, и вообще думала, что ты не приедешь. А где Игорь? – спросила Марина.

– Он вышел по делам, скоро придет, – успокоил ее Альберт. – Я знаю, что ты переживала. Действительно не было возможности ни позвонить, ни предупредить. Но, знаешь, Мариша, давай, используем время, данное нам свыше, не на обиды, а на все приятное. Я здесь, мы снова вместе,

и ничего больше не нужно говорить. Я приехал к самым дорогим мне людям, и мне хорошо.

Эти слова тронули ее. Маришей он звал ее еще тогда, во время учебы, и когда они были женаты. Он это помнил и не смог забыть ту Марину, хоть и прошла целая жизнь. В этой жизни оба имели свои семьи и вырастили детей. Но они вновь нашли друг друга. Они пронесли свои чувства через годы и многие трудности. Они больше не хотели терять друг друга.

Сегодня Марина ничего не хотела вспоминать из прошлого. Судьба все-таки вернула ей Альберта. Благодаря ему она, в сущности, вновь обрела сына, чуть было не ставшего чужим. Игорь на удивление сильно привязался к Альберту. Он ждал его, как отца родного, главное – он верил каждому его слову, он видел в нем мудрого человека, внимательного и деликатного, заинтересованного всеми его проблемами и радостями. Но все-таки ему было непонятно, как теперь будут развиваться их отношения. И когда он набрался смелости и спросил у Альберта, тот тоже не стал ходить вокруг да около. Он признался, что всю жизнь он любил и любит только Марину. И ради них приезжает сюда. Польщенный Игорь, немного растерявшись и покраснев, спросил, можно ли считать его отцом.

– А я и так считаю тебя сыном, – просто ответил Альберт, – если ты, конечно, не против.

Альберт понимал Марину и был доволен, что сумел защитить ее в этой неразберихе. Был рад, что направил Игоря в нужное русло. Возраст, когда происходит становление личности, не сломал парня. Он был счастлив, что в нужное время оказался рядом с Мариной.

– Да, Альберт, что бы я без тебя делала? Как хорошо, что ты здесь. Господи, как спокойно рядом с тобой. – Она прижалась к нему. Ей давно не было так спокойно.

– Ну, ты расскажи, что у тебя было нового за это время? – спросил он.

– Да что могло произойти? Ничего особенного. Просто ждали мы тебя. И с сыном все спокойно, это самое главное.

Они долго сидели, рассказывая о своей жизни в этой долгой разлуке, с того самого часа, когда Альберт проводил Марину до троллейбусной остановки, чтобы она поговорила с родителями. Они – уже немолодые люди – наконец-то узнали, что все-таки произошло с ними тогда. Это было несчастьем для обоих. И они больше не хотели вспоминать этого. Они все забудут и начнут новую жизнь. Он будет приезжать, Марина его будет ждать, встречать....

Осень жизни им хотелось бы прожить в сиянии ее тихой радости. Им хотелось просить у осени, чтобы закружила их в хороводе, но не в прощальном. Мечтали долго жить в блаженстве золотой поры. Ведь молоды они еще душой и телом. Им рано еще в зиму, где холод и безмолвие. Они довольны, и очень довольны. Время бабьего лета. Подожди, осень, еще немного подожди!

*Материал подготовила к печати
О. Малюга*

Кавказ

Как рад я, что родился на Кавказе,
Поближе к небу, звездам и луне...
В каком угодно долгом пересказе
Его красот не перечислить мне.

Эльбрус превыше всех высот Европы,
Всегда с ним рядом – младший брат Казбек.
Здесь гордый тур прокладывает тропы,
Здесь реки начинают свой разбег.

И солнца луч, скользнувший по вершинам,
Разбудит склоны радужной игрой,
Горянку удивляя, что с кувшином
Идет к ручью рассветною порой.

Нарзан бурлит повсюду родниками,
Несущими в себе всю мощь земли.
Народам, что мужают здесь веками,
Кто б ни был ты, с почтением внемли.

Честь и отвага – вот и все богатство,
Что в неприступных ценится горах.
Суровое, но искреннее братство,
Которым движет совесть, но не страх.

Бывали здесь великие поэты,
Земной свой путь к бессмертию верша.
Горянок взоры в их стихах воспеты
И горца справедливая душа.

Здесь говорят, что гость – посланец Бога,
Гостеприимством славен мой Кавказ.
Влекут вершины, вновь зовет дорога
Того, кто побывает здесь хоть раз,

Кто видел благодатные долины,
Душистые альпийские луга...
Гостей встречая, скалы-исполины
Облачены в чистейшие снега.

Кто б ни был ты, в какой бы ни был вере,
Когда дела и помыслы чисты,
Кавказ перед тобой откроет двери, –
Желанным гостем, другом будешь ты!

Борис ЧИПЧИКОВ

И мы так сможем

Московская улочка. Двух- и трехэтажные купеческие дома – крепкие и по сию пору. Рядышком церковь в рост с домами. Меж домов – старые деревья. Кое в каких окнах горит свет. Троллейбусные провода в небе – будто кому-то к поломанной руке приделали штaketник.

Хотели покрасить пол, но передумали и выкрасили дома в темно-коричневый цвет. Хотели покрасить окна, да разрисовали купола в темносинее. Черную краску просто вылили на тротуар.

Улочка резко сворачивала за церковь, образуя нерукотворную площадь. И казалось, что воздух, атмосфера тут иная, нежели на других улицах Москвы. Здесь еще не выветрился дух Аввакумов, густо смешанный с бездуховностью коммунистов. И я думал, что вот-вот откроется булочная и на площадь хлынет терпкий библейский запах хлеба. Темновато было, но во тьму эту, исподволь, тяжело пробивался свет. И тогда я увидел его. Он стоял на краешке тротуара, рядом с едва видимым «Запорожцем». Стоял маленький человек, одетый то ли в маскхалат, то ли в сероватую робу медбрата. Черная борода, черные длинные волосы, четкий взгляд, точно знающий, чего он хочет.

Ему надо перейти на другую сторону улицы, благо над головой его нимб. Он, видно, не может ходить по темноте, он ходит только по свету. А нимб у него – выбеленное полукружье, не дающее внешнего света.

Стояло существо в почти что белом одеянии, то ли усталый святой, долго пребывающий с нами, то ли сам Христос, то ли геолог-шестидесятник, вернувшийся из тайги домой, а, может, художник нарисовал себя. Долго стоял человек, стоял, пока на той стороне улицы земля не окрасилась в теплую желтизну, которая пятнышко за пятнышком озолотила мрак прилегающий. И над церковью, на небе, раздвинув облака и тучи, появилась маленькая полоска синевы. И непонятно было, то ль день грядет, то ль ночь вот-вот заполнит землю мраком. И, глядя на возгорающуюся землю, подумалось, – и мысль та была сумасшедшей, – а в случае чего ведь можно и без солнца. Конечно, это был сам Христос. И, глядевшего на него, меня пронзило и озарило – и я умел когда-то так делать. Дальние, смутные отголоски памяти говорили мне, что это совсем не сложно. Да, это был Христос, и пришел Он не грехи наши искупать.

Прожив нашу жизнь, самый злобный злодей искупит сам грехи свои, и даже Малюте достанется крошечное местечко в небесном предбаннике.

А пришел Христос сказать нам несколько незатейливых слов, но слова эти самые важные. Он хотел сказать нам: «И вы так сможете».

И мы так сможем – ведь не гонят же нас табуном на Голгофу. Нам надо-то всего – осветить рядом с собой кусочек земли, величиной всего лишь в тень свою. А каково слепым – им и мир надо построить, да еще и осветить его. Мы сможем это, только надо вспомнить, как это делается. Скажи ребенку своему: «Вон человек, стоящий рядом с тобой, посвети на него светом своим и ты найдешь в нем все, что необходимо тебе, а он осветит тебя и найдет свое – без чего и его жизнь была бы невозможна. А от света вашего светло станет на земле всей». Скажи это и спасешь ребенка своего и всех тех, кто уверует в эти слова. И тогда мы тоже так сможем.

Человек рождается трижды. Первый раз из тела твоего, второй – после слов твоих, третий – когда простую суть Христовых слов уразумеет. Рожденный лишь раз – не жилец, а проживающий. Все ведь так просто – осветить маленький кусочек земли и сказать несколько простеньких слов.

Я перевернул картину. На обратной стороне карандашом написано название картины – «Находка», и фамилия – «Синицынь», с твердым знаком на конце, будто замком защелкнутая – наверное, чтобы суть не утекла.

Я купил эту картину в дремучих девяностых, в московском полутемном переходе, купил у человека, одетого в лохмотья, обросшего серопегой гривой. И из зарослей печальных смотрели на меня добрые карие глаза, глаза человека, нашедшего на этой земле что-то несказанно важное.

На маршрутке по обломкам

*Нет на свете простого и сложного по отдельности.
Простота – суть сложного. А сложное –
сердцевина простоты.*

Шофер маршрутки, не оборачиваясь, на каждой остановке бросал в салон одно-единственное слово: «Выходите?».

Все молчали. Больно надо. Лишь женщина, стоявшая рядом со мной, всем телом тянулась к шоферу и звонким, задушественным голосом откликнулась: «Да», или: «Нет», в зависимости от обстоятельств. В этих обрывках слов было столько соучастия – будто сын ее сидел за рулем. После десятого «да-нет» я не выдержал и хихикнул, а она, повернувшись ко мне, серьезно так, с каким-то детским недоумением сказала: «Ну, ведь человек спрашивает». Будто машина резко остановилась, будто в кресло меня впаяло. Ведь человек спрашивает. Это ж такая важность, а я воспринял ее как пустяк. Еще вчера я мог быстро откликнуться на зов человеческий. Я враз осознал, что пребываю среди собственной разрухи. Зато узнал, как починить себя. При строительстве дома – со стены, с верхних ее рядов, можно убрать бракованные кирпичи и заменить их новыми, – с

человеком сложнее, бракованные детали всегда у основания, и рушить надо всю стенку.

Думая о своем, я едва заметил, как она бабочкой, плавно выпорхнула их машины. А мы сидели, будто коконы, и о крыльях ничего и слышать не хотели и лететь никуда не собирались. Мы ехали решать свои проблемы, ехали из пункта А до пункта Б, но в пути том успевали наживать новые. А в окошке машинном, застуженное зимой, бледное небо неспешно полнилось весенней синевой, и по небу тому безмятежно плыло одинокое белое облако. А по черному асфальту шла ничем не приметная, ничем не обремененная женщина, готовая в миг единый свернуть в любую сторону света, откуда услышится призыв человека. Шла простая женщина, шла, залитая синью небесной, освященная облаком белым. Шла на встречу с чужими проблемами, своих-то нет и быть не может. Пока она решает чужие – не успевает нажать свои.

Из горьковской ямы, из запасников своих прозвучало: «Человек – это звучит гордо!». А она просто себе шла, наполняя ничем не подкрепленные слова реальным смыслом. Глядя на нее, подумал: человек не только звучит гордо, но, что еще важнее, выглядит умильно. Она, небо, одинокое облако вращались друг в друга, образуя единое целое, светлое. И привиделась, и услышалась степь Тургенева, и пахла та степь полынью, и полынь та будила древнюю память мою, и память вещала о главном законе: «Нет на свете простого и сложного по отдельности. Простота – суть сложного. И сложное – сердцевина простого. Простое втекает в сложное и сложное распадается на простое».

И все наши беды от незнания этого закона.

Мы стараемся отделить простое от сложного, становясь затормозившимся вечного закона всего сущего – закона единства и различия простого и сложного, оттого и наживаем все беды свои. Кто соблюдает этот закон, рождается под знаком человека, кто нарушает его – под созвездием людей. Планеты эти по сути своей далеки друг от друга, хотя и находятся рядом. Одни остаются под знаком человека, другие уходят в люди.

И эта сказочная женщина зримо показала мне ту грань, где заканчивается человек и начинаются люди. Я смотрел на свободную женщину и думал: «Господи, ну зачем ей голова, ей и сердца вполне хватает, да еще и другим остается».

Сводить собак на водопой

И на безлюдной реке нет справедливости.

Наш поселок вдалеке от города, но рядышком с лесом и рекой. И еще у нас пять озер, из которых в город поступает вода. Пять одноэтажных барачков, жильцов около сотни, да и то не во всякий день. Напротив барачков наши самозахватные огородишки – по две-три сотки. Люди у нас

простые, и фамилии у нас простецкие – Бордюжа, Рыжиковы, Виллисовы. Собак много – по две-три на человека, а кошек и того больше. И собаки какие-то – породы нашей, поселковой – одно ухо в небо, другое – к земле. Две ноги враскосык и две ровные – в общем, иноходцы. Горожане, зная нашу любовь ко всему простому, подбрасывают нам все безродное, беспородное, портящее эстетику города, а у нас на просторе, почти на воле, все живое смотрится как нечто незаменимое.

Мы так привыкли к своим животным, что чувствовали малейшее колебание их характера. И если пропал какой-нибудь кот или собака, переживали не шутейно.

– Пушка что-то нет, волосок куда-то запропастился, – тревожно шептались женщины.

Просыпаюсь я всегда от пенья птиц – живу-то в лесу, можно сказать. А птицы размыкают глаза, потому что их щекочет преддверье восхода солнца. Они живут в ритме движения солнца. И вынуждают людей жить так же. Жить по солнцу – самый разумный вариант проживания. Такие крохи, а сколько ума. Не встал в пять утра, и не попасть уже в ритм уходящего дня. Сегодня я проснулся от тишины и разболтанности в душе и теле. Еще бы, ведь вчера было тридцать первое декабря – значит, сегодня первый день нового года. Вчера мы с соседями все песни спели и все, что могли, выпили. Похмельной боли не было. Чувствуешь, что ты тесто растекающееся, и стараешься собрать сам себя. Ни лечь, ни сесть. Вышел во двор, а на улице теплень: ни снега, ни ветерка, ни тучки – день весенний в разгар зимы. Ни звука в поселке, ни шепота. Не зная, что делать, поплелся на речку.

Десятка два собак – за мной, им без разницы, лишь бы выйти за пределы шлагбаума, стоящего почему-то в конце поселка, а не в начале. Собаки уныло потащились за мной. Они прекрасно чувствовали мое состояние. Но стоило им миновать шлагбаум, они преобразились – устроили бега собачьи, кидааясь шутейно друг на дружку. Казалось бы, одна земля, и лишь палка, шириной в несколько сантиметров, отделяющая их от свободы, и они прекрасно это чувствовали.

Дойдя до речки, собаки кинулись к воде и пили, и пили – будто неделю мучила их жажда. И, не удержавшись, я тихонько засмеялся – балкарец из соседнего поселка, видя меня у речки с моими спутниками, улыбаясь, говорил: «Когда человеку делать нечего, он водит собак на водопой». А собаки пили и пили. И делали это с таким удовольствием, что мне сквозь тихий смех подумалось: «Бог за этот водопой снимет с меня два-три незначительных греха». Когда много вопросов и нет ответов – иди к реке. Вслушайся в нее и ты услышишь лучший из советов. Но только не сегодня. Округа была в недоумении – должен быть снег, сугробы, холодный ветер речной, и вдруг – весна, только цветы и листва дерев не успели еще распуститься. Насторожились деревья – я впервые видел их такими растерянными. Притихли птицы. Остановилась река. И с

противоположного берега глядела на нас громадинами глаз недоуменных корова. Произошел какой-то разрыв в мироздании, будто оно попало в воздушную яму. И сидели мы безмолвные на берегу речки. Сидели люди и животные. Сидели, блаженствуя в этой всеохватной немоте.

А какие глаза были у моих спутников – глаза, наполненные недоуменным безгрешьем.

Такие глаза бывают у святых, осененных ласковым озареньем, пришедшим на смену тяжким невзгодам.

И вдруг перед глазами взметнулись брызги водяные, и холодные капли окатили лицо мое и переполошили шеренгу собак, и из крон деревьев резко порхнули стайки крохотных птиц. Человек шел по той стороне реки и метнул в воду камень. Всего-то, а мир вдруг наполнился суетой. Собаки вмиг обрели бытовой прищур. Не знаю, какое выражение лица было у меня, но оно, наверное, изменилось. Холод, прокатившись по рукам, наполнил грудь мою.

Мы встали и нехотя поплелись в сторону поселка. Господи, как хрупка благодать. Преодолев семь небес и достигнув с таким трудом земли, она истончается настолько, что небольшой камень разбивает ее вдребезги.

Говорят, где много воды, там женщины стервы, а мужики пьяницы. У нас и вправду и женщины не очень деликатны, и мужики выпить не дураки. И вряд ли мы ночи не спим, думая, как бы соорудить какую-нибудь благодать. Но меня не покидает чувство, что благодать почему-то пребывает рядом с бедностью, разладом, природой и животными. Приближаясь к поселку, видя эти бедолажные бараки, черные полосы вскопанной земли, печальных собак, я ощутил запах простыней, внесенных с мороза в теплую комнату, и понял, что земля родила новую благодать, которая тихо всплывала к небесам, чтобы получить благословенье Божье и вновь опуститься на землю. И вспомнил я улыбчивого любителя пословиц. Он приезжал на речку, грузил камни в старенький грузовичок свой. Иногда срубал дерево. Наверное, он строил себе дом – большой и прочный. И мне подумалось – наверное, если не водить собак на водопой, вряд ли можно построить крепкий дом. Дом держится на благодати, а благодать невозможна без животных. Выстроенное из воздуха крепче сооруженного из камня.

И я невольно улыбнулся мыслям своим. И собаки, глядя на меня, тихо, нерешительно замахали хвостами.

Адиль ТЕМУКУЕВ

РАСКАЗАНИЕ

(невъдуманная история)

Десять лет прожили в счастливом браке Мурат и Лейла. Каждый день их совместной жизни был наполнен истинным счастьем. Вопреки устоявшемуся мнению, что в каждой семье время от времени вспыхивают ссоры, они не могут припомнить ни одного подобного случая. Однако их жизнь была омрачена отсутствием детей. В первые годы жизни эта семейная пара, беззаботно купаясь в своем счастье, похоже, не очень была обеспокоена этим обстоятельством. Со временем все стало резко меняться. Совсем иные чувства начали овладевать Муратом. Нестерпимо грустно становилось ему, когда его друзья заговаривали о своих сыновьях и дочерях, об их успехах в учебе и о том особенно, как они охотно помогают родителям в домашних делах.

Неловко чувствовал себя в такие минуты бездетный мужчина, даже ощущал некую свою ущербность в сравнении с другими. Бывало, что иные из друзей искренне советовали ему взять на воспитание ребенка из детского приюта, но от этого в категорической форме отказывалась жена. Она безапелляционно заявляла, что не хочет и не будет воспитывать отпрыска бомжей, алкоголиков и наркоманов, поскольку она уверена в том, что эти несчастья передаются по наследству, с генами, а гены, как известно, не переделаешь. В каждом воспитаннике детского дома она видела будущего преступника. Расстаться с этой отнюдь не бесспорной мыслью она никак не могла.

Наверное, поэтому при каждом упоминании об этом Лейла впадала в ярость:

– Не мы одни – бездетных пар много. И они живут, судьбу не клянут. Ведь это – божья воля, что мы можем сделать? Нормальные люди своих детей не бросают. Все брошенные дети – это дети с отягощенной наследственностью. Их родители – или алкоголики, или наркоманы, или вели аморальный образ жизни. Я не хочу взять на воспитание такого ребенка, чтобы потом всю жизнь с тревогой думать о том, кем он вырастет. Нет! Нет! Тысячу раз нет! Я не соглашусь воспитывать чужого ребенка, и точка!

После такой тирады Мурат сникал и уступал жене. Он не привык перечить своей властной супруге. Но однажды все же сообщил ей о своем намерении подать на развод в случае, если она не согласится на усыновление ребенка. Неожиданно для Мурата это подействовало на Лейлу

отрезвляюще. Она провела ночь в тяжелых раздумьях: развестись с мужем – но она его любит, взять ребенка – но это большая ответственность, выдержит ли? Своим трезвым умом она отлично понимала следующее обстоятельство: то, как ты воспитываешь своих детей, никого не интересует, а то, как ты ухаживаешь за приемным ребенком, станет предметом пристального внимания всех окружающих: органов опеки и попечительства, школы, а особенно доброхоток-соседушек, которые, нигде не работая и имея немерено свободного времени, целыми днями точат лясы, сидя на лавочке. И все же она приняла трудное для себя решение – согласиться с предложением супруга.

Утром она сообщила мужу о своем согласии взять на воспитание малыша, от которого отказались родители. Мурат не скрывал своего удовлетворения, и они в этот же день стали собирать документы и сделали это достаточно быстро: ведь никаких обстоятельств, которые могли бы как-то препятствовать процедуре усыновления, просто не было – шикарная 3-комнатная квартира, завидное благосостояние семьи, высшее образование потенциальных родителей.

Через месяц в их доме появился симпатичный полугодовалый малыш. Приемный папа дал ему имя Тенгиз и свою фамилию, и отчество записал по своему имени. Для Лейлы начались тяжелые будни. Уход за малышом отнимал все ее силы. А вот материнские чувства к ней почему-то не приходили. Зато Мурат был на седьмом небе от счастья. Он так привязался к сыну, что жизни своей без него уже не представлял. Видя, как любовно возится муж с ребенком, она иной раз даже начинала ревновать его к малышу. Вместе с тем супруг стал замечать довольно резкие изменения в характере жены: она стала весьма раздражительной, выглядела неухоженной и усталой. К тому же она стала очень часто перекладывать обременительные хлопоты по уходу за малышом на мужа. А однажды после очередной бессонной ночи супруга поставила перед мужем настоящий ультиматум: или я, или Тенгиз Муратович – другого не дано!

– Ты настаивал – вот и получил сыночка. Воспитывай его сам, а я выхожу на работу, мой начальник разрешил мне приступить к исполнению своих трудовых обязанностей. Понял! Я предупреждала тебя, что у всех малышей из дома ребенка дурная наследственность. Посмотри, какой это беспокойный мальчик! Ни минуты покоя от него! Я уже не могу, понимаешь, не могу! Я не испытываю к нему никаких материнских чувств, даже простого сострадания... Малыша надо вернуть обратно в детдом, – немного подумав, почти угрожающе добавила, – пока не поздно...

С этими словами Лейла ушла в другую комнату и легла спать. Всю ночь не сомкнул глаз озадаченный мужчина, провел в тяжких раздумьях – властная женщина умела стоять на своем... Но наутро Лейле было уже не до работы. Муж услышал странный шум в соседней комнате и, зайдя туда, увидел лежащую на полу жену. Та была в сознании, но не могла подняться. Он вызвал скорую помощь и отправил ее в больницу, а сам остался дома с ребенком.

Врач, осмотрев женщину, провел гинекологические тесты, спросил о том, замужем ли она, сколько у нее детей и почему муж отпустил ее одну? Рассердившись, Лейла отчеканила:

– Я уже десять лет замужем, у меня нет детей, а мужа нет рядом потому, что он ухаживает за младенцем, если это вам интересно! – выпалила она.

– ?

Внезапно испытав доверие к доктору, Лейла рассказала ему всю историю своей семьи, про усыновленного мальчика тоже. Не скрыла она и то, что намерена вернуть приемного сына в детский дом, потому что не смогла его полюбить. Не утаила она и того, что твердо уверена в том, что все детдомовцы – отпрыски наркоманов и алкоголиков и сами потенциальные преступники.

Доктор резко изменился в лице, подсел к ней и сказал то, что ее буквально ошарашило:

– Бывают случаи, когда бездетным родителям, осчастливившим несчастных сирот, взяв их на воспитание, усыновив их, за благородство Бог посылает им своих детей, кровных. Вам тоже Творец дал ребенка. Вы беременны. У вас будет ребенок. Но, по правде сказать, Бог, наверное, тоже иногда ошибается – Он не должен был посылать вам кровных детей, ибо вы жестоки по отношению к несчастному ребенку. В вас нет благородства и милосердия.

Несколько минут Лейла не могла произнести ни слова, широко раскрыв глаза, она смотрела на доктора ошалелым взглядом, действительно не понимая его слов...

Когда женщина пришла домой, Мурат кормил Тенгиза и не заметил, как Лейла вошла в квартиру. А она молча смотрела на них и решала трудный для себя вопрос: что делать? Мурат очень привязался к Тенгизчику, но несмотря на это, мальчика нужно вернуть в детдом. Теперь у нас есть свое кровное дитя, и мы не можем делить родительскую любовь между ним и приемным ребенком. Она безраздельно должна принадлежать нашей долгожданной кровинушке! Ре-ше-но!

Когда, наконец, она сообщила мужу радостную новость, а Мурат еще не успел эту новость переварить, мальчик, безмятежно сидевший на руках отца и только что широко улыбавшийся, неожиданно залился в плаче. Не переставая, плакал он долго, очень долго, что отцу пришлось вызвать педиатра на дом. Он осмотрел малыша, измерил температуру, прослушал сердечко и легкие, но не обнаружил никакой болезни. Целый час проплакал маленький Тенгиз и уснул только, когда плакать сил уже не осталось. А супруги в эту ночь не сомкнули глаз. Лишь к утру женщина уговорила мужа вернуть приемного сына в детский дом и готовиться к рождению своего собственного ребенка. Осталось отвести мальчика обратно в детский приют и оформить юридическую процедуру отказа. Мурат одел Тенгиза и, взяв его за ручку, направился было к дверям. Но тут произошло то, что совсем обескуражило Мурата: мальчик, который всегда

с восторгом отправлялся с папой на прогулку, вдруг вырвал свою ручонку из рук отца, убежал и забился в угол. Своим израненным сердечком почуяв неладное, маленький человечек защищался, как мог. Мужчина закрыл лицо руками и выбежал вон из дома. Немного придя в себя, он отправился на работу и вернулся домой лишь поздно ночью. Войдя в квартиру, Мурат сразу почувствовал какую-то давящую, гнетущую пустоту.

Лейла сидела в темноте и переваривала в сознании случившееся сегодня. А было следующее: грубо схватив плачущего, кричащего, отбивающегося Тенгиза в охапку, она бегом пришла в детский дом. Директор приласкала мальчика, успокоила, а женщине сказала:

– Поверьте, вы об этом глубоко пожалеете. Такую подлость не прощает даже всепрощающий Бог! Мое профессиональное чутье мне подсказывает, что вы с этим мальчиком еще встретитесь...

Целую неделю Мурат жил, как во сне. Не выдержав, он однажды пришел в детский дом, чтобы проведать Тенгиза. Но тот же директор даже не стала с ним разговаривать, но все же заявила, чтобы он и близко к этому детскому дому не подходил, а Тенгизчик чувствует себя прекрасно, что он очень скоро забыл их. А сейчас его усыновляет очень хороший человек.

Беременность Лейлы подходила к концу. Супружеская чета тщательно готовилась к появлению на свет долгожданного первенца...

...И долгожданный день наступил. В этот день ничто не предвещало беды. Роды были плановыми, мама и акушерки были полностью готовы к рождению позднего ребенка. Но что-то не заладилось с утра. Роды начались на рассвете и проходили очень тяжело. Артериальное давление роженицы резко и неожиданно упало, тужиться она не могла, и никакие меры по родовспоможению не помогали. Перед врачами стала дилемма: спасти ребенка или спасти мать. Врачи в таких случаях руководствуются строгим предписанием министерства здравоохранения: спасти мать.

На третий день врачи сообщили Лейле о том, что она была на грани смерти и должна радоваться, что осталась жива. Но вопреки ожиданию женщина стала биться в истерике и кричать:

– Зачем вы спасали меня? Пусть бы я умерла, а выжил бы он! Как я теперь буду жить!?

...Прошло около тридцати лет. Два года тому назад Лейла похоронила мужа. Теперь это уже не та властная женщина, которой безропотно подчинялся муж, а слабая изможденная болезнями старушка, еле передвигающаяся по опустевшей квартире... Как-то раз, почувствовав недомогание, она попыталась выйти из квартиры, но не смогла, открыла дверь и упала прямо на пороге. Соседи вызвали скорую. Ее поместили в нейрохирургическое отделение республиканской клинической больницы с диагнозом – аневризма кровеносных сосудов головного мозга, в простонародье – обширное кровоизлияние в мозг.

В этот день здесь дежурил со своей бригадой молодой и очень талантливый нейрохирург, который, успешно окончив ординатуру в московском институте имени Бехтерева, трудится в этом отделении. Пребывавшую в

глубокой коме женщину немедленно положили на операционный стол. Сложнейшая операция длилась более четырех часов и закончилась благополучно. Вопреки ожиданиям врача, Лейла стала очень быстро поправляться и начала самостоятельно прогуливаться по коридору. В своего лечащего врача она просто влюбилась: высокий, широкоплечий, обходительный, ласковый, ободряющая улыбка никогда не сходила с его лица. «Какими счастливыми людьми должны быть его родители, – думала про себя Лейла, – иметь такого сына – это великий дар изменчивой судьбы». Вскоре в палату зашел доктор, и пациентка высказала хирургу то, о чем только что думала. Врач словно ждал этого вопроса. Он спокойно ответил, что кровных родителей он не знает, так как они бросили его сразу после рождения, потом его усыновила бездетная пара, но, разочаровавшись, вернула обратно в детский приют. Вскоре его усыновила одинокая женщина, его нынешняя мать... Поскольку у нее не было семьи, она дала мне только свою фамилию, имя и отчество мне достались от прежних усыновителей... Я не держу зла ни на своих биологических родителей, ни на своих первых усыновителей. У меня прекрасная мать, она вырастила, дала мне блестящее образование. Я очень счастливый человек...

Как раз в этот момент в палату вбежала медсестра и увела нейрохирурга – одному из пациентов стало плохо. Лейла пребывала в жутком оцепенении. Какие-то смутные воспоминания всплывали в ее одряхлевшей памяти... Она поднялась с больничной койки, накинула на себя халат и вышла в коридор. В дальнем конце коридора она остановилась перед дверью кабинета врача и прочитала вывеску: Никитин Тенгиз Муратович...

Женщина сильнее оперлась на свою палочку и прислонилась к стене: «...Тенгиз Муратович... Тенгиз Муратович... Кто это!? Что это!? Ему тридцать лет... Это ведь он... Это он! Наш Тенгиз! Это он! Он! Он!» Вмиг ей вспомнились страшные слова директора детского дома: «Вы еще с ним встретитесь!...». В это мгновение распахнулась дверь, и в коридор шагнул хирург. Широко улыбнувшись женщине, он сказал:

– У Вас прекрасные анализы! Вы совершенно здоровы. Я Вас выписываю. Позвоните своим детям и пусть они увезут Вас домой. Поторопитесь, пожалуйста, у моей мамы сегодня день рождения и я уйду домой пораньше. С этими словами врач протянул ей рецепт. Лейла тяжело вздохнула и произнесла: «У меня нет детей...»

– Тогда я отвезу Вас домой на своей машине. По дороге куплю Вам лекарства. Вы мне очень понравились. Вы похожи на мою мать. Такая же добрая...

Из глаз женщины покатались крупные слезы...

Лион МИСОСТОВ

***

Другая жизнь и берег дальний
 Ей часто снились по ночам,
 Но голос близкий и печальный
 Опять на землю возвращал.

Счастливый этим возвращеньем
 Он пел ей часто о любви,
 Он пел так искренне, так нежно,
 Но все ж не гасли те мечты.

Они ей в душу проникали,
 И было видно по глазам,
 Что жизнь другая, берег дальний
 Все чаще снятся по ночам.

Другая жизнь и берег дальний,
 Где цвет и звук неуловим,
 Где все находится на грани
 Теней и света, и глазами
 Нам эту грань не различить.

***

Посеребранный болью волос
 В прядь черную ту боль вплетал,
 Посеребранный болью голос
 Звенел у молчаливых скал,
 Звенел и падал в шум прибоя,
 Волной на скалы налетал,

Сливался голос с болью моря,
 Он горечью морскою стал,
 Что на закате превращалась
 В кровавый и жестокий след
 Луча последнего, чье жало,
 Вонзаясь в сердце, кличет смерть!

***

Когда ты опустел и потускнел клинок,
 Твоей борьбы, твоей свободы, воли,
 Когда ты до бессилья одинок,
 И нет надежды выбраться на волю,
 Когда ты понял, что бродил всегда
 По следу своей сумеречной тени,
 Что свет в окне зажжен не для тебя,
 Ты обращаешься к истокам прежней веры:
 «Всевышний помоги, избавь от этой скверны,
 Верни приют сердцам, оставленным тобой,

Верни заблудший луч, скользнувший к краю бездны
И душу не губи, наставь на верный путь...»
Большая исповедь прошедших дней тревожит
Воспоминаний нить, которую порвать
Нет сил, и снова бродит
По следу тени память наугад.

***

Трещит кузнечик-клавесин далекий
В полдневный зной, в некошеной траве,
Как голос сердца – голос одинокий –
Исчезнет, растворившись в тишине.

И не приглядывайся в полдень омертвевший,
Глазами жадно в землю не смотри,
Покинул призрак-звук приют последний,
Растаял в душном запахе травы.

Упав распятем, грудью обнаженной
На шелковую грудь своей земли,
Вдыхай сильнее запах тошнотворный
Паленых крыльев, тлеющей судьбы.

Не гаснет в сердце боль, зажата в обруч
Боль Родины – еще сочится кровь.
Сверкнет клинок возмездием, как прежде,
И ненависть безмерна, как любовь!

***

Однажды ночью ты очнешься
И набредешь на след обид
Последних дней, вновь чей-то лик
Свидетельством тех бед прольется,
Предстанет ясно пред тобой,
Ты все поймешь, ты будешь болен,
Болезнь свою не изживешь,
Над этим, друг мой, ты не волен.
Что есть ужаснее всех бед?
Попасть туда, где ты не нужен,
И объяснений жуткий бред
Отдать на суд не своих судей.
Смешно. Смеется надо мной
Судьба: «Ты слеп и веришь в чудо.
Ты сердце подставляешь всюду,
А надо б думать головой».

Игорь ТЕРЕХОВ**ВСПОЛОХИ НОЧНЫХ ЗАРНИЦ**

За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

А. Блок

***

Как часто тебя смущает или повергает в раздумье замеченное несоответствие образа священника твоему представлению о служителях Господа.

Но священники, как и учителя, всего лишь служители соответствующей системы – одни конфессиональной, другие – принятого метода народного просвещения. Как учителя призваны нести в массы образование, так и священнослужители – нести веру.

Но как бывают плохие учителя, так бывают и плохие священники: разные люди, разные духовные возможности, разное понимание своего долга, разное воспитание и разный уровень образованности и тактичности.

Однако от священников ты ожидаешь некоего чуда, того, что приоткроет тебе скрытую от ослепленных повседневностью прохожих тайну земной жизни, а когда не встречаешь этого, не можешь простить того, что легко и охотно прощаешь педагогам.

***

Когда рассказывают анекдоты про евреев, это считается проявлением антисемитизма. А если анекдоты про русских или чукчей – то это всего лишь проявление чувства здорового юмора?

***

Хамство отечественной массовой культуры началось не с дарованного властями в конце 80-х годов послабления кумиру мещанина – телевидению, а с выступлений в 1970–1980 годах так называемого поэта-сатирика Александра Иванова. Именно он первым в нашей новейшей истории стал выдирает отдельные строчки из стихотворений русских поэтов, передергивать содержание хороших и, может быть, не очень хороших, но профессионально сделанных стихов и собирать концертные залы хохочущих над поэзией дураков.

Страшно признаться, что ты был одним из этих дебилов. И даже гордился, что собрал все сборники пародий этого разрушителя русской культуры.

***

Человек обязан заботиться о своем здоровье не только для того, чтобы достойно исполнить свое предназначение в жизни, но и для того, чтобы не быть никому обузой в старости.

***

Мама в последние годы своей жизни часто вспоминала, как ее бабушка – Федор Платонович рассказывал «страшные истории» своим детям. И в этих историях часто фигурировал нечистый, в кульминационные моменты произносивший человеческим голосом: «Бя-ша! Бя-ша!».

И эти слова – «бьяша, бьяша» – вы с мамой часто повторяли, с улыбкой вспоминая своих стариков или какие-нибудь народные «страшилки».

И только спустя несколько месяцев после кончины мамы, вспоминая проведенные с ней последние годы, ты вдруг отчетливо понял, что восклицание «Бьяша! Бьяша!» – из «Записок охотника» Ивана Сергеевича Тургенева. Как вы, наверно, помните, у него в очерке «Бежин луг» пятеро мальчиков, отправившихся в ночное, рассказывают друг другу «страшные» истории, и в одной из них звучит это самое: «Бьяша, бьяша!».

Для прадеда Федора Платоновича «Записки охотника» были актуальной литературой, и, рассказывая по вечерам различные истории своим детям, он просто делился с ними радостью от только что прочитанной прекрасной книги. Так же, как мы в свое время зачитывали своим деткам большие отрывки из текстов Венедикта Ерофеева или Саши Соколова.

А передаваемые из поколения в поколение слова «Бьяша! Бьяша!» – это литературная память семьи и одновременно свидетельство логоцентричности русской жизни.

***

Бог создал собаку в утешение человеку. В качестве замены отсутствующего друга или любимой. Чтобы человек не терял веры в настоящую дружбу и искреннюю любовь.

***

Наше коренное отличие от американцев состоит в том, что они верят в Бога и людей, а мы – только в Бога.

После всех трагедий XX века, случившихся на нашем пространстве жизни и духа, наши сограждане утратили веру в людей, в товарищество, в созидательные возможности человека. И это неверие и порожденная им пассивность народонаселения не позволяют России, при всем богатстве ее недр и творческом потенциале населения, достойно обустроить свою Евразию-Азиопу и обеспечить подобающую жизнь своим гражданам.

***

На автобусной остановке лежал бродячий пес и радовался: он был среди людей. Так одинокие люди, чтобы не чувствовать себя забытыми, любят ходить по гостям. А собака пришла в гости к людям, на остановку.

И даже то, что большинство столпившихся на остановке людей его не замечали, высматривали номера приближающихся маршруток и троллейбусов, и уезжали на них, не удостоив его вниманием, пса не смущало. Он был среди людей, и его никто не гнал!

Он лежал, положив голову на передние лапы, смотрел на озабоченных своими мыслями людей, и дружелюбно махал им хвостом.

Если бы на этой остановке нашелся умный и добрый человек, понимающий толк в животных, и обратил бы внимание на этого пса, у него бы появился преданный на всю жизнь друг.

***

Эволюция супружеских отношений: раньше она, после его ночных возлияний, по утрам бегала в соседний ларек за минералкой, спрашивая, какая марка сегодня потребна его организму, а сейчас ограничивается звонком с работы, чтобы справиться о его здоровье и заодно узнать, не осталась ли она уже вдовой.

***

В магазине «Буквоед» на Невском, выбирая книги для внучки, увидел, что в разделе литературы для младших классов стоит книга Ивана Бунина «Темные аллеи». И искренне порадовался за учащихся начального звена современной русской школы.

Нам-то приходилось познавать лунную сторону жизни с засаленных страниц «Декамерона» или «Золотого осла». А для них – роскошное издание, цветные иллюстрации, крупный шрифт – читай и радуйся! Эрос уже пришел к тебе, а Танатос еще далеко!

***

На буржуйской даче на привилегированном участке залива не было даже с кем по-настоящему выпить. Приходилось бражничать с ягупопом Кешей.

Он всегда дружелюбно махал лапой, когда видел, что ты с рюмкой направляешься к его клетке. Его кормили специальным кормом «для крупных попугаев». Но ты вытаскивал из своих мюслей сушеные бананы, разламывал их на маленькие кусочки и угощал ими разговорчивого ягупопа.

«Дай, Бог вам здоровычка, командир!», – говорил Кеша, когда ты чокался с ним.

***

По телеканалу «Культура» поразила передача из цикла «Сокровища Юнеско» про университет Каракаса.

В конце 40-х годов прошлого века в Венесуэле нашли нефть, страна стала богатеть. Военный диктатор страны Мануэль Химинес поручил известному архитектору Карлосу Раулю Вильянуэва спроектировать и построить университетский комплекс, чтобы «он сочетал единство интеллигенции и народа».

К. Вильянуэва привлек для оформления своих идей Фернана Леже, Александра Кольбера и других парижских друзей и знакомых. В результате в Венесуэле возникло архитектурное чудо XX века – университет Каракаса, в планировке и строительстве которого сочетались природные мотивы, модернистское искусство, сверхсовременные архитектурные идеи и новейшие строительные технологии. И даже сейчас, спустя почти 50 лет после завершения строительства, университетский комплекс Каракаса смотрится современно и гармонично.

Вот вам и пресловутые латиноамериканские диктаторы! Куда до них нашим полковникам с Лубянки, набивающим свои тайные счета в заграничных банках деньгами от продажи русской нефти и болтающим об управляемой демократии!

***

Сто лет назад Саша Черный, издеваясь над тогдашней интеллигенцией, так описывал отъезд на юг петербургского жителя:

*Злобно содрogaюсь в спазме эстетизма
И иду к корзинке складывать багаж:
Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма,
Желтые ботинки, Брюсов и бандаж.*

У него есть стихотворение 1909 года о том, как хорошо было бы проснуться через сто лет, и посмотреть, какая новая жизнь наступила на Руси.

И случись такое чудо, что бы он увидел через сто лет, очутившись в нашей распрекрасной РосФедеи? Ту же «Третью Думу», являвшуюся у него символом политического тупомыслия, но только теперь превратившуюся в символ обналиченной организованной преступности, ту же рыхлую интеллигенцию, ищущую «национальную идею», тот же разгул полицейщины – «интендантский грабеж, реформобязнь и Думбадзе», те же жалкие потуги отечественной литературы на злободневность...

Но нынешний интеллигент, собираясь летом на юг, к морю, уже не положит в сумку томик стихов Геннадия Айги или Виктора Сосноры – этих Бальмонта и Брюсова наших дней, – в лучшем случае возьмет с собой книжку Б. Акунина или Марининой, а чаще – газетку типа «Из рук в руки». Мы не топчемся на месте, не бегаем по кругу, мы – деградируем!

«Вы будете долго и дико смеяться», – писал тот же Саша Черный. И мы следуем его совету! Вот уже очумевшего от своих смефуечков Петросяна и страдающего эдиповым комплексом антиамериканизма Задорнова теснят новые рысистые смехачи – Ваня Ургант и Гаррик Мартиросян.

***

Ты потому и пишешь – РосФедея, что это какая-то другая страна, не Россия, не РФ, но совершенно другое государственно-общественное образование, возникшее на исторической территории твоей Родины.

Эту другую страну – РосФедею – ежеминутно показывают по всем телевизионным каналам – она продает нефть, подсчитывает барыши в банках, заседает (вернее, пародирует заседания) в Кремле и в Думе, выступает на эстраде и в печатности. Главные новости для обитателей этой страны – курс доллара и евро, цена барреля нефти и величина индекса Доу-Джонса.

А настоящая Россия – это те люди, с которыми ты едешь в поезде или в маршрутке, покупаешь продукты в супермаркете или билеты на стадион, пьешь водку, обмениваешься книгами и дисками с любимыми кинофильмами.

***

По телевидению идет фильм «20 сигарет» режиссера Александра Горковского. Современный фильм со всеми атрибутами жизни глянцевого планктона: креативные директора, рекламщики, длинноногие модели, дизайнерские интерьеры, навороченные авто, неожиданные ракурсы нашего азиатского мегаполиса etc.

В фильме много интересных формальных находок, вроде той, как на пачке сигарет главного героя сперва напечатано «20», а затем, по мере развития сюжета, появляются другие цифры – «14», «10» и т.д., или как его мысли трансформируются в рекламные ролики.

Но: главная драматургическая идея построена на конфликте, который может тронуть только замученную офисным рабством менажерскую душу – герой сперва отшивает богатую заказчицу-самодура, а потом под угрозой своего увольнения и – о, ужас! экзистенция отдыхает! – понижения уровня своего материального существования, ищет варианты достижения с ней консенсуса.

Чем разрешился этот квазиконфликт, должен признаться, не досмотрел: стало ужасно скучно.

Невозможно вообразить, чтобы героев классической русской литературы или кинематографа советского периода волновали бы подобные проблемы. Нет, конечно, они им тоже были небезразличны, но в традиционной русской культуре непреложным постулатом было, что честь и достоинство – самое главное, что есть у человека, за них можно положить свою жизнь, а потеря работы – всего лишь эпизод дальнейшего восхождения или падения героя. Князь Нехлюдов, терзаемый угрызениями совести, бросил свою среду, пошел вслед за Масловой К. на каторгу, а герой глянцевого фильма боится потерять место гламурного клипмейкера и расположение некоего Матвея Семеновича.

Образованцы демонстрируют городу и миру полную девальвацию личностных и моральных ценностей собственного круга!

Уважаемый Хасан Миседович!

*Поздравляю Вас и Ваш коллектив
с Днем российской печати!*

*Всем вам, создатели журнала,
Желаю мира и добра,
И тиражей вам небывалых,
А также острого пера!*

*Желаю качества издания,
Благоволения мироздания,
Хороших спонсоров и грантов,
Наград, признания, аксельбантов!*

*И чтобы всех реформ метели
Вас не сорвали бы с земли,
И чтоб в карманах шелестели
Евро, доллары и рубли!*

*С уважением,
заместитель Председателя
Парламента КБР*

Татьяна Саенко

Евгений ЛИСТОПАДОВ

ПРЕДНОВОГОДНЯЕ ЧЛОВОЧЕШЧЯ

Почти по А. С. Пушкину

Сосед у меня... лет ему... возраст Деда Мороза, одним словом. Не у дел. Отработал свое. Дурака валяет. А что делать пенсионеру на пятом этаже, в «хрущевке», в двухкомнатной квартире вдвоем со старухой? Иногда внук забегает, лет десяти. Дети заглядывают, когда им с бабкой пенсию, случись, получать. И вот какую историю он мне поведал, что с ним приключилась незадолго до Нового года...

Он рыболов заядлый. Всю весну, лето и осень – на озере, что в городском парке, где Зеленый театр и ресторан «Эльбрус», выше на бугре. Место там тихое. В уголке под раскидистыми ивами их, дедов, целая рыболовная бригада. Когда клев, все сосредоточены и молчаливы, нет клева – собираются в кружок и судачат. О прошлой жизни, настоящей, о будущем. Достается всем. Особенно нынешнему положению, состоянию, настроению, устройству и т. д.

Дед без улова не возвращается. Если не рыбу, то с десяток пустых бутылок по окрестным кустам налавливает.

Кончился сезон, и дед лежит себе целыми днями на диване. Старые газеты перечитывает – новые разве купишь, поругивается или с бабкой, или с телевизором. Сходит изредка, куда бабка пошлет, и снова на диван. В общем, неприкаянность, лень да скука.

А тут на днях она ему и говорит:

– Новый год скоро. Рождество опять же. Шел бы ты, старый хрыч, на рыбалку – ухи хочу!

– Да ты чего, спятила? Какая рыбалка? Зима на дворе! – возмущается дед.

– Какая зима! – тормозит его старуха. – Дождичек моросит, собирай свои причиндалы и шагай давай, поклевка будет хорошая.

Поворчал, поворчал старик, да делать нечего. Старухе перечить – себе в убыток. Собрался и потопал через парк на свое излюбленное место. Погода и впрямь хороша! А дальше – больше. Туман рассеялся, дождик прекратился, солнышко из-за Кизиловки вынырнуло, заиграло веселыми бликами по озеру.

Дед в одиночестве сидит себе на бережку, уставившись на поплавок, и мечтает. Он же из породы великих мечтателей, из той самой, что мечтали построить социализм, затем развитой социализм, и чуть было не шагнули

в светлое будущее – коммунизм! А тут – нате вам! И он, лишенный очарования и мечты о всеобщем благоденствии, счастья, братстве и равенстве, размышлял о совершенно сказочном и уж совсем несбыточном.

– Вот, – думает, – поймаю я Золотую Рыбку. Тут-то старухе своей я всяких благ потребую. Детей и внуков, небось, не обделю. Перво-наперво, конечно, стиралку попрошу новую, заморскую, чтобы и стирала и гладила. Наша «Нальчик» – с 1960 года. На заводе «СКЭП» изготовлена. Бабка жалуется, что она не стирает, а глотает безвозвратно. А холодильник «ЗИЛ»! Он хоть и моложе меня лет на десять, но чтоб ему пусто было! Вот-вот сдохнет! У него температура днями до сорока поднимается. Телевизор «Рекорд»! У-у-у! Стыдодуха! Такое рассказывает и показывает! Замену на японский, с параболическо-космической антенной. И чтобы ловил то, что на далеких планетах происходит. Конечно, нашенское прошлое – далекое и недавнее. А что каждодневно вещают – заблокирую! По всей территории России и СНГ.

Газовую плиту на скатерть-самобранку замену. Туалет, ванну... Да что там ванну! Баню турецкую! А то – термы! Как в Древнем Риме.

Старуха вконец обносилась. В старой шубейке на базар ходит. Я ей – шубу редкого зверя! Шапку-чернобурку! Сапоги на застежках из чистого золота!

Сыну и невестке – машину. «Мерседес»! Но с оговоркой: на красный свет светофора – стоять.

Внуку чего? Да чего захочет. Без ограничений. Музыка, компьютеры, роботов всяких – сколько пожелает.

– Эй, эй, ей-ей! Клюет же! Тащи, старый! Сорвется же! Батюшки! Что же это я? – старик держал в руках небольшую, но и не малую, не золотую, но и не простую – невиданную – с ладошку – рыбешку.

Он от удивления такое загнул, что она рот раскрыла да и заговорила человеческим голосом:

– Ты чего это, старче? Правила лова нарушаешь? По моим габаритам, весу, породе – отпустить должен.

Дед пуще прежнего удивился и с испугу чуть было не уронил ее в воду. Да вовремя свою старуху вспомнил. И в две ладошки, как в корыто, – хватать!

– Пушкина знаешь? – спрашивает.

– А как же! Полное собрание сочинений! Да и местных поэтов – всех наизусть. Хочешь, почитаю?

– Да ни в коем разе! – пуще прежнего напужался старик. – Исполни три желания и гребь себе на все четыре стороны.

А она ему про Красную книгу, про редкую исчезающую породу рыб – отпусти, мол, старче! А то хуже будет. Со мной породе исчезнет.

Но старик на своем стоит – старуха со света сживет!

– Исполнишь три желания – отпущу! А нет – в уху!

– Ну ты оборзел, дед! Да какие такие три желания?! – возмущается рыба. – Сказки все это.

Но старик на своем стоит.

– Ладно, – соглашается она. – Чего тебе, старче? А то мне пора – жабры подсыхают.

Дед на секунду-две задумался-призадумался и молвит:

– Дубинушку мне. Небольшую. Между той, что Емеля из сказки «По щучьему велению» пользовался и Илья Муромец на ворогов помахивал. И чтобы она сама правых от неправых отличала и сообразно их деяниям наказывала.

Получай! – говорит ему рыбка и кидает ему в сумку полуметровую сучковатую, отполированную толстую, мореного дуба дубинушку. – Чего еще? – торопит.

– Давай это... Знать все наперед хочу. Когда какая лотерея выиграет. Все эти операции-махинации с движимым и недвижимым имуществом и ваучерами... А также, что в банках, с рублями и валютой... Игры, что по телевизору показывают... Отгадывать хочу.

– Ладно! – соглашается. – Отпускай! Засыпаю.

– Плыви, милая, плыви!

Старик осторожно отпускает в озеро чудо-рыбу.

– Рыбки бы к новогоднему столу, а то без улова неловко как-то возвращаться. Бабка же ворчать будет, – вслед ей, махнувшей ему хвостом, бормочет старик.

Еще не веря в свершившееся чудо, дед взвесил на руках дубинушку. Ого! Годится. Заглянул в сумку – а там деликатесы! Живая, свежемороженая, балыки копченые, икра в банках, дары морей и океанов в склянках, в пакетах вяленая, сушеная и т. д. Подхватил – и бегом домой, удивить и обрадовать старуху свою. Торопится, а по дороге домой планирует: «Дубинушку pošлю в милицию, в налоговую полицию, в прокуратуру, городскую администрацию, в министерства и ведомства. По универсамам, по ларькам и другим торговым местам пусть проскочит. Правых, праведных, честных, добросовестных – не тронь! А другим – спины и бока пусть пощекочет. Всыплет. Кому слегка, другого – до бесчувствия, а иных – до покаяния. А этих новых русских, кавказских... По миру пущу. Где взял, у кого, сколько? Верни обратно. А этих, что по телевизору дурят... Ну, вы у меня доиграетесь! «Юнистрой» – квартира в Москве? Автомобиль каждую субботу... Что, где, когда? Все знаю, на все вопросы отвечаю сходу!

А как у себя порядок восстановлю, дубинушку в Думу запущу. Ах вы, паскудники, пакостники, болтуны! Вот я вас! Уму-разуму научу! А потом куда? О! О! О! Дел неупроорот. Не обломилась бы дубинушка!

Разыгралось воображение у старика. Раскипятился, распалился, размечтался! Аж в боку закололо. Дыхание сперло – от радости и предстоящего действия во имя справедливости, порядка и всеобщего блага.

– Ну ты, дед, и спишь!

Старик ошалело лупает глазами на внука.

– Ты мне что-либо к Новому году дарить будешь?

– Компьютер... «Мерседес» отцу твоему... Баксы матери... Шубку бабке... – лопочет спросонья старик.

– Ну ты даешь! Что, пенсию за сто лет вперед получил?

– Да нет, за сентябрь, за октябрь. К Новому году обещают, – щупая руками лысину, словно съехавшую набекрень крышу, еще не до конца проснувшись и не желая расставаться с грезами и виртуальностью, вяло и тягуче выдавливая каждое слово, бубнит старик.

– Тебе чего приснилось, дед? – спрашивает внук.

– Чего приснилось... – повторяет механически старик. – Сказка приснилась, хорошая добрая старая сказка. Но, понимаешь ли, внук, не вовремя ты меня разбудил. Не досмотрел я до конца.

– Год кончается, дед. Через минуту кремлевские куранты будут последние двенадцать секунд отбивать. С наступающим Новым годом, дедуля!

– С наступившим Новым годом! – произносит старик в кругу своей семьи, держа в руках бокал с шампанским. – С новым счастьем! Всем людям добра, здоровья да всякого благополучия!

...Когда он мне все это рассказал, я его и спрашиваю:

– До Нового года еще несколько дней, а ты его уже вроде бы встретил. Это как же так? Тебе что, все это во сне...

– Дак ты веришь или не веришь в приметы и сны? – хитровато, с улыбочкой спрашивает сосед. – А раз веришь, так я тебе вот что скажу. Я недавно вздремнул и слышу – вроде ты меня зовешь: «Заходи, мол, сосед, у меня и закуска отменная, и бутылка доброго вина припасена. Старый год будем провожать». Я и пришел. Угощай, как обещал...

Засиделись допоздна. Проводили старый год. С наступающим Новым годом поздравили друг друга, с Рождеством Христовым. На всякий случай. Увидимся ли? Мало ли чего приснится.

Геннадий КОММODOV

❗ на снегу есть жизнь

Говорят: жизнь насекомых зимой замирает. Это неверно!

Как-то зимним ясным днем я гулял в парке. Солнышко заметно пригревало. Вчерашний снег уже осел, уплотнился, сверху появилась твердая корочка – наст. Я остановился около елочки. И вдруг увидел необычное: с ветки на паутинке быстро-быстро прямо на снег опускается маленький паучок. А на снегу перелетают, перепрыгивают мошки, с черненькими головками, розовыми тельцами. Вот за ними-то и решил поохотиться паучок. Он действительно схватил одну из них, моментально окутал паутинкой и вроде бы успокоился. Приглядевшись, я увидел, что хищник не просто сидит спокойно. Он тербит ножками свою жертву, присосался к ней.

Рядом с ёлкой стояла липа. На солнечной стороне, внизу, из трещинок в коре выползли две тушки, несколько древесных клопов и божьих коровок. Они решили погреться, позагорать на солнышке.

Теперь я вспомнил, что среди насекомых есть «зимние» виды. Например, комарик-долгоножка. Он меньше размером, у него нет крыльев, передвигается по снегу маленькими прыжками, поэтому называется – дергун.

Есть грибные комарики. Они находят под снегом старые грибы, питаются плесенью, микроскопическими грибами и чувствуют себя отлично зимой.

Иногда из-под снега виднеется вершина кочки. Присмотритесь: там живут, бегают и прыгают леднички. Они похожи на маленьких кузнечиков, едят мхи и лишайники.

На снегу во время оттепелей можно увидеть черных личинок жука-мякотела. Они зимуют под опавшими листьями. Но влага подтаявшего снега заставляет их выползать на снег, чтобы не захлебнуться. Их так и называют «снежные» черви.

Жители верховьев наших ущелий и альпинисты рассказывают совсем необыкновенное. Оказывается, на ледниках Главного Кавказского хребта иногда встречаются небольшие колонии «снегурочек». Балкарцы их называют «кьаркызчик». Они совершенно прозрачны, увидеть их на льду почти невозможно, только когда они двигаются. Если такую «снегурочку» положить на ладонь, она сразу же начинает таять и превращается в капельку воды. Но вода необыкновенна. Это настоящий антифриз. Тельце и кровь «снегурочки» содержат глицерин и различные соли. Они понижают температуру и не допускают нагревания.

Питаются они микроскопическими водорослями, грибами и бактериями, которые живут на солнечной стороне ледников. Снежные червяки совершенно не боятся минусовой температуры, наоборот, они не переносят тепла.

Вот и получается: некоторые насекомые отлично чувствуют себя именно зимой.

Татьяна ПОДЫМАН

***

И осень полностью вошла –
Сонетом звуки!
Звучат во мне колокола,
Немеют руки...

Зеленый цвет, как малахит,
Янтарь вкраплением...
И осень нервно входит в быт,
Как вдохновенье...

И пальцев трепетная дрожь –
Иные песни.
Ты мысли дерзкие не трожь!
Пусть будут вместе

А дождь который день подряд
Стучит по крыше.
Меня пронизывает взгляд –
Тебя я слышу,

Судьба моя с твоей судьбой:
В глазах признание,
Чтоб я была всегда с тобой.
Очарованье

Как осень, чувствую сполна
Улыбки сказку.
Вдруг чувств бегущая волна –
Любовь, как встряска!

Твоих волнующих ресниц
Напомнит осень.
Она мельканьем разных лиц
Сомненья вносит.

И в небо тот летит поток,
Как осень в цвете.
Листвы волнующий листок
Грустит о лете...

***

Никогда ничего начинать не поздно:
С неба звезды ловить, золотые звезды,
И без страха идти с тобой по канату,
Знать – полоска озимых в душе не сжата...

Захлебнуться от счастья – и в небо песней!
Быть ранимой до боли, но не бессловесной!
Звуки новые жизнь до меня доносит:
Пусть свирелью поет золотая осень,

А январь на порог – чистотой холодной...
Вновь весна: и кругом зажурчали воды.
Нити нашей души, как воды потоки,
Чтобы мы не казались себе одиноки.

Летних гроз чтоб услышать смогла раскаты,
Облака на ладонь опустили ватой.
Родниковой водой утолить бы жажду.
Шанс судьба нам подарит всего однажды!

***

Чем питаю свою наивность?
Легковесностью голубой.
А ранимой души невинность, —
Будто исповедь пред собой.

Как ловлю отчужденья звуки
И дыханье миров иных, —
Так, к тебе протянувши руки,
Я сама превращаюсь в стих.

И, над бездной птицей взлетая,
Я живительный воздух пью,
Где-то там, за далеким краем,
Становлюсь подобна ручью.

В миражах пустынь растворилась,
Ожиданья моля высот,
А наивность моя, как милость,
Мне спасение принесет.

***

Час счастливый иль роковой?
Листьев медь плывет над водой.
Вдох последний иль первый вздох?
Жизнь — похожая на подвох...

Осень в красках навеет грусть,
Только в прошлое не вернусь.
Горечь, боль, аромат побед!
Осень стелет свой пестрый плед...

Роковая стезя прошла.
Разве горечам нет числа?
Пусть разлука оставит след,
Лишь любовь нас спасет от бед!

ГУБЖОКОВ ЛИУАН МУХАМЕДОВИЧ

Проникая в суть вещей и явлений, Лиуан Губжоков неизменно остается при этом верен жизненной правде. У него удивительная способность лаконично, несколькими штрихами создавать целую поэтическую картину, мягко, ненавязчиво, образно и зримо говорить о непреходящих ценностях. В центре внимания поэта – его современник с суровой и завидной судьбой, рожденный для жизни, заполненной ежедневным трудом, неустанной работой души и разума.

Губжоков внес свой вклад в развитие песенной культуры республики. Визитной карточкой поэта в этой области можно считать широко известную песню «Кто ты: Мадина или Марина?» Песни на его стихи звучат не только в КБР, но и в Абхазии, Адыгее, Карачаево-Черкесии.

Лиуан Мухамедович Губжоков родился 23.11. 1937 г., в сел. Жемтала Советского р-на КБР, умер – 03.09. 1988 г., в Нальчике, – кабардинский поэт, прозаик. В 1954 г. окончил Жемталинскую школу, в 1959 г. – историко-филологический факультет КБГУ. Работал корректором типографии им. Революции 1905 г. (1959–1960), методистом Республиканской научной библиотеки им. Н. К. Крупской (1960–1970), директором Бюро пропаганды художественной литературы при СП КБАССР, заведующим отделом критики журнала «Юашхъэмахуэ» (1977–1988). Член Союза журналистов (1963), Союза писателей СССР (1969), КПСС (1981). За заслуги в развитии литературы и искусства ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБАССР» (1988). Он – лауреат литературной премии им. дважды Героя Социалистического Труда Ф. А. Желюка (Винницкая обл., 1984).

Начало творчества Лиуана Мухамедовича относится ко второй половине 50-х гг., когда на страницах республиканских газет и журнала «Юашхъэмахуэ» стали появляться его первые публикации. Большую роль в совершенствовании писательского мастерства сыграла учеба на литературных курсах СП СССР в Москве (1971–1973). Первый его сборник стихов и песен «Шэрэдж толькьунхэр» (Волна Черека) вышел в 1961 г. Главную тему этого сборника поэт определил в цикле «Гуашцэдэжым сыхуосэ» (Славно труд). Источником вдохновения поэта является созидательный труд, героизм тружеников колхозного села. Главные герои этих стихов – молодые люди, трудолюбивые, честные, отдающие все свои силы и знания родной стране. О них же и цикл «Къэзахъстан щыщI» (На целинных землях Казахстана). Тема целины занимает особое место в творчестве Губжокова. В 1956–1958 гг., будучи студентом университета, он принимал участие в освоении целинных и залежных земель Казахстана,

за что был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и дважды – медалью Президиума ВС СССР «За освоение целинных и залежных земель» (1957, 1958). Цикл стихов «Къэзахъстан щЫщЭхэм» именно о той поре. Много лет спустя, Губжоков вновь побывал в местах, где работал в составе стройотрядов. Результатом поездки стала поэма, посвященная 25-летию освоения целины. «ЩЫщЭ пшынальэ» (Сказание о земле целинной, 1981), куда органично вошли ранее написанные стихи поэта, посвященные подвигу целинников. О чем бы ни писал поэт, будь то первые трудности: («Новоселы»), о верности («Пишешь ты, что тебе целина уже снится»), о будущих городах (ст. «Учитель»), о тополе с родной земли («Тополь»), – Губжоков всегда находит верные поэтические детали и образы. Самостоятельность мышления, стремление сказать о родной земле что-то новое, еще не сказанное другими, отличают его стихи.

Поэзии Лиуана Губжокова присущи высокая гражданственность, точный социальный адрес, задушевность, живая связь с современностью. Он создает поэтическую биографию целого поколения людей, рожденных, говоря словами самого поэта, в годы второй пятилетки, опаленных пожаром Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., на долю которых выпало тяжелое бремя ее разрушений.

Большой вклад он внес и в развитие детской литературы.

С первых же творческих шагов Хамиша Шехихачев очертил круг проблем, исследованию которых посвятил все свои крупные произведения. Детство и творчество его совпали с военной и послевоенной действительностью, и тяготы ее не могли не запечатлеться в его душе. Возможно, именно в тот период возник тот пристальный, глубокий интерес к простым людям, которые оказались способны мужественно и самоотверженно противостоять послевоенным невзгодам. Такая юношеская влюбленность в своих героев обнаруживается в ранних произведениях писателя: «С добрым утром, Терек!» и романе «Терек-свидетель». Такими же, но более сдержанными чувствами, проникнуты повесть «Золота дороже» и роман «Все остается в памяти». В этих произведениях писатель воссоздает целую галерею людей военной и послевоенной поры, в которых с большим мастерством воплотил наиболее яркие и типичные черты своего народа. Герой его произведений – простой человек, который благодаря труду самоутверждается, находит цель и место в жизни. Каждый из героев – живой характер со своей индивидуальной судьбой, достоинствами и недостатками.

Хамиша Труевич Шекихачев родился 18.03. 1932 г. в сел. Урожайное Терского р-на КБР, умер 23.07. 1999 г. в Нальчике, – кабардинский прозаик, драматург. После окончания местной средней школы в 1951 г. работал в колхозе, затем был призван на службу в ряды Советской Армии. По завершении службы работал зав. отделом Урожайненского РК ВЛКСМ. С 1956-го по 1958 г. – учитель физкультуры в школе, в следующем году – зам. редактора райгазеты «Во славу Родины». Окончил Высшую партийную школу в Ростове (1959–1961). С 1961-го по 1962 г. – зав. отделом газеты «Советская молодежь», с 1962-го – редактор райгазеты «Заря коммунизма»; в последующем году – редактор другой газеты – «Красное знамя». С 1966-го по 1977 г. – был директором полиграфкомбината; следующие 3 года занимал должность зав. отделом газеты «Ленин гъуэгу». С 1980-го по 1992 г. – редактор книжного издательства «Эльбрус». Награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», дипломами и грамотами. Ему присвоено почетное звание «Народный писатель КБР» (1991).

Литературная деятельность Хамиши Труевича началась в 1958 г., когда он стал работать в райгазетах. В них публиковались его очерки о трудовых буднях тружеников районов, короткие рассказы. С 1962 г. он печатается в журнале «Юащхэмахуэ», на страницах которого были опубликованы два десятка юмористических и сатирических рассказов.

Долгая работа в прессе, тесный контакт с людьми много дали молодому писателю, позволили пристально исследовать самую сердцевину жизни. Такой сложный путь восхождения от азов журналистики к литературному Олимпу оказался типичным для многих кабардинских писателей старшего поколения.

Романы и повести Шекихачева явились значительным вкладом в кабардинскую прозу. Свое многогранное дарование он проявил в другом жанре национальной прозы – сатире и юморе. Его сатирические и юмористические рассказы, несомненно, подняли его творчество на более высокую ступень развития. Объектом критики и осмеяния писателя является действительность, которая доставляет рассказчику богатейший фактический материал.

После первого сборника прозы в 1975 г. Хамиша Труевич берется за трудный жанр – драматургию, в которой добивается значительных успехов. Круг проблем его драматических произведений довольно широк: война, послевоенная действительность, труд, морально-этические устои современности. Он правдиво воссоздает конкретные периоды истории кабардинского народа, смело, едко обнажает пороки и недостатки своих соплеменников («Опомнись, Зуза»; «Дорога в ад»; «Наши грехи»; «Тайна сердца»; «Дорогу осилит идущий»; «Кто виноват?»). Поставленные по этим его пьесам спектакли были тепло приняты зрителями и имели заслуженный успех.

Он также автор многих стихов. Около 80-ти из них переложены на музыку и стали популярны.

К 75-летию
Хамида Кармокова

Начало литературной деятельности Хамида Гузеровича относится к 1956 г. Первая книга – «Сказки для детей» – вышла в 1963 г. Многочисленные литературно-критические, литературоведческие, публицистические статьи, а также очерки, зарисовки, рассказы были напечатаны на страницах республиканских газет. Он автор сборников рассказов и новелл. Из-под его пера вышли сборники литературно-критических статей. Немало сделано им в изучении и пропаганде устного народного творчества: ему принадлежат такие основательные статьи, как «Особенности кабардинского эпоса», «Корни фольклора» и др.

Кармоков Хамид Гузерович родился 14.03.1937 года в сел. Заюково Баксанского р-на КБР, – писатель, литературовед, литературный критик, переводчик. После окончания нальчикской средней школы в 1955 г. поступил на историко-филологический факультет КБГУ и окончил его в 1960 г. Два года работал учителем кабардинского языка и литературы в Заюковской семилетней школе (1960–1961). Окончил аспирантуру при кафедре кабардинского языка и литературы КБГУ (1964). С 1967 г. работает в системе министерства печати: литературным работником газеты «Ленин гъуэгугу» (1967), редактором отдела критики журнала «Гуашхъэмахуэ» (1967–1972), его главным редактором (1972–1977), директором книжного издательства «Эльбрус» (1977–1989). С октября 1989 г. – ведущий редактор, зав. редакцией кабардинской литературы издательства «Эльбрус», в данное время – редактор отдела в газете «Адыгэ псалъэ».

Кармоков – член Союза журналистов СССР (1965), Союза писателей СССР (1986). Дважды награжден медалью Президиума Верховного Совета СССР «За освоение целинных и залежных земель» (1957, 1958). За вклад в развитие издательского дела в республике награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР (1987) и знаком «Отличник печати» (1987). За заслуги в области культуры ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры КБР» (1997).

Значительную часть публикаций Хамида Кармокова составляют статьи, в которых поднимаются проблемы возрождения национальной культуры, обычаев и традиций, изучения и преподавания кабардинского языка. Особого внимания заслуживает переводческая деятельность Кармокова. Им переведены на кабардинский язык произведения адыгских просветителей XIX в.: Хан-Гирея «Наезд Кунчука», Казы-Гирея «Долина Ажитугай», Каламбия – «Абрек» и др. рассказы; черкесских, адыгейских и др. авторов: Т. Керашева (романы «Одинокий всадник», «Куко»), повесть «Дочь шапсугов», новеллы и рассказы «Гучипс», «Испытание мужества» и др.), Ж. Ашинова (рассказ «Песни молота»), Дм. Костанова (рассказ «Строгий мужчина»), М. Понежука (рассказ «Лжец»), Б. Ачмиза (рассказ «Мост»), Л. Кошубаева (рассказы «Подарок», «Огонь очага»), А. Гадагатля (путевые записки «У турецких черкесов»), Б. Шинкубы (роман «Последний из ушедших»); русских и зарубежных авторов: «Записки охотника» И. Тургенева, «Старуха Изергиль» М.

Горького, «Поднятая целина» М. Шолохова, из «Книги воспоминаний» М. Киреева, «Сказки» братьев Гримм и др. Кармоков показал себя превосходным мастером, который при любых сложностях оригинала дает практически адекватный перевод, укладывая его в рамки стилистики и лексики кабардинского языка.

К 70-летию Абдулхарима Сонова

Стихи А. К. Сонов начал писать еще в 60-х гг. Первый сборник стихов «Дзапэ уэрэд» (Любимый напев) вышел в 1975 г. Это сборник лирических стихов о родном крае, красоте родных сельских просторов, о любви к женщине. На многие стихи из этого сборника написана музыка, песни стали популярны («Нальчикский парк», комп. Б. Кабардоков; «Свадебная песня», комп. В. Молов; «Шагди», комп. Ф. Кяров; «Да будет день», посвящена трагедии адыгов, комп. Д. Согов). Некоторые из стихов посвящены фольклорным героям.

Сонов Абдулхарим Кадырович родился 28.02. 1942 года в сел. Верхний Куркужин Баксанского р-на КБР, – кабардинский писатель. После окончания средней школы с 1961-го по 1964 г. работал на Нальчикском станкостроительном заводе токарем. С 1965-го по 1970 г. учился в КБГУ на историко-филологическом факультете. С 1970-го по 1972 г. – социолог на заводе «Севкавэлектроприбор». 1972–1985 гг. – редактор Управления по охране государственных тайн в печати Кабардино-Балкарского издательства при обкоме КПСС КБАССР. В мае 1985-го перевелся в книжное издательство «Эльбрус» редактором по учебной редакции, затем – главный редактор кабардинской редакции книжного издательства «Эльбрус», в настоящее время – редактор отдела в журнале «Нур».

Член Союза журналистов СССР (1975), член Союза писателей РФ (1991). В 1998 г. Абдулхарим Кадырович удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры КБР».

Необычной стороной своего творчества Сонов открывается в своей книге: «Къуалэбзу джэгуакъуахэр» (Ансамбль пернатых. 1998). Это сатирическая, аллегорическая поэма-сказка. Сюжет поэмы незатейлив: звери – слон, лев, кабан, вол, лиса, медведь, барсук, обезьяна – приглашают в гости ансамбль певчих птиц – послушать их выступление. Руководит ансамблем горный орел. Птицы не столько приглашены, сколько уполномочены выполнять как бы эстетическую, просветительско-воспитательную миссию, с которой и прибыли к зверям.

Поэма – о вкусах людей, и особенно о вкусах власть имущих, о соотношении этического и эстетического в обществе, где вкусами управляет политическая элита.

Перу Сонова принадлежит немало литературно-критических статей.

Он – известный очеркист. Герои его очерков – учителя и инженеры, руководители предприятий и бригадиры, рабочие заводов и механизаторы колхозов.

*К 65-летию
Юрия Тхагазитова*

Родился 09.04. 1947 г. в сел. Дейское Терское р-на КБР, – кабардинский литературовед, критик. После окончания школы поступил в 1969 г. на историко-филологический факультет КБГУ, который закончил в 1974 г. С 1974-го по 1975 гг. работал в газете «Советская молодежь» корреспондентом, с 1977 г. – в КБГУ преподавателем кафедры зарубежной литературы.

В 1980 г. поступил в аспирантуру при институте мировой литературы им. Горького. В мае 1984 г. защитил диссертацию. В 1984 г. – старший научным сотрудник КБНИИ на должности ученого секретаря института. В 1999 г. защитил диссертацию доктора филологических наук. С февраля 1997 по 2004 г. – министр культуры КБР, с 2004 по 2007 г. – советник президента КБР. В настоящее время – ведущий сотрудник ЦЭП КБР РАН.

В начале своей деятельности Юрий Мухамедович планирует поэтапное исследование творческого наследия кабардинских писателей в контексте их влияния на национальное художественное сознание. Автор начинает с исследования творчества Жабаги Казаного, который воплотил живую трансформацию народного фольклора в зачаточные литературные формы («Цикл сказаний о Жабаги Казаного в контексте национально-художественного сознания», 1985).

В монографии «Адыгский роман» (1987), написанной на основе кандидатской диссертации, автор выстраивает своеобразную модель взаимосвязей между молодой адыгской литературой в романах собственного генезиса с общемировыми тенденциями других литератур, с одной стороны, и молодыми литературами СНГ – с другой. В монографии «Зы къуэпскIэ зэпхаш» (Связанные одним корнем, 1991) Тхагазитов на материалах помещенных в ней статей пытается установить связь традиций и выстраивает единый вектор развития адыгской литературы, начиная с ее зарождения и заканчивая сегодняшними литературными жанрами.

В начале-середине 80-х гг. он изучает специфику литературного процесса 20–30-х гг. XX столетия, результатом чего, в частности, явилась монография «Художественный мир Али Шогенцукова» (1993). Целью нового фундаментального труда «Духовно-культурные основы кабардинской литературы» (1994), по определению самого автора, явилось поэтапное выявление составных «динамической ценности» (по К. Султанову) историко-культурного процесса как основы развития кабардинской литературы, взятой во взаимосвязях с литературой адыгейской и черкесской.

В работе анализируются в разных аспектах три типа художественного сознания: миф – фольклор – литература.

Новая монография Юрия Тхагазитова «Эволюция художественного сознания адыгов» (1996) явилась итогом многолетней работы. Она непосредственно включает в себя материалы предыдущих работ. В книге прослеживаются пути формирования культуры адыгов, обобщается генезис литературного сознания, основой которого явилось адыгское просветительство XIX – начала XX вв.

К 65-летию Магомета Геккиева

По природе своего дарования Геккиев – лирик, мастер малой стихотворной формы. В краткой форме автор выражает емкую мысль, свое миро-восприятие, философско-нравственные аспекты жизни. Для его творчества характерно пантеистическое восприятие мира, природа предстает в нем одухотворенной в каждой своей частице.

Родился Магомет Батталович Геккиев 8 марта 1947 года в сел. Чемалган Алма-Атинской обл. Казахской ССР, – балкарский поэт, переводчик. В десятилетнем возрасте возвращается вместе со своим народом из депортации на историческую родину и продолжает учебу в средней школе г. Тырныауза. В 1970 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького в Москве и успешно его закончил. Член Союза писателей РФ с 1991 г. По рекомендации Кайсына Кулиева в газете «Коммунизмге жол» (1970, 17 апр.) впервые была опубликована подборка стихов молодого автора. В 1972 г. в антологию молодых поэтов «Березова Криница» на украинском языке вошло несколько его поэтических произведений.

Первый сборник стихов Магомета Геккиева «Тунгуч» (Первенец) вышел в свет в 1973 г., второй сборник «Чыкъен» (Арбалет) в 1988 г.

Лейтмотивом первого сборника «Тунгуч» (Первенец) является чувство обретения родины, слияние с ней, по-матерински мудрой, заботливой, доброй, дарующей чувство внутренней и внешней гармонии.

Название второго его сборника «Чыкъен» (Арбалет) исполнено емкого символического смысла. Как известно, арбалет – это оружие средневекового воина, стальной лук, укрепленный на деревянном станке. Этот символ выбрал в себя авторское героическое представление о горце – мужественном защитнике родины.

Магомет Батталович зарекомендовал себя также искусным переводчиком, переложившим на балкарский язык целый ряд драматических и поэтических произведений: «Тартюф» и «Плутни Скапена» Ж.-Б. Мольера, «Полоумный Журден» М. Булгакова, «Коджинские перепалки» К. Гольдони, «Ханума» А. Цигарели, «Даханаго» З. Аксирова, «Дорогу, Караман жену ведет» А. Гецадзе, поэму М. Лермонтова «Мцыри». В 1972 г., будучи студентом Литинститута, он преподавал балкарский язык и литературу актерам балкарской студии ГИТИСа (1972–1974). Оттуда, наверное, истоки его интереса к сценическому искусству и тесное сотрудничество с Балкарским государственным театром им. К. Кулиева. По мнению руководства театра и актеров, его переводы отличаются высоким художественным мастерством.

Али САФАР

ПАРИТ ПО ВОЗДУХУ ГЕРОЙ...

Мы продолжаем знакомить наших читателей с необычными явлениями в искусстве (в данном случае – литературе) новейшей истории нашей страны.

Последнее независимое и, думается, значительное объединение в советской литературе связано с именами Даниила Хармса (1905–1942) и Александра Введенского (1904–1941). Сами себя они называли *чинарями*. Их объединение было неформальным, основанным на общности творческих и мировоззренческих принципов, и не получило никакого официального организационного оформления. Вместе с поэтом Николаем Олейниковым (1898–1937) и двумя философами – Леонидом Липавским (1904–1941) и Яковом Друскиным (1902–1980) в конце 1927 года, в основном стараниями Хармса, стремившегося к объединению сил левого искусства, в Ленинграде было создано ОБЭРИУ (последний звук названия «Обэриу» «-у», по контрасту со ставшим часто употребительным «-изм», должен был подчеркивать комический элемент в творчестве членов группы) – Объединение реального искусства – группа, в которую вошли Александр Введенский, Даниил Хармс, Константин Вагинов, Николай Заболоцкий, Игорь Бахтерев, Юрий Владимиров, Дойвбер Левин (Борис Михайлович, 1904–1941) и еще несколько молодых литераторов. В группу также входили всемирно известные художники Казимир Малевич и Павел Филонов. Обэриуты возникли и находились под влиянием футуристов, в особенности Велимира Хлебникова, величайшего новатора современной словесности начала века. В своем стремлении наряду с политической революцией осуществить революцию в искусстве обэриуты декларировали отказ от традиционных форм искусства, необходимость обновления методов изображения действительности, культивировали гротеск, алогизм, поэтику абсурда. Их методом изображения действительности и воздействия на нее были отмена логики и общепринятого времяисчисления, необычное противопоставление отдельных частей произведений, которые сами по себе реалистичны. Они были призваны демонстрировать, что абсурд в какой-то мере передает бессвязность жизни и смерти в постоянно меняющемся пространстве и времени. В своих пьесах Хармс и Введенский почти отказываются от последовательности действия и идентичности персонажей; действие калейдоскопично и раздроблено, вплоть до отдельных реплик в диалогах. Характернейшей чертой идеологии чинарей можно назвать *взаимопроникновение смешного и страшного*.

Немаловажная деталь – почти все обэриуты писали для детей, зарабатывали на жизнь, если можно так выразиться, официально сотрудничая в детском журнале «Чиж» (позднее «Еж»), и их успехи на этом поприще, отмеченные К. Чуковским и С. Маршаком, можно объяснить тем, что незахламленное «взрослыми» знаниями (нужными и ненужными) детское сознание более непосредственно и без проблем воспринимает реальное положение вещей, не утомляя себя логическими доказательствами.

Прославившаяся своими экстравагантными выступлениями, группа просуществовала до 1931 года, когда после ожесточенной критики советской прессы публичные чтения и театрализованные представления пришлось прекратить. Чинари продолжали поддерживать творческие и личные связи до конца 30-х – начала 40-х годов, когда вместе с другими детскими писателями Ленинграда был расстрелян Олейников (в 1937 году), а затем после начала войны погибли арестованные Хармс и Введенский. От забвения своих друзей спас Яков Друскин, который в страшные дни ленинградской блокады вынес из разбомбленной квартиры Хармса архивы последнего.

Значительное число произведений обэриутов не сохранилось. (Ирония судьбы: так же в период бродяжничества по тропам Гражданской войны было утеряно большинство рукописей Хлебникова, которые тот носил в солдатском мешке.)

В 60-е годы стали появляться отдельные публикации, интерпретирующие творчество Хармса и Введенского, поступающие с Запада и самиздата, а уже в годы перестройки произведения обэриутов широко издавались в СССР, и заняли свое место в официальном литературоведении. В конце 80-х мне довелось побывать на премьере «Идите и остановите прогресс» (обэриуты) в постановке Юрия Любимова в Театре на Таганке.

Творчество чинарей-обэриутов вовсе не носило характера «игры в бессмыслицу», «в заумь», как считают недалекие, умственно ленивые сочинители. Их волновали глубокие экзистенциальные вопросы: отношение к непостижимости времени, к смерти, к возможности высказывания, к самому языку, его приспособленности (неприспособленности) для описания, объяснения мира. (В наиболее развернутой форме эти проблемы получили отражение в работах теолога и философа-экзистенциалиста Якова Семеновича Друскина.) В основе философии обэриутов лежит взгляд на мир, на жизнь, на человека как на воплощенное противоречие – отождествление в принципе нетождественных начал. Это не гегелевская борьба противоположностей, находящая выход в синтезе – банальном снятии противоречия. «Снятия» не существует, мы каждый раз имеем дело с тождеством нетождественного. Поэтому при столкновении с реальностью наше сознание либо рационализирует ее, «подгоняет» под логическое обоснование, либо же воспринимает как нечто абсурдное. Ограничены и сами возможности человеческого языка, устроенного логически, приспособленного к обслуживанию потребностей детерминистического (когда одно последовательно проистекает из другого) сознания. Но жизнь не есть простая логическая последовательность, она алогична; существующий

мир никогда не вмещается в формулы достоверного знания. Поэтому приблизиться к его постижению можно лишь отказавшись от привычного «я знаю» в пользу сократовской оговорки: «Я знаю, что я ничего не знаю». Друскин сформулировал это как принцип «сомнения и воздержания от окончательного суждения». Вот почему чинари в своих произведениях всегда близки к абсурду, к семантическому сдвигу.

Судьба всех участников группы была на редкость печальной: арестованы были почти все, одни расстреляны, другие погибли на фронте, третьи – в заключении. Первым покинул ряды обэриутов Юрий Владимиров, самый молодой из них (умер от туберкулеза в 1931 г., в возрасте 22 лет); Константин Вагинов (сын обрусевшего немца Константина Адольфовича Вагенгейма, подполковника жандармской службы) умер в Ленинграде 26 апреля 1934 г. – также от туберкулеза (вскоре после его смерти была арестована его мать, которая тоже сгинула в лагерях); Леонид Липавский и Дойвбер Левин погибли на фронте в первые месяцы войны на Ленинградском фронте; арестованный уже в Харькове полуживой от истощения и дизентерии Введенский в декабре 41-го был застрелен бегущим от немцев конвоем – на всякий случай – «вдруг выживет сволочь»; Хармс, арестованный в третий раз, умер от голода в тюремном госпитале для умалишенных. В живых остались Бахтерев, уцелевший ценой отказа от всяких попыток обнародовать что-либо непонятное, и Николай Заболоцкий – этого пытали до потери рассудка, но он не оговорил ни себя, ни других, кого требовалось, отсидел пять лет, был выпущен и, отказавшись от прежней поэтики, стал примерным заслуженным советским поэтом и переводчиком.

Николай Заболоцкий в ранний период своего творчества был близок к чинарям и вместе с Введенским и Хармсом оказался одним из организаторов ОБЭРИУ. Его роднило с ними гротескное изображение жизни, яркость, преувеличенность образов. Город в изображении раннего Заболоцкого выглядел как некий странный веселый и одновременно трагичный мир, наполненный разными предметами, где беседуют животные, деревья, поют насекомые, являются черепахи с какими-то латинскими сакраментальными сообщениями на панцире, и даже, если припомню, пропел о чем-то один минерал. Но если главное у Олейникова, скажем, – гуманистическая тема ужаса, страдания и гибели самого никчемного человеческого существа, то для Заболоцкого важен осудительный пафос. Зрелище социалистической стройки, ускоренная индустриализация и сопровождающий ее миф не могли не найти отклика у молодых поэтов. Отсюда волки, строящие социализм, или корова, желающая учиться.

*Волчьей жизни реформатор,
Я, хотя и некрасив,
Буду жить, как император,
Часть науки откусив.*

.....
*Я многих сам перекусал,
Когда роскошен был и молод.
Все это шутки прежних лет.*

*Горизонтальный мой хребет
С тех пор железным стал и твердым,
Желаю знать величину вселенной
И есть ли волки наверху!
А на земле я, точно пленный,
Жую овечью требуху.*

(Безумный волк)

.....
*И посреди большого зданья
Стояла стройная корова
В венце неполного сознания.
Богиня сыра, молока,
Главой касаясь потолка,
Стыдливо куталась в сорочку
И груди вкладывала в бочку.*

.....
*И опьяненная корова,
Сжимая руки на груди,
Стояла так, на все готова,
Дабы к сознанию идти.*

.....
*Так сквозь века, селенья и сады
Мерцают нам удобные плоды.
Нам непонятна эта красота –
Деревьев влажное дыханье.
Вон дровосеки, позабыв топор,
Стоят и смотря, тихи, молчаливы.
Кто знает, что подумали они,
Что вспомнили и что открыли,
Зачем, прижав к холодному стволу
Свое лицо, неудержимо плачут?*

(Торжество земледелия)

.....
*Лицо коня прекрасней и умней.
.....
И зная все, кому расскажет он
Свои чудесные виденья?*

*И если б человек увидел
Лицо волшебное коня,
Он вырвал бы язык бессильный свой
И отдал бы коню. Поистине достоин
Иметь язык волшебный конь!*

.....
*А на спине моей мужик,
Как страшный Бог,
Руками и ногами машет.*

(Цирк)

Конечно, в таком построении есть ирония, которую большевики (вполне объяснимо) приняли за издевку.

Похожее смешение позы, игры, иронии со страшным, серьезным, даже трагичным наблюдается в творчестве Николая Олейникова.

*В траве жуки проводят время в занимательной беседе.
Спешит кузнечик на своем велосипеде.*

Обычно его стихи воспринимаются как пародии в духе Козьмы Пруtkова.

В основном стихи Олейникова – забористо-эротические шутки, посвященные разным литсотрудницам и машинисткам.

*Так зачем же ты, несчастный,
В океан страстей попал,
Из-за Шурочки прекрасной
Быть собою перестал?!*

.....
*Если ты помотришь в сад,
Там почти на каждой ветке
Невеселые сидят,
Будто запертые в клетки,
Наши старые знакомые
Небольшие насекомые:
То есть пчелы, то есть мухи,
То есть те, кто в нашем ухе
Букву Ж изготовляли,
Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.*

*(Генриху Левину по поводу влюбления
его в Шурочку Любарскую)*

Значительных поэтических произведений у Олейникова, выпадающих из этого застольного жанра, сохранилось не больше десятка. И эти стихи сделались знаменитыми, можно сказать, культовыми. Например, «Жареный Карась» или «Таракан», центральной темой которых становится тема человеческого страдания в совершенно непривычном для прежней литературы виде. Традиционно поэзия занималась страданиями героя духовными. XIX век мало интересовался физическими муками, главный конфликт всегда созревал и разрешался в душе личности, обязательно яркой, выделенной. Олейников выдвигает на передний план совершенно другой персонаж – ничтожного человечка.

*Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.*

.....
*Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.*

.....
*У стола леклом хлопочет,
Инструменты протирая,
И под нос себе бормочет
Песню «Тройка удалая».*

.....

*Вот палач к нему подходит,
И, оцупав ему грудь,
Он под ребрами находит
То, что следует проткнуть.*

При том, что Алейников был член партии и даже избирался на Первый съезд советских писателей, говоря о таракане, Олейников имеет в виду себя, в отличие от Заболоцкого, наблюдающего за своими персонажами, как биолог за инфузориями под микроскопом, находясь на почтительном от них расстоянии. На одном из сайтов попала даже трактовка, говорящая о сходстве олейниковского таракана с Грегором Замза из «Метаморфозы» Кафки. Что поделаешь, человек, попал в колеса страшной бесчувственной машины, которая перемальвает его, уничтожает с холодным бесстрашием. Что противопоставить этому чудовищу? Только свою живую боль, только свое «ничтожное» (по сравнению с мировыми свершениями) страдание.

В первой половине XX века человек перестал считаться «подобием Божиим» – соответственно стерлось и представление о безусловной ценности личности. Ницшеанский сверхчеловек, на практике оказавшийся штурмовиком или чекистом, не желал считаться с «ничтожествами». Однако в мироздании всегда найдется точка отсчета, относительно которой тараканом, «ничтожеством» оказывается сам сверхчеловек.

*Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе.*

В мировой культуре был Чарли Чаплин, который в те же 30-е отстаивал достоинство «маленького человека». У трагикомической музы всех чинарей есть нечто общее с образами, созданными великим комиком.

Трагикомизм имеет место и в творчестве Введенского, несмотря на всю семантическую «навороченность» его текстов:

*...Но он был просто муравей,
в шершавой бегал мураве,
искал таинственных жуков,
кусал за тетки мужиков...*

«Правильному» читателю Введенского читать трудно, тем более трудно читать неподвзято. Но если не давать хода своему раздражению, если не пытаться обязательно понять каждую строку, просто отдаться течению текста, он захватывает.

Что сразу бросается в глаза?

Во-первых, редкостная свежесть сочетания очень правильных классических клише с совершенно разболтанной семантикой отрывистых, тревожных фраз. Мы ежеминутно как бы слышим чужие голоса, самые разные. Введенский демонстрирует нам отрывки из песен Гомера, обломки Шекспира, заговаривающегося Пушкина, бормочущего что-то несусветное Лермонтова. Введенский вообще ликвидирует предложение

как смысловую и синтаксическую единицу. При том, что смысл едва уловим, мы заморожены странностью происходящего и ждем разрешения копящегося в отдельных фразах и словечках (иногда модернизированных) напряжения. Каждая новая фраза существует сама по себе и каждый раз столь неожиданна (у последователей, коих легион, – увы – предсказуема), что до основного мотива уже нет никакого дела. Он как бы устраивает мозаику из вполне осмысленных, хотя и безотносительных между собою странных фраз: //И водоросли спят как тетки // и будто блохи скачут лодки... // Здесь окончательно Бог наступил // хмуро и тщательно всех потопил... // Был сон приятным // шло число... // Сидят генералы // и гложут штыки... // Люди скучные дымятся // мысли бегают отдельно // все печально и бесцельно // Боже что за торжество // прямо смерти рождество... // Отец! мундштук! // кричат Тарасу // дворяне в мраке столбовом // а он молчанием погашен // холмом лежит // как смерть бесстрашен... Тексты воспринимаются как сплошной странный диалог, в котором мы постоянно имеем дело с противопоставлением вещей, логически никак не связанных. Внезапно по каким-то, едва заметным, штрихам открывается экзистенциальная суть всего текста.

Принцип этот хорошо известен из классики: мнимое сумасшествие принца Гамлета, банальная речь окружающих – на их фоне полубезумные фразы, утрирующие общепринятую манеру разговора, а уже на их фоне внезапные монологи-откровения, поражающие головокружительной глубиной. Поясню. Человек в своем восприятии незнакомого места опирается на некое априорное его видение. Идя первый раз к кому-то в гости, стоя перед дверью, мы, конечно, не можем знать, что за ней, но предполагаем помещение более или менее традиционной планировки. Отклонения от первоначального образа потребуют корректировки, а что-то впишется в готовую матрицу. Но вдруг за дверью – неизвестно что, вообще не пространство, но дыра, в которую вы проваливаетесь. Этому нет названия. Разум, воображение судорожно ищут соответствия и не могут найти, в бешеном темпе прокручивая «барабан» всех ресурсов памяти.

Это не просто трюк. Роль такого неизвестно чего, подсовываемого нам вместо ожидаемого объекта, играет у Введенского главную роль, заставляя напряженно искать собственных соответствий, провоцируя воображение; эти стихи принципиально устроены так, чтобы породить у каждого свою кодовую систему прочтения.

В целом сказанное о Введенском относится и к творчеству Хармса. Количество написанного о Хармсе умножает число вопросов о свойствах его творчества и о многих эпизодах его биографии. Причем биографии Хармса недостает не столько фактов, сколько их мотивировок. Кроме того, уже в постмодерновые 90-е, когда в Интернетях и литературных кругах имя писателя стало культовым, имели место злоупотребления – появились различные подделки, а также, в силу беспорядочного распространения советских архивов, попытки публикаций от своего имени (Н. Доброхотова-Майкова, и Володя Пятницкий). Поэтому не будем отнимать понапрасну время и место и, если редакторы пожалуют нам немного места, подберем что-нибудь ненавязчивое из его наследия.

Анекдоты из жизни классиков

***

Как известно, у Пушкина никогда не росла борода. Пушкин очень этим мучился и всегда завидовал Захарьину, у которого, наоборот, борода росла вполне прилично. «У него растет, а у меня не растет», – частенько говаривал Пушкин, показывая ногтем на Захарьина. И всегда был прав.

***

Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал ногтями свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: «Это ничаво».

***

Лермонтов любил собак. Еще он любил Наталью Николаевну Пушкину. Только больше всего он любил самого Пушкина. Читал его стихи и всегда плакал. Поплачет, а потом вытащит саблю и давай рубить подушки. Тут и любимая собачка не попадайся под руку – штук десять так-то зарубил. А Пушкин ни от каких стихов не плакал. Ни за что.

***

Пушкин часто бывал у Вяземского, подолгу сидел на окне. Все видел и все знал. Он знал, что Лермонтов любит его жену. Поэтому он считал не вполне уместным передать ему лиру. Думал Тютчеву послать за границу – не пустили, сказали, не подлежит, имеет художественную ценность. А Некрасов ему как человек не нравился. Вздохнул и оставил лиру у себя.

***

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и пришел в гости к Вяземскому. Выглянул в окно и видит: Толстой Герцена костылем дупит, а кругом детишки стоят, смеются. Он пожалел Герцена и заплакал. Тогда Вяземский понял, что перед ним не Пушкин.

***

Гоголь только под конец жизни о душе задумался, а смолоду у него вовсе совести не было. Однажды невесту в карты проиграл и не отдал.

***

Однажды Гоголь переоделся Пушкиным и задумался о душе. Что уж он там надумал, так никто и не узнал. Только на другой день Федор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, встретил Гоголя на улице и отшатнулся. «Что с Вами, – воскликнул он, – Николай Васильевич? У Вас вся голова седая!»

***

Тургенев хотел стать храбрым, как Лермонтов, и пошел покупать саблю. Пушкин проходил мимо магазина и увидел его в окно. Взял и закричал нарочно: «Смотри-ка, Гоголь (а никакого Гоголя с ним не было), смотри, смотри-ка, Тургенев саблю покупает, а мы с тобою давай ружье купим». Тургенев испугался и в ту же ночь уехал в Баден-Баден.

***

Однажды Чернышевский увидел из окна своей мансарды, как Лермонтов вскочил на коня и крикнул: «В пассаж!» «Ну и что же? – подумал Чернышевский, – вот, бог даст, революция будет, тогда и я так крикну». И стал репетировать перед зеркалом, повторяя на разные манеры: «В пассаж. В пассажжж. В пассажжжж. В па-а-ссажжжж. В ПАССА-А-А-А-АЖЖЖ!!!»

В ПАССА-А-А-А-АЖЖЖ!!!»

***

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он шел по Тверскому бульвару и увидел впереди Пушкина. «Конечно, это уже не ребенок, это уже подросток, – подумал Лев Толстой, – се равно, дай догоню и поглажу по головке». И побежал догонять Пушкина. Пушкин же, не зная толстовских намерений, бросился наутек. Пробежали мимо городского, сей страж порядка был возмущен неприличной быстротой бега в людном месте и бегом устремился вслед с целью остановить. Западная пресса потом писала, что в России литераторы подвергаются преследованиям со стороны властей.

***

Лев Толстой очень любил играть на балалайке (и, конечно, детей), но не умел. Бывало, пишет роман «Война и мир», а сам думает: «Тень-дер-день-тер-тер-день-день-день». Или: «Брам-пам-дам-дарарам-пам-пам».

***

Однажды у Достоевского засорилась ноздря. Стал продувать – лопнула перепонка в ухе. Заткнул пробкой – оказалась велика, череп треснул... Связал веревочкой – смотрит, рот не открывается. Тут он проснулся в недоумении, царствие ему небесное.

Творчество абсурдистов, глубокая философская подоплека их системы с ее формальной парадоксальностью и новизной (главным образом Введенского и Хармса), оказало несомненное влияние на многих художников второй половины XX века. Можно привести в пример т.н. «олбанский язык» Интернетов, поэтов Генриха Сапгира, Тимура Кибирова, Елену Шварц, музыкантов – Бутусова, «Странные игры», «АукцЫон» и пр. (перечислять придется долго). Любимый многими «Камеди клуб» в лучших своих проявлениях соответствует формализму чинарей. Поэтика абсурда характерна и для достаточно мейнстримных голливудских режиссеров – Квентина Тарантино («Бешеные псы», «Криминальное чтиво»), Роберта Земекиса («Смерть ей к лицу»), братьев Коэн («Бартон Финк»), Тима Бертона («Труп невесты»).

К сожалению, далеко не все наши современники осознали ее скрытый лиризм и тоску по гармоничному, семантически прозрачному миру, сомасштабному человеку. Я думаю, что творчество чинарей-обэриутов, несмотря на внешнюю абсурдность, бьющую в глаза оригинальность, в каком-то смысле стало лебединой песней гуманизма.

Валентина ГУЛЯЕВА

Институт повышения квалификации: этапы развития

С Анатолием Гузеровичем Емузовым я встретила, когда он был назначен директором Кабардино-Балкарского института усовершенствования учителей в 1987 году. Я в ту пору всего несколько месяцев работала заместителем директора института по учебно-методической работе. Можно сказать, что мы оба были новичками в этом достаточно непростом учреждении. Следует отметить, что в то время ИУУ был своеобразным «мальчиком для битья» в системе школьного образования республики. Стало хорошим тоном на любом совещании работников образования, Коллегии министерства образования критиковать работу подразделений института, списывать все недостатки в работе школ и педагогических работников именно на ИУУ. Прежнее руководство института покорно принимало критику (зачастую несправедливую и непрофессиональную), каялось в недостатках и обещало исправиться. Все усугублялось простыми, зачастую конфликтными отношениями среди сотрудников института, частыми жалобами в различные инстанции и т. д.

Поэтому руководство республики приняло решение укрепить это учреждение путем назначения руководителя не из среды школьных руководителей, как это было принято раньше, а со «стороны» – то есть из высшего учебного заведения.

С первой встречи А. Г. Емузов произвел на коллектив института достаточно благоприятное впечатление своей интеллигентностью, спокойствием и серьезностью. Он не стал производить революционных преобразований, не стал произносить лозунгов типа «вот я сейчас во всем разберусь и тогда...» или «кому не нравится, тот может оправляться на все четыре стороны...» и пр. Он вдумчиво, спокойно, не спеша и не подстегивая других, стал вникать в специфику работы института, подробно и тщательно изучая основополагающие нормативные документы, задачи, обязанности, условия работы каждого подразделения и системы повышения квалификации в целом. Как его положительную черту, хотелось бы отметить, что он никогда не стеснялся признаться в своей неосведомленности по какому-либо вопросу, внимательно выслушивать и воспринимать мнения различных людей, иногда диаметрально противоположные, и взвешенно принимать решения. Эти его качества вызвали неподдельное уважение, и коллектив института, поначалу с настороженностью принявший «человека со стороны», стал входить в режим спокойной, системной методической и научно-педагогической деятельности, чем, собственно, и должен был заниматься все время.

Со временем всем стало понятно, что к нам пришел человек неординарный, глубоко мыслящий, видящий перспективы развития института, и, что немаловажно, умеющий убедить в необходимости тех или иных перемен не только коллектив руководимого им учреждения, но и учредителя в лице министерства образования, и руководство республики, причем на самом высоком уровне. Он умел выдвигать не просто идеи, а это были глубоко аргументированные проекты, продуманные, просчитанные, неоднократно обсужденные во всех подразделениях института. Он всегда тщательно готовился к своим выступлениям в любой аудитории, его речь всегда была логично построена, уместно украшена риторическими оборотами, усиливающими основную идею, выводы и предложения всегда были научными, четко и грамотно сформулированными. Поэтому его выступления всегда принимались с огромным вниманием и обсуждались среди педагогов.

По инициативе А. Г. Емузова Институт усовершенствования учителей был преобразован в Институт повышения квалификации работников образования, что резко повысило его статус, позволило укрепить научными кадрами, создать несколько научных кафедр, Ученый Совет института. А самое главное – стало возможным готовить на его базе педагогические кадры по специальностям, необходимым в соответствии с требованиями времени, но не имевшимся в КБГУ. Так, на базе нашего института были открыты филиалы МГУ им. М. В. Ломоносова и РГПУ им. А. И. Герцена (С.-Петербург) по переподготовке педагогических кадров по специальностям «школьный психолог», «учитель географии», «педагогика и методика дошкольного образования», «мировая художественная культура» с вручением дипломов о втором высшем образовании государственного образца. Это не только дало возможность укрепить образовательные учреждения республики дефицитными в то время специальностями, но и приглашать для обучения ведущих ученых страны – психологов, культурологов, философов, профессоров с мировыми именами, таких, как М. С. Каган, А. П. Валицкая, Л. М. Мосолова, И. П. Якиманская и др., которые, кстати, привлекались и для участия в курсовой подготовке среди учителей. На курсы учителей немецкого языка к ним приезжали преподаватели Гете-института (Германия), наши учителя также неоднократно выезжали на курсы и в сам Гете-институт.

Эта огромная работа не могла бы осуществляться без организаторской деятельности А. Г. Емузова, который сам вел переговоры с руководством республики по выделению дополнительных финансовых средств на осуществление преобразований в институте, привлечению научных кадров, открытию филиалов таких ведущих вузов, как МГУ и РГПУ, с руководителями министерства образования РФ и ректорами вузов. Мы первыми были оснащены современной по тому времени компьютерной и аудиовизуальной техникой, показывали ее возможности учителям и руководителям школ.

Без преувеличения можно отметить, что только благодаря его личностным качествам, его умению аргументировать, привлечь союзников, находить общий язык и с руководством республики и с рядовыми работниками, институт в короткое время сделал огромный шаг вперед в своем развитии, стал пользоваться заслуженным авторитетом в системе образования не только Кабардино-Балкарии, но стал ведущим в системе учреждений повышения квалификации Северного Кавказа. К нам для изучения нашего опыта работы приезжали из Северной Осетии, Дагестана, Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края, брали наши методические разработки, планы работы, другие материалы, посещали наши учебные занятия, семинары, конференции. Посещали наши базовые учебные заведения, в которых отрабатывались новые педагогические технологии (к тому времени были открыты несколько федеральных экспериментальных площадок). И до настоящего времени многие ИПК Северного Кавказа пользуются нашими наработками. К сожалению, в настоящее время эти позиции КБ ИПК утеряны, особенно после присоединения его к КБГУ в 1997 году. Кстати, вопрос о присоединении ИПК к КБГУ возникал с начала 80-х годов, еще при ректоре КБГУ В. К. Глостанове. Именно А. Г. Емузов, понимавший своеобразие и специфику возглавляемого им учреждения, его значение для педагогического сообщества республики и развития инновационного движения в системе образования, сумел доказать и руководству республики, и федеральным властям, и ректору КБГУ, ненужность и нецелесообразность такого объединения. Как показало время, и в этом он оказался прав.

Опять-таки по инициативе А. Г. Емузова в институте был проведен капитальный ремонт, улучшены условия работы сотрудников, укреплена материально-техническая база, приведена в порядок окружающая институт территория. Все это происходило в условиях дефицита финансирования, структурных преобразований в самом ИПК, однако он умел быть очень убедительным, успешно аргументировал, использовал свои личные дружеские отношения со многими авторитетными людьми на благо руководимого им учреждения.

В тот период все методические и научно-педагогические кадры института смогли пройти повышение квалификации в Центральном ИПК в г. Москве, других крупных ИПК РФ, участвовали в российских научных конференциях, некоторые поступили в аспирантуру и впоследствии успешно защитили диссертации. Я, как проректор ИПК по учебно-методической работе, имела возможность каждые три месяца выезжать на семинарские занятия по актуальным проблемам повышения квалификации педагогов в крупные центры РФ (Москва, С.-Петербург, Ростов-на-Дону, Волгоград, Новгород и др.). Все это, несомненно, положительно сказывалось на работе института. Учителя республики, приезжавшие в институт на курсы, своевременно получали командировочные расходы, проездные и др. полагающиеся им средства (чего они лишены в настоящее время),

имели возможность приобрести в институте различные методические разработки, учебные планы, пособия и другие материалы, размноженные здесь же. Поэтому учителя и руководители школ охотно посещали все курсовые и семинарские мероприятия, так как понимали необходимость повышения своего образовательного уровня, особенно в условиях внедрения инновационных технологий (к слову, все проводимые институтом мероприятия были бесплатными).

Вся эта огромная организаторская, хозяйственная, методическая, педагогическая деятельность А. Г. Емузова осуществлялась параллельно с научной работой – в условиях жесточайшего цейтнота, перегруженности на работе, он смог подготовить и успешно защитить докторскую диссертацию.

Можно с полной уверенностью сказать, что в период руководства А. Г. Емузова, институт повышения квалификации пережил пору своего расцвета. Многие сотрудники еще длительное время вспоминали его как очень разумного и авторитетного руководителя, говорили, что в то время чувствовали себя как бы за «сильной спиной».

Я, проработав в институте десять лет, могу сказать, что меня очень устраивал стиль руководства А. Г. Емузова, мне импонировало его уважительное отношение, доверие, неразрывно связанное с требовательностью, желанием совершенствования. Мы могли совершенно откровенно разговаривать друг с другом по любым вопросам. Конечно, и у нас были споры, были моменты непонимания, но все разногласия обсуждались, участники дискуссии всегда свободно могли высказать свое мнение, и всегда решение принималось коллегиально, с учетом пользы дела. Это понимали все, даже негативно относящиеся к деятельности руководства института.

Смею надеяться, что и у него сохранились хорошие воспоминания о совместной работе в КБ ИПК.

Его жизненное призвание

На днях на имя генерального директора ООО «СМиТ» Х. Г. Шадова из г. Чегем пришло радостное письмо следующего содержания:

«Уважаемый Хусен Гидович!

В рамках Международного проекта «Лица года – 2011» по решению Президиума представительства Мирового Артийского комитета на Кавказе, Академии творчества, Вы выдвинуты на награждение Золотой медалью и Кубком славы с присвоением почетного звания «Лауреат Международного конкурса «Лица года – 2011».

*Вице-президент Международного
Артийского комитета,
Академик РАЕН и АМАН
А. А. Бетуганов»*

Прежде чем рассказать о том, за какие заслуги наш земляк Х. Г. Шадов удостоен столь высокой чести, напомним, что Мировой Артийский комитет объединяет 32 страны, в их числе США, Германия, Франция, Россия, Япония, Украина и т. д. Он имеет свое представительство на Северном Кавказе с центром в Нальчике.

Эта солидная организация мирового масштаба накануне Дня строителя России назвала «Человека года – 2011» – строителя из нашего города Х. Г. Шадова.

После окончания в 1972 году КБГУ Хусен Шадов всю свою жизнь до ухода в 2008 году на пенсию и по сегодняшний день посвятил одному из самых благородных дел – строительству. Он высококвалифицированный специалист, умелый организатор этой важной отрасли в масштабах района и, наконец, создатель и руководитель преуспевающей многопрофильной фирмы «СМиТ», заслужившей своими феноменальными успехами широкую славу далеко за пределами Кабардино-Балкарии. Забегая вперед, скажем, что ООО «СМиТ» выиграло по Интернету у множества известных строительных организаций Кавказа тендер на такие серьезные работы, как ремонт Дома правительства, здания парламента КБР в Нальчике, реконструкция зданий военного института во Владикавказе, строительство моста на федеральной трассе «Кавказ» в городе Алагир Северной Осетии-Алании, строительство крупного физкультурно-оздоровительного центра в Наргане и т. д.

Доверие таких крупных заказчиков фирма Шадова завоевала тем, что с момента создания она ни разу не подводила их, строила и строит

доброту, качественно, дешево и не допускает по своей вине ни малейшего срыва времени сдачи любого объекта в строй.

Так вести строительное дело помогают Хусену Гидовичу глубокие знания, высокий профессионализм, помноженные на огромный опыт, накопленный им в течение почти сорока лет организаторской и практической работы в отрасли.

Эти качества будущего крупного организатора строительства Хусен Шадов обнаружил еще в студенческие годы на факультете промышленного и гражданского строительства КБГУ. После первого курса молодого и боевого студента Х. Шадова назначили мастером стройотряда, который был послан в город Тырныауз для участия в строительстве канатной дороги.

Затем, учитывая деловую хватку Хусена, его умение вести за собой других ребят и девчат, трижды его назначали командиром студенческого стройотряда, выезжавшего во время каникул в Алтайский край. Здесь ребята во главе с Хусеном строили жилые дома, фермы, гаражи, дороги и всякий раз возвращались домой с благодарностью от местных партийных и государственных органов. В память о тех незабываемых годах Хусен хранит почетные грамоты Алтайского крайкома и Пospелишенского райкома КПСС, которые были вручены ему за умелую организацию здесь строительства важных объектов народного хозяйства.

– Ни я, ни те, кто участвовал в работе стройотрядов, – рассказывал мне Хусен, – никогда не забудем годы пребывания на Алтае. За время каникул мы здесь на практике применяли теоретические знания, полученные на лекциях профессоров, приобретали опыт работы каменщиков, бетонщиков, штукатуров, плотников, сварщиков, монтажников и т. д., без знания которых ни один инженер не может грамотно и эффективно руководить теми, кто непосредственно своими руками выполняет строительные работы.

Наш отряд был интернациональным и состоял из кабардинцев, балкарцев, русских и т. д., а на Алтае жили в основном русские. Так вот с этим местным населением, особенно с молодежью, мы жили так дружно, что каждый из нас забывал, кто какой национальности. О каких-либо конфликтах на национальной почве с местными ребятами не могло быть и речи. Вот чем были для нас, советских студентов, строительные бригады! – заключил умудренный жизненным опытом Хусен Гидович.

После окончания в 1972 году университета с красным дипломом Хусен Шадов возвратился в родной колхоз им. Ленина прорабом. Это время совпало с периодом работы первым секретарем РК КПСС Б. К. Чабдарова, который собирал вокруг себя и выдвигал на важные руководящие посты талантливую, образованную молодежь из выпускников вузов. Обратил внимание Борис Касимович и на большие способности молодого прораба Хусена Шадова, которого и назначил главным архитектором района. Х. Г. Шадов полностью оправдал надежды и Б. К. Чабдарова, и всех последующих руководителей района в течение пятнадцати лет.

В это время полностью раскрылись огромные организаторские способности Шадова, его высокий профессионализм, глубокое знание им всех «секретов» сложного строительного дела, науки градостроительства.

Свои знания он приумножил на шестимесячных курсах факультета градостроительства Московского архитектурного института, куда он был направлен Советом Министров КБ АССР.

Свою дипломную работу Х. Г. Шадов защитил по теме предстоящего преобразования поселка Чегем I в город.

Таким образом, основой проекта строительства города Чегем послужила дипломная работа Хусена Гидовича Шадова. Ему же пришлось возглавлять эту работу в течение полутора десятков лет. Так что мы можем с полным на то основанием сказать, что Хусен Гидович был первым строителем города Чегем. По планам, составленным архитекторами района во главе с Шадовым, и под их непосредственным руководством, в бывшем рабочем поселке развернулся настоящий строительный бум.

Не может не вызвать восхищение один только перечень крупных объектов соцкультбыта и промышленности, которые были построены в новом городе за короткое время. В тот незабываемый период здесь были возведены, например, шесть 60-квартирных и один 120-квартирный жилой дом, центральный универмаг, ресторан «Лашин», автоцентр «КамАЗ», спецотделение, трехэтажное здание «Райсельхозтехники» из силикатного кирпича с просторными цехами, целый больничный городок, производственные объекты и конторы спецотделения, очистные сооружения.

Бригада Хусена Шадова разработала и внедрила в жизнь схему движения общественного транспорта в городе Чегем.

Вне райцентра под непосредственным руководством главного архитектора Хусена Шадова осуществлялось строительство производственных помещений и жилпоселка птицефабрики в Нартане.

В этом селе, а также в Яникое, Булунгу и Нижнем Чегеме были возведены школы.

Можно и дальше перечислить новостройки, возникшие в городе и районе по инициативе и при непосредственном руководстве Хусена Шадова. Но и сказанного достаточно, чтобы показать незаурядные способности, большие деловые качества этого человека, которые полностью были направлены им на благо своего города, района.

И, наконец, не могу не сказать еще несколько слов о человеческих качествах Хусена Гидовича. Много горя и страданий перенесли он и его семья в жизни. И заслуга Хусена, самого старшего среди шести братьев и одной сестры заключается в том, что семья перенесла удары судьбы стойко.

Хусен только что окончил университет и еле успел создать собственную семью, когда умер отец Гид, всю жизнь проработавший кузнецом и кормивший многодетную семью. Теперь вся тяжесть воспитания братьев и сестры легла на плечи их матери, простой труженицы, и Хусена. Правда, какая-то доля ответственности за их будущее досталась и молодой супруге Хусена, учительнице младших классов Аминат Гидовны.

Получив специальность, женился второй брат Хусена – Владимир, который был избран секретарем парткома совхоза «Лечинкай». Но он погиб в автокатастрофе, оставив сиротами трех детей и жену.

Через несколько лет одного за другим похоронила семья еще всех

братьев Хусена, кроме самого младшего Арсена. Все они были женаты и имели детей.

Человеческий подвиг Хусена Шадова заключается в том, что он в панике не отвернулся от вдов своих умерших братьев и их детей, а помог всем им получить приусадебные участки, построить дома, вырастить детей. Он внимательно следил как любящий отец за жизнью и учебой своих многочисленных племянников и племянниц. А когда подросли, помог им тоже создать свои семьи. И сегодня все взрослые из детей покойных братьев Хусена нашли хорошо оплачиваемую работу в фирме своего знаменитого дяди.

Так, один из них, Анзор, получив высшее строительное образование, работает главным инженером фирмы, а Роман, имеющий такую же специальность, – заместителем гендиректора по производству.

Они и другие их родственники вносят немало труда в успехи семейной фирмы. Выше мы перечислили некоторые из этих успехов. Добавим к сказанному, что фирма растет и развивается очень быстро, постепенно превращаясь в настоящий строительный комбинат. Сейчас здесь действуют подразделения по строительным делам, производству стеновых материалов, металлопластиковых окон и дверей, металлоизделий и т. д.

Фирма имеет автомойку, которую эксплуатирует один из племянников Хусена, скоро закончится строительство кафе. Здесь, после выигрыша соответствующего тендера, налажены производство и установка по Нальчику дорожных знаков, монтаж и ремонт светофоров и т. д.

Много еще грандиозных планов у неутомимого, делового, беспокойного Хусена Гидовича Шадова, лауреата Международного Артийского комитета, который назвал его «Человеком года – 2011».

Выше я говорил о том, какое деятельное и решающее участие принял Хусен Шадов в судьбе своих братьев и их детей. Добавлю, что он и Аминат Гидовна вырастили и своих трех прекрасных детей. Их сын Заур успешно руководит МУП «Чегемское пассажирское автопредприятие», является депутатом Совета местного самоуправления города Чегем, старшая дочь Залина – кандидат экономических наук, старший преподаватель КБГУ, обладатель сертификата менеджера Международной категории, который она защитила в Бонне в Германии, где получила также соответствующий грант (10 тыс. марок). Не обделена талантом и способностями и самая младшая в семье, Зарина, которая является ведущим специалистом регистрационной палаты района.

Вот такой труженик, организатор, отец и дедушка, имеющий двух прекрасных внучек и внука, – герой сегодняшнего нашего рассказа Х. Г. Шадов.

Ирина ВОЛЬСКАЯ

Его узнают не только по голосу

В творческой карточке журналиста Мухаба Бженикова десятки сценариев к телефильмам и очеркам, воплощенным на экране. Сотни программ, репортажей и сюжетов различной тематики, радиoproграммы, десятки статей в местной и центральной прессе по исследованию радиотелевизионной журналистики и особенностей публицистики в многонациональной республике. В конце прошлого века Мухаб Мусабиевич опубликовал монографию «Радио и телевидение КБАССР», сейчас подготовил к печати еще один том, теперь уже на современном материале – «Радио и телевидение КБР. История и социология».

Его статьи, рассказы, поэмы, циклы стихов, многие из которых положены на музыку, известны деятелям культуры нашей республики, людям, интересующимся литературным и музыкальным творчеством. Но голос Мухаба Бженикова знают жители всех городов и сел Кабардино-Балкарии. В течение многих лет комментатор республиканского радио принимает участие в передаче на кабардинском языке «С добрым утром» («Фи щэдджыжь фӀыуэ!») и ведет еженедельную аналитическую программу «Время. События. Мнения», которая выходит в эфир по понедельникам в 13.45. Подготовка к ней требует больших физических и временных затрат, поездок по республике, присутствия на совещаниях и заседаниях. Мухабу Мусабиевичу недавно исполнилось семьдесят лет, но он успешно справляется с нагрузкой и трудится увлеченно, с энтузиазмом, удивляя работоспособностью коллег и своих домашних. Родственники часто видят его за письменным столом даже по выходным.

– Творческий человек в любом возрасте не может сидеть без дела, – считает комментатор. – Журналист не просто наблюдает за событием – он фиксирует, анализирует происходящее и стремится донести информацию до читателя, слушателя, зрителя. Конечно, у каждого человека, в том числе и у работника средств массовой информации, собственный взгляд на вещи. Я считаю своей задачей, – говорит он, – формирование позитивного общественного мнения в отношении преобразований, происходящих в настоящее время в нашей республике. Встречаясь со многими людьми из разных слоев общества, бывая на предприятиях и в организациях, вижу, как много сделано в течение последних лет: построены дороги, открыты новые производства, на ранее пустовавших землях посажены сады и виноградники, выращиваются другие сельскохозяйственные культуры. Благодаря изменениям в жилищно-коммунальном секторе дома, социальные учреждения, другие объекты регулярно получают свет, воду, тепло. Все перечислить невозможно, но если сравнить темы эфиров за несколько лет, станет совершенно очевидным факт улучшения социального положения жителей нашей республики.

Самой важной оценкой своего труда Мухаб Мусабиевич считает реакцию слушателей, которые после каждого эфира звонят ему и даже приезжают, чтобы поделиться мнением по актуальному вопросу, иногда высказать резкое замечание по волнующей теме. Огромный опыт бывалого журналиста, умеющего говорить с людьми доверительно, деликатно и в то же время внушительно, авторитетно, аргументировано, перенимают молодые коллеги.

– В связи с переходом республиканского радио на вещание в FM-диапазоне и увеличением продолжительности трансляций в редакцию приходят новые люди, – рассказывает Мухаб Мусабиевич. – От них требуется подготовка совершенно иная, нежели в прежние десятилетия, – умение пользоваться цифровой техникой, владение компьютерными программами, знание не только родного кабардинского, а также русского языка, но и обязательно – иностранного. Границы мира, в котором мы живем и работаем, стали шире. Теперь они вмещают не только территорию Кабардино-Балкарии. Наши соотечественники во многих регионах России и за рубежом могут слышать голос родины. Масштаб и важность этого явления трудно переоценить.

Бжеников помнит, что в 1986 году как большое событие был воспринят общественностью первый и единственный в вещательной истории КБР телемост Нальчик – Грозный, который ему с режиссером Людмилой Жабоевой было доверено вести. Тогда это казалось чудом техники, а сейчас радио- и видеосвязь с любой точкой планеты стала обычным явлением благодаря современным коммуникационным технологиям.

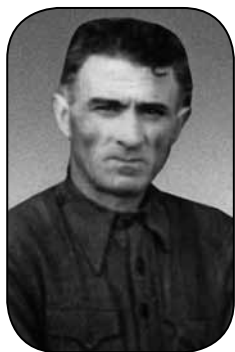
Об этом даже не мечтал парень из поселка Залукокоаже, которого с третьего курса КБГУ по рекомендации ректората перевели на факультет журналистики МГУ им. Ломоносова. Затем была аспирантура при кафедре телевидения и радиовещания. Кандидат филологических наук работал на разных должностях, в течение нескольких лет являлся главным редактором республиканского Комитета по телевидению и радиовещанию. Член президиума Союза журналистов КБР, отличник телевидения и радио России, член-корреспондент Адыгской международной академии наук – регалий у Бженикова много. В 1992 году ему, первому из творческих работников средств массовой информации Кабардино-Балкарии, было присвоено звание «Заслуженный журналист КБР», а недавно Мухабу Мусабиевичу вручен высший почетный знак Союза журналистов России «За заслуги перед профессиональным сообществом».

– Награда стала достойным и приятным подарком к 70-летию, – говорит юбиляр. – Я не чувствую этого возраста, полон сил, планов и желания общаться со слушателями, работать для них, быть им полезным.

Мусаби ШХАНУКОВ,
с. Малка

Отважный воин и хлебороб

Среди сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны и работавших в послевоенное трудное время немало людей, которые не услышали в свое время похвального слова и не увидели себя на страницах газет и журналов. К ним относится и Кушхов Мухамед Дулович, который рано ушел из жизни.

Когда стали создаваться колхозы, в 1925 году, в возрасте 13 лет, Мухамед начал работать. Повзрослев и набравшись знаний, стал учетчиком, бригадиром. Работал на совесть, вносил свой посильный вклад в укрепление колхоза. Безотказно выполнял любые поручения, шел туда, куда направляли.

Односельчанин и товарищ Кушхова Ташилов Мажид вспоминает:

«Нас с Мухамедом летом 1942 года призвали в Красную Армию. Направили в г. Георгиевск, одели, обули и переправили в г. Орджоникидзе. Там тоже долго не задержались. Через несколько дней нас отправили в Армению, в г. Ленинакан. Там в составе пограничной заставы охраняли нашу границу. В то время Германия заключила договор с Турцией, и ожидалось нападение с ее стороны на Советский Союз.

В конце 1942 года в составе войск, которые должны были освободить нашу республику, Северный Кавказ в целом от фашистов, нас подвели к реке Терек. Здесь мы приняли первый бой. Отбирая захваченные немцами скот и имущество, гнали фашистов с родной земли. Гитлеровцы сопротивлялись, ставили заслоны, засады. Нашим войскам удалось освободить республику. А потом в боях за Минеральные Воды погиб наш односельчанин Токбаев.

Со своим полком мы шли все дальше, участвовали в освобождении Ростова. В течение 1943–1944 годов находились в пекле боев. Много немецких захватчиков получили смерть от меткого огня Мухамеда. Шли все дальше, участвовали в освобождении Одессы, а потом наша фронтовая дорога с Мухамедом разошлась».

К сожалению, мы не можем рассказать о дальнейшем боевом пути и ратном подвиге земляка. Но полученные им боевые медали сами за себя говорят. Вот передо мной лежат эти медали: «За освобождение Белграда», «За взятие Вены», «За победу над Германией», «За взятие Будапешта» и другие.

С победой возвратился домой наш земляк. И сразу же окупился в тяжелую послевоенную работу по восстановлению колхоза. Заведя фермой, он поднимает этот колхозный участок. Потом работает председателем бывшего колхоза «Победа». На этом посту Кушхов проявляет организаторские способности, восстанавливает и поднимает колхоз. Затем он переходит на партийную работу, возглавляет парторганизацию колхоза им. Рокоссовского.

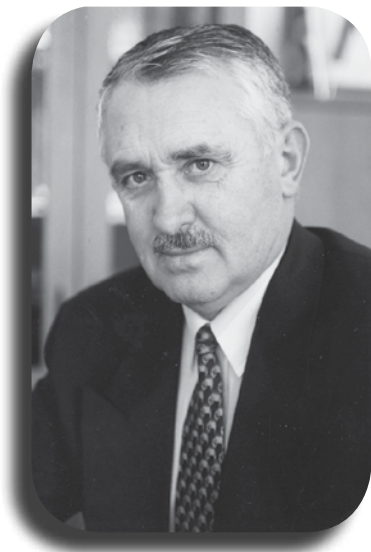
Впоследствии, работая бригадиром, собирает большие урожаи, бригада становится передовой в хозяйстве. За получение в 1958 году 58 ц зерна с каждого гектара М. Кушхову вручается Почетная грамота министерства сельского хозяйства РСФСР.

Сердцем и душой был привязан к земле-кормилице Мухамед до конца своей жизни. На трудовом посту в возрасте 55 лет в 1967 году он умер. Малкинцы хранят его доброе имя в своих сердцах.

Ирина САДОВНИКОВА

Борис Хусейнович Хацуков. Кандидат фармакологических наук, доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, народный врач КБР, отличник здравоохранения СССР, врач высшей категории по организации здравоохранения и офтальмологии. Награжден Почетными грамотами КБР, Минздрава РФ, Минсельхоза РФ и других ведомств. Старший научный сотрудник Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского центра Российской академии наук. Председатель научного общества офтальмологов и патфизиологов КБР. Член президиума Общественного движения «За здоровую Россию», председатель Кабардино-Балкарского регионального отделения этой организации.

УВИДЕТЬ СВОЮ СУДЬБУ

Основательных публикаций о Борисе Хацукове в прессе не было давно. В советское время в газете «Грозненский рабочий» была опубликована статья, в которой жители Чечено-Ингушской Республики благодарили врача-офтальмолога за успешное лечение, после которой доктора чуть не уволили с работы – обслуживать пациентов из соседних регионов работникам медицинских учреждений Кабардино-Балкарии не разрешалось.

Позднее материал о Борисе Хацукове был включен в один из сборников издательства Виктора и Марии Котляровых.

Саморекламой этому человеку заниматься недосуг. Он – человек дела. Искренне предан своему делу и никогда не помышлял сменить профессию, которая определила его судьбу.

Среди врачей

Бориса с детства окружали врачи. Мама работала лаборанткой в рентгенкабинете, дядя – знаменитый офтальмолог, доктор медицинских наук заслуженный врач Российской Федерации Анатолий Хацуков преподавал на кафедре глазных болезней в Северо-Осетинском медицинском институте (в 60-е годы 20 века в Кабардино-Балкарском госуниверситете медицинского факультета еще не было).

Вполне логично, что Борис поступил именно в этот вуз, но вплоть до окончания института острого желания работать в сфере медицины не ощущал.

По распределению был направлен в село Баксаненок в Кабардино-Балкарии, где надо было обязательно отработать три года. Только по истечении срока практической деятельности позволялось продолжить учебу в ординатуре, затем аспирантуре, чтобы специализироваться на определенной врачебной специальности. Установленная государством система позволяла обеспечить медучреждения необходимыми кадрами, а молодым специалистам давала возможность определиться – хочешь ты всерьез посвятить себя этому делу или сменить профессию.

В сельской амбулатории врачу общей практики приходилось выступать в роли терапевта, педиатра, невролога, травматолога... Днем и ночью он был на посту – по первому зову выезжал в дома и социальные учреждения, на фермы и полевые станы. На открытой повозке-линейке, прихватив докторский чемоданчик, тряся на облучке рядом с кучером, пока не предоставили машину. Отлучаться самовольно, не поставив в известность вышестоящие медицинские инстанции, было нельзя – в населенном пункте всегда должен был находиться врач.

Сельсовет из местного бюджета оплачивал молодому специалисту квартиру, обеспечивал дровами для печки. Зарплата сельского врача была вдвое выше, чем у городского. Со временем можно было получить жилье, накопить денег, создать семью и быть всегда востребованным и уважаемым сельским интеллигентом.

Но Борису хотелось большего. Он, наконец, понял, что хочет посвятить себя медицине. Вот только какое направление в ее широком спектре выбрать? Для достижения цели необходимо ее определить.

Стремление к цели

Старший коллега Анатолий Хацуков советовал пойти в сферу организации здравоохранения. Но в этот период в КБГУ открылся медицинский факультет, и возникла нужда в квалифицированных научных кадрах, которых по квоте предполагалось обучать на аспирантских отделениях ведущих медицинских вузов страны. Борис подал заявку, получил право обучения в Краснодаре, но... не был отпущен с работы, так как не истек трехлетний период послевузовской «отработки». Только по приказу министра здравоохранения СССР он мог получить так называемое открепление.

Доработал положенный срок и уехал в город своего студенчества – Орджоникидзе (ныне Владикавказ), два года работал на станции «Скорой помощи» старшим смены.

Пройдя курс первичной специализации, в Нальчике занял должность заведующего республиканским кабинетом охраны зрения детей и подростков в Кабардино-Балкарии, параллельно работал в Республиканской клинической больнице. Когда Анатолий Хацуков стал главврачом новой больницы в городе Нарткала, он предложил Борису стать заведующим глазным отделением.

Дядя писал докторскую диссертацию – племянник помогал ему собирать и обрабатывать практический и теоретический материал и постепенно входил в интереснейшую область человеческой деятельности – науку. Вскоре Анатолий Хацуков был переведен на работу в Чегем для строительства глазной больницы, а Борис пятнадцать лет, вплоть до 1985 года практиковал в Нарткале. На работу каждый день ездил из Нальчика, по часу утром и вечером тратил на дорогу. На предложение создать и возглавить хозрасчетную поликлинику в Нальчике ответил согласием.

На хозрасчете

– Я с удивлением узнал тогда, что еще в 1953 году был издан приказ № 93 Минздрава СССР, по которому в четырех городах Советского Союза (всего их было около десяти тысяч) разрешалось открывать хозрасчетные поликлиники для оказания платных услуг. В числе избранных оказались Тбилиси, Москва, Ставрополь и Нальчик. Сейчас курорту в нашем городе не уделяется должного внимания, а тогда столица Кабардино-Балкарии действительно была всесоюзной здравницей, куда ежегодно приезжали сотни тысяч отдыхающих. Подготовительный период был напряженным – в составе группы из двадцати пяти человек окончил экспериментальные курсы в Москве по хозрасчету в медицине, объездил полстраны, чтобы разобраться в экономических вопросах, изучить практику хозрасчетных организаций. В поликлинике, которая была построена в микрорайоне Нальчика Александровка, стоимость медицинской услуги соответствовала бюджетным затратам на ее оказание в других учреждениях системы здравоохранения. У нас работали высококвалифицированные врачи, медсестры, лаборанты. Нам доверяли, и директора предприятий заключали с хозрасчетной поликлиникой договора на проведение профилактических осмотров на заводах, фабриках, в учреждениях. Полсотни предприятий регулярно перечисляли на счет поликлиники деньги, взамен получая плановую диспансеризацию работающего населения. Это позволяло на ранней стадии выявлять заболевания, своевременно лечить пациентов, сохранять им здоровье. К сожалению, с упразднением социалистического строя эта система была разрушена. И сколько бы теперь ни заявляли власти о том, что Российская Федерация – государство социальное, здравоохранение не выполняет прежних функций, не решает первостепенных задач по сохранению здоровья нации. Профосмотры и диспансеризация проводятся формально, хотя, если правильно распоряжаться выделяемыми на это федеральными средствами, можно добиться многого. Для сравнения: до 1991 года, когда профосмотры проводились регулярно, два раза в год, пациенты с выявленными заболеваниями подлежали диспансерному наблюдению и при необходимости получали необходимое лечение.

Спектры «Радуги»

На демократической волне начала девяностых в стране не назначали, а выбирали директоров предприятий и учреждений, главных врачей объектов системы здравоохранения. Главврачом детского санатория «Радуга»

Минсельхоза КБР, который в то время работал по типу межколхозного пионерлагеря и обслуживал детей из сельской местности, избрали Бориса Хацукова, который предлагал создать на данной базе Республиканский детский многопрофильный реабилитационный центр с несколькими отделениями, куда направлялись бы для восстановительного лечения дети, прошедшие больничный курс. Эта задача была решена в короткие сроки. В структурные подразделения «Радуги» стали поступать ребяташки с заболеваниями глаз, опорно-двигательной и нервной системы, ДЦП. Также действовало лор-отделение. При поступлении всех детишек комплексно обследовали в течение трех дней, о чем родители иногда даже не подозревали.

В середине 90-х годов у 90 % детей, обследованных в реабилитационном центре «Радуга» при участии специалистов из Санкт-Петербурга, был выявлен целый «букет» болезней – глазные, сколиоз, аллергия, зоб, эндокринные нарушения, заболевания желудочно-кишечного тракта. Сейчас общая обстановка несколько выправилась. Диспансеризация пока находится в стадии становления.

В бытность министром здравоохранения России Михаила Зурабова возникла концепция так называемого стандартного лечения, когда врачи лечат одно конкретное заболевание, не учитывая всего спектра заболеваний человека и состояние различных систем организма. В этом странном, если не сказать преступном распоряжении проявился непрофессионализм менеджеров от медицины.

Сотрудничество

Без малого пятнадцать лет Борис Хацуков занимал должность главного врача многопрофильного реабилитационного центра «Радуга». Он считает, что горбачевская перестройка и последовавшая за этим переходным периодом смена экономической формации – от социализма к рыночной системе экономики, а по сути – к капитализму, сказалась положительным образом на работе Центра в том плане, что теперь «Радуга» стала обслуживать детей не только из соседних республик Северо-Кавказского региона, но в основном сосредоточилась на лечении ребят из Кабардино-Балкарии.

Полтора десятка российских и зарубежных научных учреждений сотрудничали с этим учреждением. По материалам Центра, который перешел в ведение министерства труда и социального развития КБР, защищено около двух десятков кандидатских и докторских диссертаций.

– Большую поддержку деятельности детского реабилитационного центра в разные годы оказывали руководители министерств Борис Зумакулов, Альберт Тюбеев, а также председатель Кабардино-Балкарского отделения Российской академии наук Петр Мацевич Иванов, – считает Борис Хацуков. – В 1949 году в Приэльбрусье была открыта лаборатория Украинской академии наук. Ее старейший сотрудник доктор медицинских и биологических наук Ася Колчинская была привлечена к работе в «Радуге» и внесла неоценимый вклад в дело оздоровления, лечения детей нашей республики, а также систематизации научно-исследовательских материалов, накопленных сотрудниками нашего Центра. Было опубликовано около 300 научных статей, издано 15 монографий.

Научный фундамент

Первая ученая степень Бориса Хацукова – кандидат фармакологических наук. Исследованиям в этой области медицины он уделяет большое внимание. Руководимый им Республиканский детский реабилитационный центр осуществлял плодотворное сотрудничество с Пятигорской фармакадемией – самой передовой в СССР, благодаря чему были получены авторские свидетельства, в том числе и на разработку технологии изготовления порошка из корней тапинамбура. Это растение в большом количестве содержит пектин-инулин, и может использоваться для профилактики очень распространенного заболевания – сахарного диабета. Завод по производству препарата, который предполагалось в малых дозах добавлять в мучные и кондитерские изделия, строился на базе Старочерекского плодопитомника, уже было заявлено о 80-процентной готовности корпусов, но... пектин республика до сих пор закупает за рубежом. Собственное производство так и не было запущено.

Доктор медицинских наук по офтальмологии и патфизиологии Борис Хацуков убежден, что без фундаментальной науки прикладная медицина развиваться не может. Поэтому в Кабардино-Балкарии необходимо открывать специализированные исследовательские медицинские центры, как это делается в соседних регионах.

– На территории нальчикского курорта многие крупные научно-исследовательские институты России и других стран хотят открыть свои филиалы, – рассказывает доктор. – В Кабардино-Балкарии свыше ста природных минеральных источников, которые не используются в должной мере. Озеро Тамбукан по свойствам выше, чем Мертвое море. Республика располагает уникальными условиями для развития курортного дела и курортологии, но пока это пассивный ресурс. А в условиях среднегорья и высокогорья в Приэльбрусье необходимо активно заниматься исследованиями и практикой в области оздоровительной и спортивной медицины, психических заболеваний, ведь наработки, проведенные в НИИ Академии наук СССР с 1949 года академиком Н. Сиротиним и профессором А. Колчинской, существуют, надо продолжать эту работу, конкурируя с зарубежными учеными.

Остеорефлексотерапия

Бывая в разных странах, на разных континентах, Борис Хацуков всюду интересовался новациями в области офтальмологии. Знакомство с рижским профессором Янковским – пионером в области костной иглотерапии, стало отправной точкой для нового направления в деятельности доктора медицины из Кабардино-Балкарии.

– Два десятилетия я занимаюсь исследованием взаимосвязи глазных болезней с развитием у пациента заболеваний шейного хондроза. Дело в том, что симпатический отдел нервной системы, который регулирует остроту зрения, находится в шейном отделе. Согласно патенту, отработанному совместно с Пятигорской фармакадемией, при лечении шейного отдела позвоночника я использую метод костной иглотерапии. Чтобы по-

пулярно объяснить суть процесса, скажу, что при шейном остеохондрозе внутрикостное давление возрастает вдвое. Воздействуя на клеточном уровне, остеорефлексотерапия позволяет снизить внутрикостное давление, улучшить кровоснабжение и общее состояние пациента, страдающего гипертонией, бессонницей, мигренью, головными болями различной этиологии. У 90 процентов населения наблюдается так называемая компьютерная усталость, вызывающая головные боли и болезненные ощущения в шейно-грудной области. Еще во время работы в хозрасчетной поликлинике количество пролеченных пациентов составило более трех тысяч.

Те, кто видит

В начале жизни Бориса Хацукова в его семье были врачи, и супругой его стала врач-гастроэнтеролог. Вместе с Заретой Даниловной глава семьи вырастил двоих детей. Сын Мурат – бизнесмен, дочь Марьяна – экономист, защитила кандидатскую диссертацию. У старших Хацуковых уже семь внуков. Дома о работе супруги стараются не говорить – в течение суток должно быть время и для отдыха. Но если требуется совет, профессиональная консультация, два врача всегда могут рассчитывать на содействие. К Борису Хацукову за профессиональной помощью часто обращаются родственники и друзья, и никогда не слышат отказа.

Доктор успешен, востребован. В числе его учеников кандидаты медицинских наук офтальмолог Ирина Шортанова, которая работает в Москве, патфизиолог Республиканской клинической больницы А. Борукаева, начальник медслужбы Управления исполнения наказаний РФ по КБР офтальмолог Нонна Акопян. Заведующий глазным отделением Урванской районной больницы Артур Рубаев готовится к защите кандидатской диссертации.

Оглядываясь на прожитые годы, Борис Хусейнович видит, что не все из задуманного удалось осуществить. В Кабардино-Балкарии необходимо создать Республиканский офтальмологический центр, детское офтальмологическое отделение и Высокогорный медицинский научно-исследовательский институт. В начале своей медицинской карьеры он не помышлял об ученой степени, руководящих должностях. Профессиональная жизнь сложилась благодаря верно определенной цели и тому, что называется целеустремленностью – это упорный труд, страсть к познанию, желание быть полезным людям.

Борис Хацуков продолжает работать на ниве здравоохранения – является сотрудником реабилитационно-оздоровительного центра «Радуга» и старшим научным сотрудником Кабардино-Балкарского отделения научного центра РАН. Долгая практика убедила его в том, что физическое и психическое состояние во многом зависит от того, как человек относится к собственному здоровью.

– Существует три типа людей: те, кто видит; те, кто видит, когда им показывают; и те, кто не видит, – приводит афоризм Доктор Хацуков. – Увидеть, распознать свою судьбу, прислушаться к советам старших и выбрать правильный путь дано не всем. Мне это удалось, и тем я счастлив.

Ибрагим ГУКЕМУХ

Хирург должен постоянно работать над собой

Заочно Аслана Юанова, как оказалось, я знал довольно давно: в Городской клинической больнице № 2, более известной нальчанам как «хасаньинская», пару лет назад проходил лечение один из моих близких родственников. Еще тогда я имел возможность немного понаблюдать его со стороны, хотя не знал еще ни его фамилии, ни специальности. Хирург Юанов обращал на себя внимание аккуратностью, спортивной подтянутостью и... молодостью. Впрочем, молодость – не порок, особенно для практикующего уже не первый год хирурга. Врачи этой специальности, помимо профессиональных навыков, должны обладать твердостью руки, точностью движений, ловкостью, молниеносной реакцией – то есть тем набором качеств, которые больше свойственны людям молодым. Судя по характеристикам, которые дают Аслану Аскербиевичу его коллеги и благодарные пациенты, эти качества у него присутствуют. Более того, почти ежедневная практика, помноженная на советы старших товарищей, и стремление к самообразованию способствуют совершенствованию мастерства.

– Любой врач, и в особенности хирург, должен постоянно работать над собой, изучать специальную литературу, быть в курсе всех новшеств, – говорит Аслан. – Это, если можно так сказать, подводная, невидимая пациенту часть айсберга, но без самообразования врач обречен на неуспех, в случае же хирурга такой неуспех может привести к самым печальным последствиям, нередко к гибели больного.

Детство Аслана прошло в родном селении Шалушка, и было оно приблизительно таким же, каким бывает детство у большинства сельских мальчишек: школа, друзья – соседи и одноклассники, совместные игры и, конечно, родительский дом, в котором роль хранительницы семейного очага играла мать – Римма Мурадиновна. На ее плечах во многом лежала забота о детях – кроме Аслана в семье Юановых подрастала и младшая дочка Рената, которая сейчас работает ведущим специалистом в министерстве труда и социального развития КБР.

Свой профессиональный выбор Аслан Юанов, по его словам, сделал еще будучи учеником шалушкинской первой школы. Что подтолкнуло его к этому? Какие примеры? Возможно, пример отца – Аскерби Аминовича, который начинал свой трудовой путь в качестве ветеринара. Наш герой отвечает на это вопрос не сразу, тщательно обдумывает ответ:

– Сейчас сложно сказать, почему я выбрал медицинскую стезю. Наверное, было здесь и влияние отца, однако я не стал бы говорить о каких-то профессиональных семейных традициях и «врачебной династии». С определенностью могу сказать лишь одно – врачом я хотел быть всегда, с самого детства, а по мере взросления лишь укреплялся в этом решении.

Кстати, если нельзя пока говорить о династии, то о семейственности – вполне возможно, так как есть в семье Юановых еще один врач – супруга Аслана, Карина, работает в Городской клинической больнице № 1 врачом-терапевтом. А какой выбор сделают их дети – дочери Айна и Айсана – пока говорить рано, старшая, Айна, только начала ходить в школу, а маленькой Айсане всего три годика. Сам Аслан влиять на выбор профессии детей, по его словам, не собирается – быть врачом, это не только большая ответственность, но и тяжкий, ежедневный, а порой и еженощный труд.

– Операции у нас всю неделю, – говорит Аслан. – С понедельника по четверг – плановые, а в среду, пятницу и воскресенье оперируем экстренных больных. Конечно, не я один оперирую, тем не менее, работы хватает с лихвой. Контингент больных у нас преимущественно городской, но по направлениям обращаются и жители районов. Таких примерно 30–40%, ведь теперь каждый гражданин России может проходить лечение там, где он желает.

Своим наставником Аслан считает главного врача ГКБ № 2 Хадиса Баталовича Боттаева, под чьим руководством он работает уже десять лет. Начинал же с самых азов – еще в бытность студентом долгое время работал санитаром в операционном блоке Республиканской клинической больницы. По окончании учебы в университете в 2004 году прошел интернатуру, стал хирургом общей практики, или, как говорят сами медики, «полостником». Желание профессионально развиваться, осваивать передовые методы и технологии привело Аслана Юанова в аспирантуру, по окончании которой, в 2006 году, он защитил диссертацию на соискание степени кандидата медицинских наук по теме: «Состояние функциональной метаболической активности у больных холециститом и панкреатитом». Актуальность этой темы определена самой жизнью. К сожалению, в наше время очень много людей, в том числе молодежи, злоупотребляет нездоровыми, низкокачественными продуктами, алкоголем, курением, и такие болезни, как вышеуказанные холецистит (воспаление желчного пузыря) или панкреатит (воспаление поджелудочной железы) становятся все более распространенными.

Мы следуем через вестибюль, минуем стол регистрации больных, осматриваем палаты и процедурные кабинеты. Обращаешь внимание на

две вещи: на царящую всюду чистоту и молодые лица сотрудников больницы. Понятно, почему больные со всей республики и даже из соседних субъектов нашего региона стараются попасть именно сюда – в ГКБ № 2. Вместе с тем задаешь себе вопросы: «Почему же в других лечебных учреждениях Нальчика – больницах и поликлиниках – нет даже тени такого порядка и чистоты? Почему у нас стало нормой проводить больных друзей и родственников в неурочное время и едва ли не целыми семейными кланами? Почему такого рода массовые посещения, непременно должны сопровождаться обильным кормлением больного и громким обсуждением различных проблем непосредственно в палате, на виду и на слуху у тех, кто лежит на соседних койках?» Адресую эти вопросы нашему герою.

– Как говорится, рыба гниет с головы, – отвечает Аслан Юанов. – Все зависит от руководителей и, конечно, от главврача. Хадис Баталович всегда уделял и уделяет много внимания вопросам дисциплины и чистоты. Дело в том, что он сам практикующий хирург, непосредственно занятый лечебным процессом, а не чиновник в белом халате, который изредка покидает свой кабинет. Что касается молодости нашего медперсонала, то и этому есть рациональное объяснение. Молодой человек легче воспринимает те или иные дисциплинарные установки, у него отсутствует негативный опыт предыдущей работы и ему не надо перестраиваться и притираться.

Аслан Юанов уже несколько лет сочетает врачебную практику с преподавательской деятельностью на кафедре общей хирургии медицинского факультета КБГУ. Он не только обучает студентов. В его задачу входит также и отбор будущих профессиональных кадров для своей больницы.

– Наш главврач руководствуется в своей работе несколькими основными принципами, и мы стараемся следовать его примеру, – объясняет Аслан. – Во-первых, это дружелюбное отношение ко всем, кто к нам поступает. Во-вторых – добросовестное и доскональное выполнение своих профессиональных обязанностей. В-третьих, мы оказываем помощь независимо от социального и материального положения больного, независимо от того, пришел ли он к нам на своих ногах или был привезен на скорой помощи.

Последнее, на мой взгляд, сегодня особенно важно. Ни для кого не является секретом, что во многих лечебных учреждениях встречают и оказывают медицинскую помощь «по одежке», вернее, в зависимости от платежеспособности того или иного больного, а это несовместимо с понятием «бесплатное медицинское обслуживание». По словам Аслана Юанова, на нынешнем этапе ГКБ № 2 на 100% обеспечивает своих больных всеми необходимыми медикаментами. Неплохо обстоит дело и с новым оборудованием – по программе модернизации здравоохранения больница получила эластограф (прибор для определения состояния печени), современную УЗИ-аппаратуру, лапароскопическое оборудование, биохимические анализаторы и многое другое.

– Я считаю, что многие граждане нашей республики выезжают на различного рода обследования и лечение в другие регионы больше по

давно укоренившейся привычке, нежели по необходимости, – говорит Аслан. – Действуют старые стереотипы. Люди просто-напросто привыкли к мысли о том, что у нас отсталая провинциальная медицина, дефицит грамотных специалистов и современного оборудования. Но за последние годы положение существенно изменилось, и, по моему мнению, большинство заболеваний можно успешно лечить и здесь. В то же время, нельзя забывать, что больница – эта последняя инстанция, куда мы обращаемся. Сам факт такого обращения в большинстве случаев свидетельствует о том, что до этого момента мы безответственно относились к своему здоровью, не берегли себя. Госпитализация почти всегда – крайняя мера. Даже в нашем стационаре в год умирают от 15–17 человек, раньше было и того меньше – 5–6 смертей, но такой рост смертности объясняется отнюдь не падением качества лечения, а общим ухудшением здоровья населения, связанным с плохой экологией, некачественными продуктами питания, стрессами. Вопросы здоровья часто отодвигаются нами на третий, а то и на четвертый план. Мы перестали следить за своим самочувствием, слушать свой организм, укреплять и тренировать свое тело. На первом месте для многих людей сегодня стоят материальные вопросы, добывание денег. При этом они забывают, что здоровье не купить ни за какие деньги.

Сам Аслан, не в пример многим своим современникам, находит время для занятий физической культурой, и в особенности любимым футболом. Играет обычно с коллегами по работе.

– Я увлекся футболом еще в детстве, и сейчас стараюсь по возможности не пропускать матчей с участием таких клубов, как «Челси», «Барселона», московский «Спартак». Болею, конечно, и за «Спартак-Нальчик», и вместе со всеми поклонниками нашего клуба надеюсь на то, что ему удастся удержаться в премьер-лиге.

Ирина СЛАВА

Что есть кто...

Мухамед Хабасович Гонов – главный редактор региональной газеты «Что? Где? Почему?», дипломант III Всероссийской премии «Лучший молодой предприниматель года 2011» в Кабардино-Балкарии в номинации «Лучший молодой предприниматель в области маркетинга, рекламы и PR».

Когда сегодняшний успешный молодой бизнесмен заканчивал чегемскую школу в 1998 году, он был очень далек от издательской деятельности. На тот момент Мухамед видел себя в качестве бравого офицера, как было «модно» в то время. А сегодня, рассказывая о себе в качестве главного редактора газеты и анализируя свои «вчерашние» представления о жизни, он может посмеяться над

своей наивностью и ошибками, поблагодарить всех, кто помог ему в его становлении, и тех, кто сегодня работает с ним бок о бок:

«В то время было очень модно среди молодежи поступать на юридический факультет. Я же не мог отставать от всех. Вот и получил юридическое образование, «как все», – иронизируя по поводу себя, повествует Мухамед. – Закончив учебу и приступая к работе судебного пристава, я все еще сохранял в себе представление об образе этакого героя. Только проработав около года, осознал, что работа не приносит удовлетворения. Я понял, что не судьба, а я сам сыграл над собой нехорошую шутку, выбрав себе деятельность, которая была совсем не по душе. А ведь все школьные годы я посещал всевозможные творческие объединения. Мне всегда нравилось рисовать, что-то создавать, экспериментировать. Но я проигнорировал свои желания при выборе профессии, поддавшись модному веянию времени и общественному мнению. Сегодня я понимаю, что это было ошибкой. И могу однозначно сказать, что при выборе профессии обязательно надо прислушиваться к себе, своим внутренним ощущениям и потребностям. В таком случае профессия приобретает статус любимого дела. И ты получаешь неограниченные возможности в плане самореализации. Считаю, что мне просто повезло, что после увольнения по собственному желанию получил такую возможность. Мои

друзья, занимавшиеся на тот момент рекламным бизнесом, предложили поработать с ними, хотя в начале без особого энтузиазма, так как не видели во мне творческого человека. В начале нашей совместной деятельности я работал в качестве монтажника – собирал из частей готовые конструкции. В свободное время я рисовал на компьютере. Ребята, заметив мои рисунки и оценив мои дизайнерские способности, поручили выполнять уже дизайнерскую часть работы.

Так я и работал некоторое время, пока в 2009 году не получил возможность полностью реализовать себя. Это был период от возникновения идеи до ее реализации по созданию газеты «Что? Где? Почему?». Причем с самого начала, так сложилось, что я возглавил газету в качестве ее главного редактора. Здесь, конечно, пригодились и мои юридические знания, и творческое начало, заложенное природой. Но, безусловно, этого было мало. Путь от желания воплотить идею в жизнь и ее претворения был довольно тернист, особенно учитывая отсутствие должных знаний на новом поприще. Но, как я уже говорил раньше, если человек на своем пути, то все складывается как будто само по себе. Сейчас мне хочется отметить и поблагодарить за оказанную в тот период помощь Молодежное правительство при президенте КБР, в частности Амину Мижхожеву, которая является министром экономического развития в Молодежном правительстве. Следуя подсказанному ей направлению, я прошел курс программы обучения: «Основы предпринимательской деятельности. Коммерция инновационных разработок». Пришлось изрядно потрудиться, конечно, чтобы освоить на должном уровне разделы, предусмотренные программой:

- бизнес-планирование;
- основные подходы к созданию и развитию предприятия;
- правовые основы предпринимательства;
- маркетинговые стратегии;
- ведение деловых переговоров;
- искусство презентации;
- ведение деловых переговоров;
- самоорганизация и тайм-менеджмент;
- коммерциализация научных разработок.

Все это я сейчас намеренно вам подробно перечисляю, чтобы у тех молодых людей, которые прочитают статью и решат заняться собственным бизнесом, не возникало ложных представлений о легкости ведения дел. В любом случае нужно приложить максимум усилий, и, в первую очередь, в плане самообразования, чтобы впоследствии получать дивиденды. Я лично считаю, что именно благодаря этим полученным знаниям, например нам, удалось впоследствии выиграть грант министерства экономического развития республики. Плюс к этому – удалось избежать многих ошибок и временных трат.

На сегодняшний день наша газета, изначально задуманная как рекламно-информационная и входящая в международную ассоциацию «Все

для Вас» (членство в ассоциации «Все для Вас» – возможность путем подачи объявления в региональную газету размещения его по всей России и в странах СНГ), переросла себя. Что я хочу этим сказать, к рекламно-информационной части мы добавили вкладку «Диалог», посредством которой предлагаем жителям республики возобновить «традиции некомпенсированной взаимопомощи», поведать друг другу, как научиться жить в современном обществе. Рассказываем о достойных людях, чья жизнь может служить достойным примером. А еще мы предлагаем «Диалог» в качестве стартовой площадки для пробующих себя на литературном поприще; для тех, кто желает самосовершенствоваться, развиваться и достигать в жизни успеха и внутренней гармонии. Много внимания мы уделяем правовому просвещению наших читателей. Помня о своих трудностях в плане становления бизнеса, совмещаем публикации бизнес-идей с рекомендациями в данном направлении.

Еще одним из новых направлений нашей деятельности является приобретающая все большую популярность среди наших жителей информационно-справочная служба. Наша справочная – своеобразный навигатор, который раскроет подробную информацию о лучших фирмах республики, подскажет желающим, кем представлен лучший ассортимент, где какая ценовая политика, как и на чем удобнее добраться до нужного места. Наши услуги в данном направлении эксклюзивны.

Ни для кого не секрет, что сегодня развитие Интернета идет семимильными шагами. Все большее количество людей ищут и находят информацию во всемирной сети. Естественно, что мы, как компания, идущая в ногу со временем, предусмотрели развитие и в этом направлении. Voganet.ru – дизайнерская студия по созданию сайтов, – наше новое детище. Все большее количество фирм, организаций заказывают у нас создание сайтов.

Но самое большое богатство компании, на мой взгляд, это, конечно, сотрудники: менеджеры, операторы, дизайнеры, программисты, журналисты и другие. У нас сложился коллектив единомышленников, представляющий собой команду лучших специалистов, где каждый на своем месте помогает держать правильный курс нашему большому кораблю. Так что признание меня как одного из лучших молодых предпринимателей республики министерством по делам молодежи КБР и Ассоциацией молодых предпринимателей России – это и признание заслуг каждого из них. Я всем благодарен и надеюсь на наше дальнейшее продуктивное сотрудничество».

Марианна ЖЕМУХОВА

Как Кученей стала Марией

3 сентября (по старому стилю – 21 августа) исполнилось 450 лет со дня бракосочетания Ивана Грозного с дочерью Темрюка Идарова Кученей, получившей после крещения имя Мария. И хотя кабардинская княжна прожила в браке с русским царем не более восьми лет, этот союз вот уже 450 лет волнует умы потомков.

1

Люди, сведущие в истории Нальчика, хорошо знают, что монумент женщины со свитком в правой руке, стоящий в центре города, списан с образа Сони Шериевой, которая долгие годы была ведущей танцовщицей ансамбля «Кабардинка» и стала олицетворением черкешенки как таковой. Данный факт не мешает скульптуре продолжать именоваться «памятником Марии», а прилегающей территории – быть излюбленным местом встречи отдыхающих. Несмотря на то, что мы узнаем об этой женщине с первых лет сознательного обучения в школе, личностный образ Марии Темрюковны все еще остается легендой, скрытой под восторженными отзывами поклонников и негативной оценкой недоброжелателей.

«Ущытмэ – дальэ, ущыльмэ – убзэ». Смысл этой кабардинской поговорки можно объяснить примерно так: «Если ты твердо стоишь на ногах и уверен в своей безопасности – действуй смело; если же твоя жизнь или честь под угрозой – оставь гордость и найди подход к сильному покровителю». Вне контекста этой народной мудрости трудно понять, почему верховный князь Кабарды Темрюк Идаров для своей младшей и любимой дочери Кученей не нашел лучшего зятя, чем Иван Грозный.

Двух старших дочерей Темрюк также выдал за иноплеменников. Алтынчач – старшая дочь – была женой астраханского княжича Бекбулата, средняя Малхуруб приходилась снохой правителю Ногайской Орды князю Исмаилу. Но оба эти племени были одной веры с кабардинцами, и у девушек не было другого препятствия для адаптации в новой семье, кроме языка. К тому же родственные княжества не были так сильно удалены от Кабарды, как далекая Московия.

Кученей, которой не исполнилось еще шестнадцать, предстояло помнить имя, веру, народ, язык и среду обитания. Ситуация усугублялась еще

и тем, что Иван Грозный, горячо любивший свою первую жену, потерял ее лишь год назад и согласился жениться лишь по настоянию бояр и так называемой государственной необходимости. Ему было 31 и, несмотря на широкую образованность и набожность, царь имел репутацию непредсказуемого человека с жестокими наклонностями и порочным нравом, от родства с которым дипломатично отказались три государственных правителя.

Есть такое понятие – веление времени. Это ситуация, в которой отдельный человек или группа людей вынуждена делать выбор, хотя действовать не хочется совсем. Чаще всего это происходит по соображениям безопасности, когда ты вынужден защищаться, чтобы спасти менее сильных, чем ты сам. Образ Темрюка Идарова, который рисует Шора Ногмов в «Истории Адыгейского народа», показывает нам человека, для которого достойная смерть не менее ценна, чем достойная жизнь, если речь идет только о нем самом:

Кабардинский князь Темрюк Маремшаевич Идаров, выйдя из юношеского возраста, помышлял единственно о подвигах великодушной храбрости. Душа его пылала желанием прославить себя воинскими подвигами и возбуждать древнюю славу адыгейского народа, жившего спокойно под управлением своих старшин и старшего брата его, князя Кемиргоко <...> Он давно уже приготовился к перенесению воинских трудов. Он презирал удовольствия роскоши, никогда не имел палатки и спал под открытым небом на войлоке, а под голову клал седло. Он питался конским мясом и сам жарил его на углях. Каков был предводитель, таково было и войско. Гекуоки сохранили для потомства еще одну прекрасную черту его характера: князь Темрюко Идаров не хотел пользоваться выгодами нечаянного нападения, но всегда заранее объявлял войну своим неприятелям. Он посылал сказать им: иду на вас». (Шора Ногмов, История адыгейского народа.)

Не секрет, что правители часто делают поступки, непонятные для современников, пока время не расставит все на свои места, а потомки не убедятся, насколько вынужденным был каждый их шаг. К примеру, если бы Темрюк Идаров жил в 20 веке и был более защищен как князь и предводитель народа, он поступил бы так же великодушно и эффективно, как это сделал Хавжоко Саид Муфти, когда к его дочери посватался король Иордании Хусейн. «Черкесы не имеют обычая принуждать своих дочерей в выборе спутника жизни, поэтому пусть она сама даст ответ», – ответил премьер-министр своему королю. Рассказывают, что Магдален Хильми, а это была именно она, поблагодарив короля за оказанную честь, посоветовала ему жениться на представительнице своего народа: родовая память у человека слишком сильна, так что она никогда не перестанет быть черкешенкой, как он – арабом. Эту женщину весь черкесский мир от Нальчика до Нью-Йорка знает и любит как Мажду Хавжоко, стоявшую у истоков МЧА (Международная Черкесская Ассоциация) и вложившую в дело возрождения своего народа не меньше, чем Темрюк Идаров, историческая ситуация которого была совершенно иной.

После того как пал султанат черкесских мамлюков, а последний правитель Туманбай был повешен по приказу турецкого султана, захватившего власть, весь мусульманский мир, находившийся перед этим под управлением египетских султанов-черкесов, оказался под властью Турции и ее союзников. «Оторванные в раннем детстве от отчизны, черкесы-мамлюки, защищая свою новую родину – Египет и Сирию, сражались с тем же противником, что и их близкие далеко на Кавказе», – пишет известный историк Олег Опрышко о сложности этого исторического периода для черкесов всего мира.

Кабарда была вынуждена искать покровительства или у представителей иной веры, каковой была освободившаяся от монголо-татаров Русь; или же у отколовшихся от Золотой Орды, но не попавших под влияние Турции княжеств. После захвата Астрахани и Казани русским царем, границы Руси еще больше приблизились к Кабарде, так что надо было решить, в каких отношениях состоять с новым русским государством: дружественных или враждебных. Крымское ханство – с одной стороны, дагестанское шамхальство – с другой, Турция, мечтавшая о гегемонии над всем мусульманским миром – с третьей стороны угрожали Кабарде потерей независимости. А уважающие себя кабардинские князья, сами искавшие покровительства на стороне, могли стать опорой только под давлением силы.

Повезло ли Кученей, благодаря сложной исторической обстановке, или же она стала ее жертвой, пусть каждый толкует по-своему. Мы видим лишь то, что Темрюк Идаров выбрал наименее болезненный вариант для своего народа, пожертвовав отцовской привязанностью. Эту непростую ситуацию эмоционально показала дочь обоих упоминаемых нами народов кабардинская поэтесса Инна Кашежева:

Прости меня, дочь, –
Ждет тебя кабала, –
За то, что я князь,
Что в беде Кабарда...

Та же мотивация приписывается Идарову в романе Исхака Машбаша «Адыги»:

– Я и моя жена всегда хотели при своих дочерях иметь в зятях адыгов, но судьба распорядилась иначе. Заботясь о благополучии и покое своего народа, я сделал своих дочерей как бы заложницами урусов и ногаев <...>

– Что делать, Темрюк, – вступил в разговор князь Жанбек, – сколько людей на земле, столько и дорог. У каждого она одна, своя <...> Раз твоя дочь стала царицей, значит, она пришлась по душе самодержцу, вот через нее ты и проводи свою линию. Пусть царь Иван заберет обратно свой договор с Турцией, потом поможет адыгам создать свое государство, и будет оно верным Руси. Верным защитником южных ее границ».

Можно сомневаться в мотивах кабардинского князя, тем более что литературное произведение – не исторический документ. Но литература, как и искусство, успешно передает намеки, а именно – невысказанную интуицию народа, что по сути чаще всего и оказывается правдой.

3

Повествователи единодушны в том, что дочь Темрюка после крещения получила имя Мария. Однако гипотезы о том, какое имя носила девушка до замужества, различны. По одной из версий, ее выдвигает Шора Ногмов, ее звали Мариан:

Князь Темрюк Идаров, видя избалованность и худые нравы кабардинцев, беспрестанно помышлявших о набегах и грабежах, решил отправить своих детей, сына и дочь, на воспитание в Россию. Выбравши из кабардинцев достойного и верного человека, он поручил ему детей доставить в Москву и отдать их для воспитания царю Иоанну Васильевичу. Сын его назывался Салтан, а дочь Мариан. Вскоре по прибытии в Россию они приняли святое крещение, в котором названы – сын Михаилом, а дочь Марией. Кабардинцы прозвали Михаила Урусъкан, т. е. «воспитанник русского». (Шора Ногмов, История адыгейского народа)

Хотя у нас нет оснований не доверять Шоре Ногмову, дочь Темрюка Малхуруб после замужества своей младшей сестры в одном из писем обращается к ней по имени Кученей. Однако мы не знаем, имя ли это, данное при рождении, или домашнее прозвище.

Источников, выдвигающих версию о том, что Кученей приехала в Москву задолго до замужества, также несколько. В документальных повествованиях высказывается предположение о том, что девушку специально привезли как невесту за год до бракосочетания для того, чтобы научить ее языку и дворцовым манерам. Однако это не представляется возможным, так как первая жена Грозного Анастасия умерла лишь в августе 1560 года, а царь к ней был горячо привязан.

Не вызывает доверия и книга Елены Арсеньевой «Браки совершаются на небесах», где кабардинская княжна, переодетая в сокольничего, якобы пленила царя на охоте, устроенной ее братом в честь государя. Сюжет и литературный уровень романа настолько оставляют желать лучшего, что читать его, а тем более ассоциировать его героиню с дочерью Темрюка Идарова, не представляется возможным.

Наиболее убедительной кажется версия, по которой Кученей была привезена в Москву как возможная невеста царя, которую, прежде чем принять решение, он должен был увидеть. Предыстория же этой второй женитьбы такова. После смерти любимой жены Анастасии царь долгое время избегал людей и вел уединенный образ жизни набожного человека так, что окружающие забеспокоились о его здоровье. Когда же его уговорили вернуться «в мир», в характере Ивана Грозного начали проявляться все признаки неорганизованной семейной жизни. Опасаясь плохих последствий для себя и государства, бояре приняли решение немедленно

женить государя, в чем убедили и его самого. Грозный дал себя уговорить с условием, что невеста будет непременно из иностранных государств, что подтверждает гипотезу о том, что брак изначально был задуман как политический.

Правители Польши и Швеции, куда были посланы первые сваты, не ответили прямо отказом, но выдвинули невозможные для русского государства условия. Польша, которая всегда находилась с Русью в холодных отношениях, потребовала часть русских земель в качестве условия союза. Швеция, во власти которой уже находились кое-какие русские земли, не была намерена их возвращать, поэтому тоже отнеслась к предложению без энтузиазма.

Третья группа послов, в которую входили Семен Мякинин и Федор Вокшерин, была отправлена в Кабарду «у Черкасских князей дочерей смотреть». Но поскольку дорога была длинной, а вестей от послов не было, царь послал сватов еще к западноадыгским князьям. Однако их территория уже была под влиянием крымских татар, и посланцы не смогли выполнить поручение, а связи западных адыгов с Москвой надолго оборвались. Эта ситуация также подтверждает, что выбора не было не только у Темрюка Идарова, но и у Ивана Грозного.

Десять месяцев спустя царские послы вернулись в Москву. Свидетельства повествователей сходятся на том, что это был день 15 июня 1561 года, выпавший на воскресенье, что для будущей царицы христианского государства считалось благоприятным признаком. Кученей до венчания предстояло участвовать в трех событиях. Первое – смотрины царя, после которых он решит, быть ей его женой или нет. Второе – крещение, и третье – переименование.

4

Факты, говорящие о том, как и когда увидел Иван Грозный Кученей Темрюковну, также разноречивы. По одной из версий, когда послы русского царя прибыли в Кабарду и передали желание царя видеть дочь Темрюка Идарова, последний отказался отправлять ее в Москву из-за того, что царь не высказал твердого намерения жениться на ней. Иван Грозный же в ответ на это, приказал нарисовать портрет девушки и привезти ему в Москву, чтобы он мог дать окончательное решение, что и было сделано. После того же как портрет пришелся по душе государю, он приказал привезти Кученей в Москву в качестве невесты.

В древних летописных произведениях есть немало упоминаний об этом браке. Наиболее близким тематически и исторически к рассматриваемому событию является произведение неизвестного автора 17 века «Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне», в которой также выдвигается версия о том, что царь сначала увидел портрет красавицы, а после этого объявил ее своей невестой. Однако по этой гипотезе Темрюк Идаров сам был инициатором бракосочетания, и сделал он это по совету подвластного Руси астраханского князя Шихалея: *«И пишетъ*

мурзЪ черкасскому ШихалЪй: «Теврюгъ Юнгичь! Покорися грозному и силному государю нашему царю Ивану Васильевичу. Онъ тебя, государь нашъ, не вѣдаешъ чѣмъ пожалуетъ. Азъ и царь, да ему, государю, покорень и слуга его водный». Мурза же глаголетъ ШихалЪю: «Царю ШихалЪй! Отпиши царю своему Ивану Васильевичу: аще едиnorodную мою и прекрасную и любезную дочь Марию Теврюговну поиметь за себя царицею, то с нею и до устья реки Волги, до моря и въверхъ по Яику и съ черкасы поклонюся ему, государю». (Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне.)

Повествователь для усиления эффекта целомудренности и красоты девушки подробно описывает процесс изготовления портрета и то, что его не позволено было увидеть никому постороннему, кроме Шихалея, который выступал в роли свата, а также дяди Ивана Грозного, который стал свидетелем восхищения царя красотой своей невесты: «И иземь образ писанный, его же ШихалЪй-царь приславъ из Златые Орды, царицны Марии Теврюговны, и удивися добротЪ ея и лЪпотЪ лица ея. И рече дяде своему Никите Ивановичу: «Видиши ли лЪпоту и доброту сию пресвѣтлую? Въ выборе у меня велможскихъ дѣтей — благообразныхъ дѣвъ болши 100 было, а ни одна не судить половиною сицевья красоты и доброты, никоторая из нихъ не судить!» (Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне.)

Многие факты данной повести вызывают сомнения: год женитьбы (1564), возраст невесты (19 лет), отчество Темрюка (Юнгич) и некоторые другие. Мы приводим его лишь для того, чтобы у читателя была возможность сравнить разные взгляды на одно и то же событие, как в историческом, так и географическом контекстах.

В некоторых исторических работах можно увидеть изображение Марии Темрюковны, который показывает нам милостивую девушку с тонкими чертами лица, достаточно красивую, чтобы приглануться по портрету. Она совсем не похожа на женщину средних лет, стоящую в центре Нальчика. Однако человеческие черты Марии все еще остаются загадкой, подобной той, что скрывает от нас личность прекрасной Елены, из-за которой разрушилась славная Троя. Что касается Марии, причина этого явления, вероятнее всего, кроется в той простой истине, по которой говорить и писать о царях во все времена было небезопасно. Несмотря на то, что каждая эпоха присоединяет что-то свое к уже известным образам правителей, как бы далеки они ни были, этот новый образ древнего героя становится визитной карточкой современников. За время, прошедшее с начала перестройки, Мария Идарова не перестала ассоциироваться с собственным, но не имеющим ничего общего с ней самой, памятником. Но ее личностный образ стал намного реальнее и естественнее благодаря развитию более свободного стиля как в науке, так и в литературе. К примеру, в известном романе-поэме Любви Балаговой «Гуашэнэ» («Царская любовь») Кученей выступает как бойкая, но послушная девочка – любимица отца, для которой он бережет своих лучших коней. Секрет черкесского воспитания состоит в том, чтобы, учитывая пол ребенка, в то же время не

ограничивать его способности к развитию из-за того, что он мальчик или девочка, если природные данные дают более широкие возможности. То, как проявятся его навыки, покажет судьба. То есть женщине можно быть физически сильной, а мужчине – уметь готовить пищу или наводить уют в доме, хотя эти способности не демонстрируют. Надо быть готовым ко всему, потому что жизнь непредсказуема – такова философия полноценного физического воспитания. Мудрость данного подхода проявилась и в судьбе Марии, которая стала предметом восхищения бояр не только из-за своей красоты, но и чрезвычайной гибкости характера, что было важно с таким непредсказуемым супругом, как Иван Грозный. Однако вернемся к смотринам царя, которые завершились для Кученей настолько успешно, что царь принял решение немедленно крестить невесту и совершить обряд бракосочетания.

5

Обряд крещения совершил митрополит Макарий. Это был день 22 июля, который считался днем именин матери Иисуса Христа Марии, чье имя и получила Кученей после принятия христианской веры. По традиции, в качестве подарка, жених преподнес невесте крест из чистого золота. Венчание состоялось 21 августа (по новому стилю – 3 сентября) 1561 года. Летописи передают, что в этот день колокольный звон церковью по всей Москве звучал так громко, что людям было трудно услышать друг друга.

Молодая царская жена не только быстро выучила язык, но и усвоила дворцовые обычаи. Однако предметом всеобщего удивления она стала благодаря тому общему для девушек, воспитанных в черкесской семье, умению приноровиться к мужу настолько, что чуждое общество восприняло это как хитрость. Женственная внешне и ловкая физически, Мария не только поддерживала мужа во всех начинаниях, но и сопровождала его верхом на охоту. По рассказам очевидцев, современное Рублево-Успенское шоссе в Москве проложено именно Марией. Молодая царская жена спокойно присутствовала не только на обычных дворцовых церемониях, но и на казнях и медвежьей охоте, что шокировало простых людей, которые ожидали, что она удержит царя от жестоких забав. Именно в этом обвиняют Марию Темрюковну русские историки, в частности Николай Карамзин, который, сравнивая ее с Анастасией, находит черкешенку потакающей интересам царя. Но как обвинить шестнадцатилетнюю девочку в том, что она, наученная угождать отцу и братьям, затем старается угодить мужу и использует все свои способности и умение радовать близких, не анализируя и не осуждая?! Именно Марии приписывается создание царской опричнины, которой определенное время руководил ее брат Михаил. Но хотя есть версия о том, что первая жена Ивана Грозного Анастасия умерла не своей смертью, редко высказывается предположение, что жизнь второй жены тоже была небезопасна. Мария должна была лавировать между трудным характером царя, который с каждым днем становился подозрительнее и недоверчивее, и интригами бояр против самодержца. Можно ли

ее обвинять в том, что созданная из благих побуждений, а именно – для защиты царя, опричнина постепенно превратилась в опасное войско?

Анастасия, по одной из версий, умерла от отравленного яблока. Возможно, сравнение слишком натянуто, но пушкинская «Сказка о мертвой царевне», на первый взгляд, не имея ничего общего с данным фактом, как бы описывает, насколько это было возможно. Некоторые литературные критики выдвигают гипотезу о том, что прототипом шамаханской царицы из «Сказки о золотом петушке» является именно Мария:

Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.

Эта версия тоже не вызывает доверия, однако она наводит мысль на то, что мы выше назвали интуицией народа, который, вырвавшись из-под 300-летнего монголо-татарского ига, все-таки хотел видеть в качестве царицы, используя современную терминологию, не «лицо кавказской национальности», а привычный славянский женский образ. «Он берет не у нас, в Москве, – говорится в народной «Песне о царской женьитьбе». – Он берет в иной земле»:

Царь Иван сударь Васильевич,
Содержатель он всей Руси,
Сберегатель казенной Москвы,
При блаженной его памяти,
Поизволил царь жениться:
Он берет не у нас в Москве,
Он берет в иной земле,
У того-ли Темрюка-Мастрюка,
Молодого Черкешинина,
Тое малую сестру.
Да свет Марию Темрюковну,
Он и много приданого берет:
Двести татаринов,
Полтараста Бояринов
И семь сот Донских казаков.
Что ни лучших добрых молодцов.

Черкесы появились в Москве задолго до царской женьитьбы, которая стала скорее последствием, чем причиной их прибытия в столицу. Но именно женьитьбе царя на кабардинке они обязаны своим дальнейшим продвижением до такой степени, что многие из них стали ближайшими соратниками царя.

С того события прошло более 450 лет. Срок достаточно длительный для того, чтобы прояснилась историческая суть этого события и улеглись противоречия. Однако их не становится меньше несмотря на относительную лояльность нашего времени к историческим фактам древности. Одни недовольны тем, что памятник не имеет ничего общего с самой Марией. Другие вообще считают этот брак оскорбительным для кабардинцев явлением. Третьим все равно, или они считают это событие фактом, заслуживающим меньше внимания. Каждый имеет право на свой собственный взгляд на данное событие и его отображение в городской культуре. В 2010 году в Нальчике открыт храм имени Марии Магдалины, которую приравнивают к 12 апостолам Иисуса Христа. Первый камень храма был заложен 1 сентября 2001 года, который считается днем смерти Марии Темрюковны. Она умерла через восемь лет после венчания. Не выжили также ее дети, которых, по одной из версий, было двое, по другим – один. О месте захоронения Марии трогательно написал Владимир Вороков в своей книге «Лицо кавказской национальности»:

«...скрежет давно не открывавшегося замка, звук стальных засовов, лягз металлических дверей. Спускаюсь по узким каменным ступенькам. В лицо пахнуло сыростью подземелья и вечностью. Кладбище саркофагов. Их много. Очень много. С трудом удалось отыскать среди каменных гробов ее, Марии Темрюковны, российской царицы из Кабарды.

– Это здесь, – сказал смотритель.

Надпись, выбитая на крышке, подтверждала сказанное...».

Сегодня уже нет необходимости искажать очевидные факты или дополнять их небывицами. Разумнее доверять самой истории, которая удерживает это имя в нашей памяти, но при этом не мешает одним из нас восхищаться Марией Магдалиной, другим – Марией Черкасской, а третьим – Магдален Хильми.

Исуф ГУКЕТЛОВ

Милосердие

Наш цивилизованный мир в эпоху глобализма принес нашему обществу, по весьма объективным причинам, немало прогрессивных изменений. Общество, как сложная динамичная система, находится в постоянном движении. Этот прогресс – необходимый и неизбежный процесс. Вопрос в другом, какая необходимость в том, чтобы создавая что-то новое и двигаясь в своем развитии, отвергать, отказываться от уже созданного, построенного хорошего, старого, но добротного? Зачем «разрушать все до основания для того, чтобы построить на том месте наш новый мир»?

Ведь были хорошие, добрые времена, когда люди вещи называли своими именами. Возможно, банально, но, было время, когда, не оглядываясь и не ориентируясь на какие-то политические установки и чиновничьи запреты, давали объективное определение именем существительным. Со временем слова эти уходили и вместо них появлялись новые, современные. Но непонятно другое: с уходом из употребления некоторые замечательные слова становятся архаизмами и растворяются в пространстве, а со временем и вовсе теряются.

Воспитанные в аристократической среде наши прошлые «господа» дворяне в светском обществе друг друга уважительно называли: «сударь, сударыня, господа, будь добра, будьте добры, милосердны» и т.д. В общем-то, слова эти никуда не девались, ими иногда и сейчас пользуются, но они потеряли смысл.

Медицину раньше называли учреждением милосердия, медсестру – сестрой милосердия и т. д. Слово-то какое: *милое* + *сердце* – слово само уже лечит больного. Если больной не относится с доверием и надеждой к лечащему его человеку, к врачу, пытающемуся ему помочь, мало чем помогут лечебные препараты.

Всекие политические и общественные амбиции, перевороты, революции, смены политических формаций непременно сопровождаются изменениями, переименованиями все и вся, и не всегда самыми лучшими.

Я не лингвист и не хочу брать на себя смелость распространяться в этой области. Цель моя скромна – хочется разобраться в том, куда мы так стремительно катимся, к чему придем, и какие духовные ценности принесла нашему, потерявшему нравственный, политический нюх, обществу так называемая массовая культура – уродливое дитя глобализма.

Разумеется, все аспекты поднятого мной пласта не решит эта небольшая статья. Тем не менее, если некоторая часть здравомыслящих людей – работников учреждений милосердия, прочитав эту скромную статью, иначе, по-божески начнет относиться к своим пациентам, буду считать, что не зря потеряно время.

Как говорится «все профессии важны, все профессии нужны...». Но мне кажется, есть самая главная на свете профессия, это профессия обыкновенного врача, доктора. Создателем миров ему и только ему доверено самое главное – жизнь человека.

Наверное, излишне повторять, насколько важен подбор абитуриентов, коллоквиумы с ними при поступлении в медицинские учебные заведения.

Обратите внимание:

1. Кто и как готовит молодых специалистов, работников учреждения милосердия?

2. По каким параметрам определяется его пригодность к выбранной профессии?

3. Кто и как несет ответственность за брак в работе уже дипломированных врачей?

Я далек от мысли утверждать, что поголовно у нас все плохо и выхода нет. К счастью хороших людей-профессионалов, замечательных медицинских работников у нас достаточно, и это не может не радовать.

В наших медицинских учреждениях работает немало замечательных, по-настоящему добрых людей, достойных уважения. О некоторых из них я и хотел написать. Когда готовился этот материал, я беседовал с моими друзьями – специалистами, медицинскими работниками, профессорами, докторами: Ахмедом Аслановым, Борисом Билимготовым и другими, дабы не допустить оплошности в оценках и суждениях в малоизвестной мне отрасли – медицине.

В этой связи я хотел вас познакомить, уважаемый читатель, с одним таким интересным милосердным человеком из моих давних друзей. Этот человек, можно сказать, в медицине прошел от солдата до генерала. То есть от студента медицинского института до профессора, доктора наук, организатора и руководителя Ассоциации аллергологов-иммунологов, главного врача Кабардино-Балкарского республиканского аллергологического центра – Светланы Ханафиевны Хутуевой.

Но прежде чем познакомить вас с этим лечебным учреждением, уважаемый читатель, поведаю небольшую предысторию.

В первые годы советской власти, когда большевики «все уничтожив до основания, решили свой новый мир построить», задумали для отсталых горянок построить акушерский пункт-дом. Сказано – сделано. В Былыме на горке сконопатили мазанку и надписали «Акушерский дом». Долго пустовало это «архитектурное чудо», не спешили горянки туда бегать рожать. Тогда в светлой большевистской голове главного коммуниста Мусукаева возникла новая идея – превратить это строение в амбулаторию. В новом статусе оно бы еще дольше пустовало...

Стоять и стоять бы этому творению главного балкарского коммуниста Мусукаева и его соратников в пустоте унылой, да случай одним махом изменил все.

В хорошие добрые времена (довоенные времена), когда в нашу республику совершали паломничество любители природы Кавказа: туристы, спортсмены-лыжники, альпинисты, различные путешественники, – среди них оказался один доктор-терапевт. Он и обнаружил, что Былым и поселок Эльбрус находятся на одной параллели с г. Кисловодском, где 360 солнечных дней в году. И что феноменальные климатические условия, уникальная флора образуют хвойные завихрения, чудодейственно влияющие на дыхательные органы людей с аллергическими бронхиально-легочными болезнями. Об этом услышал отец Светланы Ханафи Хутуев – работник Кабардино-Балкарского обкома партии. И вопрос будущей профессии дочери тогда и был решен для него. И результат пришел к ищущему. Таким образом, Светлана Ханафиевна создала в этом районе аллергологическую стационарную лечебницу, где лечатся астматики. В Долинске, при развале и разорении здравниц, она смогла отвоевать и отреставрировать одно здание и там организовать ныне действующий Кабардино-Балкарский аллергологический центр, где она является бессменным руководителем. Я дифирамбы петь и, тем более, писать не умею, да и мастеров этого жанра предостаточно, но об этом центре много пишут и говорят благодарные пациенты, коллеги, а также друзья Светланы Ханафиевны. В этом медицинском учреждении и сотрудники подобались ответственные, с материнской нежностью относящиеся к своим больным, милосердные, любящие свое дело люди. О них сама Светлана Ханафиевна говорит: «Что бы я делала без них и чего бы я стоила одна?» Побольше бы таких людей, и мир стал бы лучше и добрее.

Асият СЕМЕНОВА

Мир детства

Мой рабочий день начался как обычно: тяжелый подъем в шесть утра, легкий завтрак и – бегом на работу. Первый урок – литература в 6-м классе. Какое счастье, думаю я, подходя к кабинету, работа с шестиклашками намного интересней. Забегав сначала в учительскую, беру журнал и смотрю на часы. До начала урока всего лишь пять минут, быстрее в класс. В центре коридора сталкиваюсь с директором, которая, нарочито нахмутив брови, смеряет меня взглядом, дающим понять: «Опаздываешь, Мухамедовна, бегом на урок!». Наивно улыбнувшись на строгое приветствие начальника, мигом проношусь мимо и захожу в класс. Взглянув на милые сердцу детские лица учеников, преисполненная энтузиазмом, приступаю к работе. Вряд ли следует вдаваться в детали, как проходил урок, думаю, это никому не будет интересно. Более подробно хотелось бы остановиться на самих детях, на их внутреннем мироощущении.

Я люблю наблюдать за детьми, будь то робкий и шатко стоящий на ногах первоклассник или матерый «дед»-выпускник, потерявший интерес к школьным стенам и интересующийся исключительно будущей профессией и противоположным полом. Все они индивидуальны, и все они интересны по-своему. К примеру, Юлия из 6-го «Б» класса – девочка яркая, красивая, да и с интеллектом у нее все в порядке, хотя любви большой к учебникам с ее стороны я не наблюдала. Зато как она любит себя! Часто замечаю, как она украдкой на переменах наводит красоту со своим чудо-зеркальцем. И в процессе этого «действия» невозможно не заметить довольное выражение ее лица: ей явно нравится свое отражение! Впрочем, как и остальным. Ее любят, в особенности мальчики, ее ценят, Юлия – авторитет в классе. Возможно, всему виной не внешность, а личностные качества девочки, и, пожалуй, ее высокая самооценка играет здесь далеко не маловажную роль. Таких Юлиных аналогов в моей памяти немало. Отсюда ценный урок: относись к себе так, как ты бы хотел, чтобы другие относились к тебе, и это срабатывает.

Есть у меня также рыженький Анзор, сверстник Юлии. Мальчик очень любознательный, с живым, ярким воображением. За день он задает огромное количество вопросов самой разнообразной тематики, в

том числе и по религиозной части. Признаюсь, многие из них вводят меня в замешательство. И тут я подключаю своих коллег по цеху, и всем преподавательским составом находим, что ответить. Главное – правильно ответить, ведь вопросы-то далеко не детские.

Хотя Анзор и умный мальчик, успеваемость у него невысокая. «Вылезть из троек» обещает чуть ли ни каждую четверть, однако выполнить свои обязательства он, почему-то, не может, ссылаясь на те или иные причины. Его портрет будет неполным, если я не добавлю к его яркой внешности и чрезмерной любознательности бурную эмоциональность. Перепады настроения по нескольку раз за день – дело обычное. В особенности, его тяготит цвет своей шевелюры и ядерно-красные конопушки на лице. А так как по натуре дети жестокие, его дразнят то «ржавым», то «рыжим конопатым» и всякими другими колкостями. За это, он, как маленький хищный зверек, набрасывается на обидчиков, и иногда дело доходит до кулаков. Ему кажется, что весь мир ополчился против него и что Бог специально наказал (правда, шестиклассник не знает, за что) «ужасной» внешностью. Мальчик готов воевать со всеми, кто оскорбит его, и такая агрессивность меня иногда пугает. Я беседую с ним о его неоправданно низкой самооценке, привожу разные примеры, пытаюсь защитить от неправильных суждений и выводов, направляю в правильное, в моем понимании, русло и, надеюсь и верю, что из него выйдет сильный, мудрый человек, а от детских комплексов не останется и следа.

Закончив первый урок, я приступила ко второму. 11-й класс. В помещение заходят подростки, от которых за километр веет апатичностью и нескрываемой надменностью. В выражении их лиц черным по белому написано: «Я скоро уйду, и мне дела нет до какого-то там кабардинского языка, он мне не нужен». Я не говорю обо всех без исключения. Есть, конечно, и такие, кому безразличен родной язык, но они встречаются все реже и реже с каждым годом. Начинаю урок и чувствую, меня не слышат. Биография писателя, жившего век тому назад, им неинтересна. Они оживают лишь при показе небольшого фильма о нем или ярких иллюстраций.

Каждый раз, перед тем как начать урок в этом классе, я придумываю все новые и новые методы работы, чтобы хоть как-то их заинтересовать. Я понимаю, что, будучи максималистами, одиннадцатиклассники чувствуют себя чуть ли не всемогущими, и с таким «всесильным» контингентом учащихся, соответственно, нужно общаться на равных. Для них я – равный друг, отвечающий на их всевозможные каверзные вопросы и помогающий в разных трудных ситуациях. И я с удовольствием это делаю, изучая их и наблюдая за ними.

Еще в детстве можно понять, каким станет та или иная личность в будущем. Вот, к примеру, Адмир. Юноша статный, зеленоглазый и высокий. Учится хорошо и поведение прилежное. Казалось бы, и придаться-то не к чему. Идеальный ученик. Но, почему-то друзей у образцового парня практически нет. Он одиноко ходит по школе и вроде ничуть не

переживает по этому поводу. Однако меня это волновало, и я решила разобраться, в чем дело. Я не его классный руководитель, да и не школьный психолог, но душевное состояние моих подопечных меня всегда волновало. Сев напротив него, внимательно взгляделась в его глаза. И тут меня поразили леденящий душу холод, сквозивший в них. Начав разговор издали: о погоде, о его родителях, о старшей сестре, учившейся у нас, я потихоньку подошла к интересующейся меня теме – почему он одинок? На что Адмир ответил, что он не нуждается в друзьях, считая себя настолько самостоятельным, что легко может обойтись без их наличия в его спокойной, монотонной жизни. А такие понятия, как любовь, дружба или другие возвышенные чувства для него лишь пафосные, ничего не означающие слова, от которых его «тошнит». Главное для него – получить качественное образование и в последующем заработать хорошие деньги. И профессию он выбрал соответствующую – экономиста. А «сентиментальные» вопросы морали и высокой нравственности его не интересуют. Вот так! Я сижу напротив, смотрю на него в ступоре и думаю: до чего же этот молодой человек мне становится неприятен. Он смотрит прямо и открыто своими ровным счетом ничего не выражающими глазами, и я вижу, что, о ужас! – они действительно стеклянные. Я быстро отвожу взгляд и думаю: Адмир – подросток, у него мало жизненного опыта, отсюда и крайности, в будущем он изменится. Но что-то в глубине души мне подсказывало: это не так. Юноша как был черств душой, таким и останется. Хотя, кто знает...

Есть в этом классе и другой юноша с таким же открытым взглядом, но полный антипод Адмира. Мягкий и в то же время мужественный, искренний, с обостренным чувством справедливости, общительный и, что самое главное, очень добрый. «Рустамчик», так в школе все зовут его, настолько положителен, что все окружающие липнут к нему. Парень отзывчив и щедр душой: в любую минуту готов прийти на помощь. Хотя он и учится неважно, но все же я очень люблю его, так как от издает такой свет, от которого всем вокруг становится светло, тепло и комфортно.

Казалось бы, Адмир и Рустам – ровесники, но насколько же они противоположны друг другу...

Каждый день перед глазами проходят десятки лиц и характеров: добрые и злые, умные и не очень, наивные и хитрые, самостоятельные и наоборот, что невольно поражает – сколько же их: самых разных и самых непредсказуемых детей в этом мире. Впрочем, как и во взрослом, ведь все мы родом из детства.

Александр ПРЯЖНИКОВ

Чудо-речка Валерик, или Сказ про то, как поручик в одиночку Кавказ присоединил

Пролог

Являясь последовательным противником коммунистической идеи, я все-таки иногда сожалею о советских временах, когда межнациональные браки были нормой, а подавляющее большинство людей не проявляло интереса к «пятому пункту» своих соседей и коллег по работе.

Нынче же копать в родословных стало делом модным, и в этом не было бы ничего дурного, если бы полученные новые знания служили добру и взаимопониманию. В действительности же все получается с точностью «до наоборот».

Оговорюсь, меня занимает не сам факт подобных изысканий, в конце концов, он укладывается в знаменитую формулу Фридриха Ницше: «Человеческое, слишком человеческое». Меня занимает их правомерность.

Исторический опыт показывает нам множество ярких примеров, когда вовсе не кровь и не происхождение определяли судьбу, поступки и даже образ мысли той или иной личности. Причем, и первое, и второе, и третье выглядело в глазах современников столь нестандартно, столь противоречило ожиданиям и принятым нормам, что поддавалось объяснению только лишь действием или бездействием высших сил.

Какой-то системный сбой произошел в Небесной канцелярии, и долговзый мальчуган, зачатый среди туманов и болот сонной патриархальной Московии, объявил тотальную войну и самой Московии, и ее допотопному укладу. А спустя некоторое время на карте появилась современная морская держава с мощной регулярной армией и сильным флотом.

Другой сбой – и нищая немецкая принцесса из европейской глубинки становится самой русской из всех русских цариц и приводит Россию к невиданному доселе величию, где удачными войнами, а где по-женски тонкими дипломатическими интригами.

В августе 1769 года аналогичный сбой затронул корсиканский городок Аяччо, и в нем родился мальчик, который до самой смерти не добился чистого галльского произношения, зато заложил фундамент современной Франции, определил ее место в нынешнем мире.

Справедливости ради следует вспомнить: Третий Рейх построил не пруссак, Советский Союз – не славянин.

Но это – большая политика. В архитектуре, искусстве и градостроительстве таких примеров еще больше. Великолепие Санкт-Петербурга создавали французы Монферран и Фальконе, итальянцы Растрелли, немец Клодт. Мощь и славу русского флота воспел армянин Айвазовский. Самый величественный гимн мужеству русских воинов, песню «Врагу

не сдается наш гордый Варяг», сочинил австриец Рудольф Грейнци. Сын грузина и армянки Булат Окуджава вошел в историю как самый московский бард. Самыми православными, на мой взгляд, поэтами прошлого века были этнические евреи – Пастернак и Бродский. Стоит ли после этого удивляться, что русский юноша Михаил Лермонтов остался в литературе первым и непревзойденным певцом Кавказа?

Так, может быть, пресловутый «голос крови» совершенно ни при чем?

Кто ты, русский горец?

Родившийся 15 октября 1814 года младенец был потомком представителей русских фамилий: Арсеньевых, Столыпиных, Мещериновых и, конечно же, Лермонтовых.

Поиски его «горских корней» видятся мне несколько надуманными и неестественными хотя бы потому, что шотландцы – это, все-таки, не нохчи, не адыги и не галгаи. Да и между пленением поручика польской армии Джорджа Лермонта и рождением Миши Лермонтова пролегло почти два столетия, а, следовательно, тайна будущей любви к Кавказу кроется не в замысловатых сочетаниях аминокислот, а в той особой атмосфере, в которой мальчик рос и познавал этот мир. Назвать же ее благоприятной, полагаю, не придет в голову никому.

Его мать умерла от чахотки в 1817 году двадцати двух лет от роду. Что именно запустило губительный механизм неизлечимого недуга: слабое здоровье от природы или вспыльчивый характер супруга – о том гадать нет нужды. Для нас важен многократно подтвержденный факт: с трехлетнего возраста Миша Лермонтов стал предметом раздоров и угроз, торгов и шантажа между двумя любимыми людьми – отцом Юрием Петровичем и бабушкой по материнской линии Елизаветой Алексеевной Арсеньевой.

Опытные педагоги знают: такие дети напоминают улиток, с которых сорвали панцирь. Вырастая же, они становятся либо сверхчувствительными, одаренными натурами, склонными к невротическим реакциям, либо законченными циниками. По странной воле Провидения все эти качества перемешались в характере будущего великого поэта и дали причудливую картину, вроде той, которую он нарисовал на обложке рукописи своего юношеского романа «Вадим».

Родители наградили мальчика скверным здоровьем. Юрий Петрович, как и несчастная жена его, был обделен жизненной силой, много хворал и умер в сорок четыре года.

У маленького Миши появились признаки болезни, которую нынче именуют экссудативным диатезом, а прежде называли золотухой. Это слово звучало как приговор и приносило ребенку не только физические, но и моральные мучения. Золотуха уродовала внешность, покрывала кожу струпьями, а внешние изъяны, как известно, всегда приводят к издевательствам и насмешкам в жестокой детской среде.

Но в жизни человека ничего не бывает просто так: чадолюбивая Елизавета Арсеньева принимает редкое по тем временам решение и ве-

зет измученного внука к целебным источникам Пятигорска. Так, будучи младенцем, Лермонтов впервые поехал на Юг, где полным ходом шла война, где жестокий и бесталаный генерал пытался покорить тех, кому неведомо слово «покорность».

Дорога на Кавказ наполнена множеством открытий для впечатлительного русского мальчика. Ярким, жарким и солнечным становится лето, которое так не похоже на туманный и сырой среднерусский промежуток между нескончаемыми холодами и распутицами. От одного постоянного двора к другому меняется пейзаж. Вдоль дорог появляются деревья с колючими шипами, бесконечные фруктовые сады. И даже сама земля меняет свой цвет. Вот за спиной остается Дон и Северский Донец, и лошади скачут по пыльной дороге между богатыми и ухоженными казачьими станицами, и оказывается, на свете есть другая жизнь, отличная от угрюмой северной нищеты.

В междуречье Тузлова и Аксия путешественники ненадолго останавливаются на большом холме. Здесь строится совсем недавно заложенная Платовым столица Области Войска Донского. Мальчик не знает, что этот молодой город станет для него воротами в бессмертие, и в следующем столетии местные краеведы будут тратить уйму времени и сил, определяя адреса Михаила Юрьевича Лермонтова в Новочеркасске.

Еще несколько дней пути через прекрасные в своем однообразии степи, и ранним ясным утром на горизонте появляется горная цепь. Каменные часовые в белоснежных островерхих шапках застыли навсегда, чтобы охранять жизнь, честь и достоинство тех, у кого есть врожденное право жить рядом с ними.

Примет или не примет Кавказ пришлеца – от пришлеца, главным образом, и зависит. Что он взял с собой? Любовь, интерес и уважение или чванство, равнодушие и ненависть. Вот почему грозный исполин особенно благосклонен к детям. Тот, кому посчастливилось погостить на Кавказе в детстве, уже никогда не сможет избавиться от неодолимой тяги к здешним местам.

Миша Лермонтов впервые оказался в Горячеводске, известном ныне как Пятигорск. Целительные воды, вкусная еда, южные плоды настолько укрепляют здоровье ребенка, что бабушка привозит его сюда не единожды: благо ее родная сестра в свое время вышла замуж за армянина, и, став Екатериной Хастатовой, навсегда поселилась в краю застывших вулканов.

Но Кавказ меняет не только человеческую плоть, но и душу. Здесь Лермонтов встречается с людьми, никогда не знавшими рабства, слышит вокруг разномыслиющую речь, запоминает незнакомые слова, узнает немного странные для европейца, но мудрые и прекрасные обычаи горцев.

Здесь, на горячих водах Лермонтов знакомится с Шорой Ногмовым – полиглотом, ученым, выдающимся адыгским просветителем. Прекрасный собеседник – воспитанный и благородный – он был частым гостем в доме у Хастатовых, выезжал вместе с ними на пикники. Среди многочисленных способностей Ногмова был редкий педагогический дар, который интуитивно чувствуют маленькие дети, и Миша Лермонтов донимал об-

разованного кабардинца вопросами, а тот охотно объяснял ему местные обычаи, рассказывал старинные предания.

Когда Арсеньева вместе со своим внуком возвращалась в Тарханы, там уже шли затяжные осенние дожди. Низкие тучи цеплялись за верхушки мокрых деревьев. Природа готовилась к бесконечной русской зиме. Но ни это ненастье, ни будущие холода были не властны над мальчиком, в крови которого уже бурлило южное солнце, в его голове уже вызревали будущие шедевры русской поэзии.

Между «люблю» и «прощай»

Тема патриотизма в отечественной публицистике последних лет так сильно набила оскомину, что невольно хочется ее обойти, но в случае с Лермонтовым это сделать невозможно. И дело даже не в том, что мы говорим об офицере русской армии, а в том, что имеем дело с несчастным в России случаем индивидуального сопротивления системе.

Почему император Николай I, лично уважавший Пушкина, считавший его одним из умнейших людей в государстве, так упорно, так последовательно демонстрирует свою монаршую немилость не менее одаренному и не менее образованному потомственному дворянину?

Все дело в том, что молодецкое фрондерство Пушкина – скорее дань моде, некая игра, влияние среды, поголовно увлеченной масонскими идеями и вольтерянством. Такие бунтари не представляют опасности для власть предержащих. К тому же многочисленные заступники Пушкина всякий раз апеллировали к его эфиопским корням, а какой спрос с потомка «африканских дикарей»?

Лермонтов же открыто и настойчиво демонстрировал свое глубочайшее презрение к окружающей действительности. Это было системное противоборство одиночки. Противоборство обдуманное и осознанное, таящее в себе реальную опасность. К тому же Лермонтов был русским по крови, глубоко верующим человеком, воспитанным в православной традиции.

Трагическая гибель Пушкина породила на свет сверхэмоциональное, крепко-накрепко спаянное юношеским максимализмом стихотворение «Смерть поэта».

Почему же это произведение так взволновало императора Николая, который сумел усмирить и попытку гвардейского переворота, и холерный бунт, и польское восстание. Видимо что-то более грозное, чем требования конституции двадцать пятого года померещилось ему в этих строках. А для Лермонтова стихотворение стало личной Сенатской площадью, за что он и был отправлен из благополучного Петербурга на воюющий Кавказ.

Так кем же был этот несносный прапорщик? Предтечей нигилистов-шестидесятников, прадедом диссидентов позднесоветского времени?

Незадолго до своей гибели, в 1841 году Лермонтов пишет два стихотворения, одно из которых до сих пор звучит как переполненный гневом, резкий крик, другое – как искреннее признание, почти что исповедь.

Это хрестоматийные – «Прощай, немытая Россия...» и «Родина». Оба стихотворения старательно разобраны на цитаты, которые то и дело упоминаются вне основного контекста, оба заняли положенные им места в русской словесности.

Однако если избавиться свой рассудок от глупостей и догм, коими изобилует школьная программа, если забыть всевозможные повторы и самоповторы сотен и сотен безымянных литературоведов и прочесть два небольших стихотворения глазами человека первой половины XIX века, то может охватить невольный ужас.

«Ослепительным метеором промелькнул гений Лермонтова на сумрачном небе тридцатых годов», – писал о поэте советский нарком просвещения Анатолий Луначарский в 1926 году. Возможно, кому-то эти годы казались сумрачными, но для русских державников, составлявших стеной хребет империи они были светлыми и яркими.

Россия упивалась своей убедительной победой над «Антихристом-Наполеоном», наш флот блестяще показал себя в Наваринском сражении, талантливый и удачливый Паскевич приносил одну победу за другой, до севастопольского позора было еще очень далеко, и красноликое солнце великодержавного самодовольства вышло в зенит, чтобы, как казалось многим, остаться там навсегда.

Кто только не воспел это время патетическими виршами! Даже гениальный Пушкин не сумел сдержаться и отметился вымученным стихотворением «Клеветникам России».

И вдруг нижний офицерский чин, известный своими скандальными выходками и скверным характером, бросает в лицо своей стране восемь строк запредельной крамолы.

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Но не менее крамольно, чем эта звонкая оплеуха, выглядит и признание в любви.

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Новая пощечина общественному мнению, если вдуматься, куда тяжелее предыдущей. Наверное, одним из первых российских литераторов Лермонтов открывает, что помимо официальной и дозволенной любви к огромной державе, в сердце каждого человека живет чувство, куда более сильное – биологическая привязанность к так называемой малой родине.

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...

Спустя ровно сто лет эту мысль замечательно развил Константин Симонов в своем стихотворении, также названном «Родина»:

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке,
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Итак, в антологию русской мысли были вписаны две новые строки:
– можно быть бунтарем, оставаясь глубоко верующим человеком;
– можно быть патриотом своего родового гнезда, не испытывая восторга перед великой державой.

Несостоявшийся крестоносец

На родовом гербе Лермонтовых был начертан девиз: «SORSMEAIE-SUS», что в переводе с латыни означает «Жребий мой Иисус». Его предки носили военные чины от вахмистра до генерала. Двадцати трех лет от роду он был отправлен на Кавказ, где армия российского царя вела затяжную войну с горцами, не так давно принявшими Ислам.

Этих трех слагаемых было бы вполне достаточно, чтобы Россия получила реального романтического героя в духе персонажей великого шотландца сэра Вальтера Скотта. Однако русского Айвенго из Лермонтова не вышло.

Тому есть, как минимум, две причины.

Прапорщик Нижегородского драгунского полка во время своих детских поездок на Кавказ избавился не только от золотухи. Он получил прививку от человеконенавистничества и национальной гордыни, без

которых насильственное и осознанное насаждение собственных религиозных и политических постулатов просто невозможно.

Вторая причина кроется в том, что Лермонтов был *глубоко и по-настоящему* верующим человеком.

Споры о религиозности великих художников вечны, бесконечны и жутко спекулятивны. В пору моей школьной юности любой хрестоматийный автор от Гомера до Шолохова просто *обязан был быть* носителем «антиклерикальных» идей.

Нынче налилась силами и обросла научными степенями иная генерация дрессированных литературоведов. И во исполнение совершенно нового политического заказа они даже к масонским головам пытаются прилепить благообразные поповские бородки.

Но вернемся к нашему герою.

Внимательный и дотошный Дмитрий Мережковский однажды верно подметил, что в стихах Лермонтова практически не упоминается имя Христа. Прежде на этом основании делались ложные и безграмотные выводы о богоборчестве поэта. Хотя любой неопит, к какой бы конфессии он ни принадлежал, прекрасно знает, что походя и без надобности *такие* имена произносить негоже. И вообще, истинно верующему человеку претит публичное и нарочитое выражение своих религиозных чувств.

«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6:6).

Но когда наступает час испытаний, слабый и маленький человек просит защиты у Него.

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

За этим стихотворением 1839 года так и мерещится яркий и противоречивый образ Елизаветы Арсеньевой. Кто же, как не она, научила молиться своего горячо любимого внука.

И ведь не светским (иллюзиями по части справедливости светского суда Лермонтов никогда обременен не был) а Божьим Судом он грозит виновникам гибели Пушкина зимой 1837 года.

Но есть и Божий Суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли, и дела он знает наперед.

Можно привести еще множество цитат, знаменитое «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...», но это, в конце концов, слова. В творчестве Лермонтова есть идущее над словами, глубинное свидетельство подлинной Веры. Мир, изображенный им, несмотря на все свое великолепие, видится хрупким и эфемерным. Мир – иллюзия, игра света, яркий, но мимолетный мираж. И человек в этом мире – не хозяин, а случайный гость.

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.

Это искреннее ощущение краткости и уязвимости земного бытия стоит куда дороже показных поклонов и лицемерного аскетизма. И, наверное, прав был Луначарский, сравнив Лермонтова с метеором. Из вечности он посмотрел на этот мир, и ее серебристое сияние упало и на его стихи, и на его картины.

Крестоносца из него не вышло, поскольку только лишь глубоко верующий человек лишен напрочь какого бы то ни было фанатизма. Только верующий человек способен принимать как должное и уважать религиозные чувства своего ближнего, независимо от языка, цвета кожи и разреза глаз.

Живая сила мертвой воды

В русских сказках часто повторяется один и тот же сюжет. Чтобы оживить богатыря, его сначала поливают мертвой водой...

Приток Сунжи Валерик получил свое название от чеченского «Валар хи», что означает «речка смерти». Топонимика не допускает случайностей, а коли так, то на этих берегах человеческая жизнь стоила недорого задолго до 11 июля 1840 года, когда здесь произошло одно из самых памятных сражений Кавказской войны. Памятным оно стало именно потому, что великий поэт принимал в нем непосредственное участие.

Раз – это было под Гихами –
Мы проходили темный лес...

После этих будничных, как бы невзначай сказанных слов начинается столь подробное описание кровопролитного боя, что оно принесло бы славу любому военному корреспонденту. Но не историческая точность, какой бы ценной она ни была, а отношение к событию подняло стихотворение «Валерик» на невиданную в отечественной поэзии высоту.

Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались **удальцов**.

Батальная поэзия родилась не во времена Лермонтова. За сто лет до описываемых событий, еще никому не известный студент, обучавшийся в Саксонии минералогии и горному делу, написал знаменитую «Оду на взятие Хотина».

Кто с ним толь грозно зрит на юг,
Одеян страшным громом вкруг?
Никак Смиритель стран Казанских?
Каспийски воды, сей при вас
Селима гордого потряс,
Наполнил степь голов **поганских**.

Понятно, что в середине восемнадцатого века ни о какой политкорректности не могло быть и речи, и молодой Ломоносов не скрывал своего отношения к врагу. Эта традиция сохранилась и по сей день, тем удивительнее чувство, что испытывал Лермонтов, описывая сражение, в котором сам едва не погиб. А в том, что жизнь его висела на волоске, сомневаться не приходится.

Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» – и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» – и пошла резня,
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

Бой был тяжелейший. Потери русского отряда оказались ощутимыми: 71 убитый 265 раненных и контуженных, 8 пропавших без вести. На Лермонтова все это производит тяжелое впечатление, он рисует сцену похорон и даже после этого не испытывает ненависти к своим противникам. Уважительно именует их удальцами, будто речь идет не о войне, а о кулачной деревенской драке на Масленицу. И это происходит в то самое время, когда даже просвещенная петербургская публика называла горцев кровожадными дикарями. Не менее поразительны и другие строки:

Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.

Откуда такое равнодушие? Как правило, общая опасность сближает людей и понятие братства по оружию такое же древнее, как и сам человек. Оно было бы понятным и закономерным, не сумей Лермонтов заслужить уважение офицеров и солдат. Но нет, напротив, во время своей недолгой воинской службы он зарекомендовал себя не просто исправным, а очень одаренным офицером, сочетавшим личную отвагу, интеллект и заботливое отношение к солдату. Этим последним качеством всегда была бедна отечественная армия.

Непосредственный начальник поэта князь Владимир Сергеевич Голицын писал о Лермонтове: «... всегда первый на коне и последний на отдыхе...». Получить подобную характеристику от героя войны 1812 года было довольно-таки лестно. Голицын представил молодого офицера к золотой сабле «За храбрость». Но ни почетное оружие, ни орден Владимира с бантом, ни другие награды поэту поносить так и не пришлось.

Из итогового представления к наградам за 1840 год злопамятный император Николай самолично вычеркнул его имя. Однако в этом нецарском по своей мелочности поступке кроется воля Провидения. Как Пушкина, несмотря на его задиристый нрав и солидный список дуэлей, невозможно представить себе хладнокровным убийцей, также невозможно представить и Лермонтова с орденом, полученным за сомнительные ратные дела.

А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет? Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?»

Глубокие сомнения в справедливости целей и средств той войны – вот источник подлинных лермонтовских чувств. Он не шлет проклятия противникам, он не проливает слезы над погибшими товарищами. Он остается все тем же метеором, сторонним наблюдателем исторической драмы. Однако это не мешает ему написать гениальные строки.

«А много горцы потеряли?» –
«Как знать? – зачем вы не считали!»
«Да! будет, – кто-то тут сказал, –
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Поразительно! Двадцатипятилетний молодой человек, почти что юноша, сто семьдесят лет назад понял то, что до сих пор не могут понять убеленные сединами и наделенные властью политики, а именно – бес-

смысленность решения кавказских проблем при помощи военной силы. Итогом сражения на Валерике стали лишь десятки погибших и искалеченных людей с обеих сторон. Приток Сунжи подтвердил свое древнее название. Но случилось невиданное, слава стихотворения превзошла славу ратных дел. Река смерти вызвала к жизни живительные строки потрясающей силы и чистоты. Строки, которым уготована особая роль в истории Кавказа, истории России.

Эпилог

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

Честное слово! Не верится, что эти строки написаны шестнадцатилетним подростком. Не верится в такое глубокое, такое пророческое осмысление происходящих на глазах событий. Наверное, поэтому в наше время коронованного инфантилизма Лермонтов далеко не всем близок и понятен. И шеренги одетых по последней моде, стильно подстриженных Мартыновых браво маршируют от рассвета до вечера, чтобы на привале затянуть очередную верноподданническую галиматью.

Любители конспирологии проводят собственные расследования трагедии, случившейся 27 июля 1841 года в Пятигорске. Есть версия о том, что Мартынов то ли нарочно стрелял мимо, то ли вообще не стрелял, а Лермонтова убил подосланный киллер, затаившийся в кустах. Имеет ли это все значение теперь? Поэт выполнил свое главное предназначение и покинул этот несовершенный мир. В чем же это предназначение состояло?

В русской поэзии XIX века есть три столпа – это Жуковский, Пушкин и Лермонтов.

Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на берегу,
Чеченец иль Черкес сидел
Под буркой с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавой

Ужасною и величавой
Там все блистает красотой...

В. А. Жуковский
«Послание к Воейкову» 1814 год

Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.

А. С. Пушкин
«Кавказский пленник» 1820–21 годы

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

М. Ю. Лермонтов
«Кавказ» 1830 год

Жуковский назвал эту удивительную страну, Пушкин ее открыл и нанес на отечественную литературную карту, а Лермонтов Кавказ присоединил. Только не к империи, а к чуткому русскому сердцу, к отзывчивой русской душе. И, как знать, быть может, грядущее *замирение* Кавказа никогда не состоялось бы, не создай он Печорина, не напиши он своих стихов и картин.

Марьяна БАЛОВА,
аспирантка СКГИИ, 2 курс

История трансформации символики цвета

Цвет, как известно, один из решающих признаков окружающего нас мира, который доступен человеку и который является одновременно характеристикой объективной и субъективной.

Что же соотносимо с объективным в теории цвета? Известно, что цвет является некоторой физической реальностью, которую можно измерить, как и другие величины. Известно, что цвет имеет волновую характеристику и в силу этого может действительно физически влиять на состояние здоровья/нездоровья человека и культуры в целом. Вероятно, поэтому издавна люди пытаются лечиться с помощью различных свойств камней (драгоценных и полудрагоценных) – так называемая петротерапия (которая помимо свойств самого камня учитывает и цвет этого камня), или используя другие материалы различных цветов – цветотерапия.

Субъективен цвет в силу того, что мы видим мир в цвете неодинаково: кто-то ярче, кто-то точнее, а кто-то по-другому. Другая причина, по которой мы говорим о цвете как о субъективной категории, – это эмоциональная реакция на тот или другой цвет. У одного человека, к примеру, красный цвет вызывает положительную реакцию – развитие активности, творческих способностей, а другого он вызывает раздражительность, агрессию и т. д. Причем, как утверждают психологи, отношение к цвету меняется у человека в зависимости от эмоционального состояния человека. К примеру, на данный момент для него предпочтительнее наличие в его окружающем мире (в одежде, в дизайне квартиры и т. д.) бирюзового, синего; а завтра ему захочется красного или любого другого. Кстати, возможно такое отношение к цвету не в любой культуре, а в современном обществе. Когда воля человека, его личное желание ставится выше, чем культурные традиции и стереотипы. Все вышесказанное относилось к теме – цвет в жизни отдельного человека. Рассмотрим теперь вопрос о цвете в жизни культуры.

Цвет выступает как субъективная категория и в предпочтениях той или другой культуры. Так, мусульманская культура в сознании ассоциируется с зеленым цветом, славянская культура ассоциируется с пурпурно-красным в сочетании с белым (см.: Сурина М. О. Цвет и символ в искусстве, дизайне и архитектуре. С. 43). Значение цвета в разных культурах (символическое значение цвета) может быть разным, вплоть до диаметрально противоположного. Так, белый цвет в некоторых культурах (индийской, английской) означал траур, тогда как в известных нам культурах белый цвет является цветом праздника. В связи с тем, что человек цвету приписывает различные значения, которые обусловлены также культурными особенностями, и возникает понятие символа, символического значения цвета. Символическое значение цвета соотносимо также с субъективным в теории цвета. Так, желтый цвет любим в осетинской культуре и соотносим с таким значением, как доблесть, мужество и храбрость.

Помимо всего прочего есть цветовые символы общечеловеческого харак-

тера. Так, золотой – символ богатства; белый символизирует изначальность и чистоту; черный – символ небытия, конца, разрушения; синий, голубой – цвета неба, чего-то высокого и вечного; бирюзовый – цвет моря, прекрасной безмятежности, зеленый – цвет воскрешающейся растительности; красно-оранжевый – цвет огня, энергии и неустойчивости

Еще одним аспектом, связанным с функциями цвета в жизни человека и культуры является охранительная функция цвета, магическое использование цвета в традиционных культурах. Так, известно во многих культурах, что красный цвет защищает от глаза. Безусловно, можно в это верить или нет, но сам факт использования цвета в магических, религиозных обрядах не вызывает сомнения.

Цветовая символика кабардинцев и балкарцев также имеет свои особенности. Флаг нашей республики (КБР), точнее цветовые предпочтения, имеют два плана знаковости: Синий (голубой) соотносится в сознании с высоким небом нашей стороны, зеленый ассоциируется с нашим растительным миром, белый напоминает нам белоснежные вершины наших гор. Таков первый ассоциативный или символический план. Символы второго плана – чистота помыслов и нравов (белый), зеленый – символ возрождения, голубой (синий) – символ высоких целей.

Что касается цветовых предпочтений в быту, то исторически традиционная черкеска кабардинцев и балкарцев в цветовом плане была неприязнительна – она была из домотканого сукна черного, бурого, серого цвета. Зажиточные слои носили черкески белого цвета, а крестьяне – темного (см.: *Унежев К. Х.* Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. С. 62). Выбор темных оттенков, вероятно всего, диктовался не столько вкусовыми предпочтениями населения, сколько удобствами в ношении одежды (не нужно было очень часто стирать, не нужно было красить домотканое сукно). Белые черкески знати уже имели символический подтекст (стремление подчеркнуть свой высокий социальный статус и подчеркнутое отстранение от так называемой «грязной» работы. Примерно такое же отношение к остальным окружающим в современном обществе у «белых воротничков»). Уже в более позднее время (18–19 века) праздничные черкески шили из покупного сукна различных цветов.

Скорее всего, уже после того, как появился выбор тканей разных цветов, знать стала также предпочитать и красный цвет черкески. А женщины, помимо того, что шили платья разных цветов, использовали издавна еще и узорное ткачество, вышивку, аппликацию, вышивку серебром и золотом. Особое отношение, соотносимое с символическим значением, имело для населения вышивка серебром и золотом. Золото в сознании кабардинцев и балкарцев ассоциируется (как и у представителей других народов) с солнцем, с высоким положением в обществе, с достатком. Серебро же также несет в себе такие признаки, но связаны они с луной (женское начало, достаток, тайные знания).

Таким образом, традиционно сложившееся в быту кабардинцев и балкарцев отношение к цвету одежды можно охарактеризовать вначале как неприязнительное, нерегламентированное жесткими нормами традиции. Традиция более строго требовала чистоты линий, пропорций в одежде, а также требовала ее удобства. Отсюда следует вывод, что не было в культуре и придания символического значения темному цвету черкески. Уже потом возникает интерес к золоту и серебру в одежде. Если рассматривать совре-

менные интерпретации национального костюма, то тенденции во вкусовых предпочтениях те же. Самые дорогие женские платья расшиты золотом и серебром, а самые красивые черкески – белого и зеленого цветов. Правда, одежда эта не повседневная, а праздничная.

Бытует мнение, что балкарки любят более яркую одежду, чем кабардинки. На такое цветовое предпочтение в одежде наших предков указывает и Унежев К. Х. (см.: *Там же*. С. 69). Нам остается верить тому, что написано. Но сейчас на Кавказе невозможно судить по цветовым предпочтениям о принадлежности человека к той или другой культуре. Расширение социально-экономических связей Кавказа и России в целом изменило традиционный уклад жизни, вытеснило традиционную форму одежды. Сейчас повседневной одеждой считается костюм по европейскому образцу. Можно судить лишь о том, одет человек со вкусом или нет (тогда, когда речь идет о сочетании цветов, линий, пропорций).

Интересно и цветовое решение современного европейского делового костюма. Так, современный деловой костюм очень жестко регламентирован как в выборе материала, так и в цветовом решении. Предпочтение отдано костюму однотонному (серый с бледно-голубой рубашкой и темно-бордовым галстуком; бежевый костюм с голубой рубашкой; темно-синий костюм с бледной рубашкой). Запрет на кричащее, контрастное, в том числе нежелательно сочетание черного костюма с белой рубашкой. Допускается очень яркая одежда для спорта и отдыха, только допускается. Но самые приемлемые цвета спортивной одежды для делового человека – синий, белый, темно-бордовый, хаки, беж. Немного скучновато, не правда ли? Таковы правила хорошего тона, которые придуманы не нами.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

- цвет является качественной характеристикой предмета и имеет как объективную составляющую, так и субъективную;
- цвет является индикатором психо-эмоционального состояния человека и одновременно средством коррекции состояния человека;
- цвет имеет громадное значение в идентификации культур;
- цвет используется в магических и религиозных обрядах;
- цвет внутри культуры является выразителем знаков (например, принадлежности к классу, группе и т. п.), предпочтений человека, его отношения к социуму.

Литература

- Богатырев П.* Функции национального костюма в Моравской Словакии // Теория моды. Вып. 11, 2009. С. 189–224.
- Каракетова И.* О традициях народной одежды и борьбы с ними в советские годы // Эльбрусид, № 9, 2010. С. 11–15.
- Костин В., Юматов В.* Язык изобразительного искусства. М., Знание, 1978.
- Курс практической психологии для высшего управленческого персонала. Ижевск, Изд-во Удмуртского университета, 1995.
- Луизов А. В.* Цвет и свет. – Л.: Энергоатомиздат, 1989.
- Рубцов Н. Н.* Символ в искусстве и жизни. – М.: Наука, 1991.
- Салтанова Ю. С.* Обучение культуре цвета в сфере декоративно-прикладного искусства. // Изобразительное искусство в школе, № 6, 2009. С. 66–69.
- Сурина М. О.* Цвет и символ в дизайне, архитектуре и искусстве.
- Унежев К. Х.* Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2003.

Исмаил ПШИГОТИЖЕВ

«История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова – на немецком языке

Известный труд Ш. Б. Ногмова «История адыгейского народа», по праву считающийся ценным историческим и литературным памятником адыгской культуры, увидел свет в виде отдельной книги в 1861 г. в Тифлисе. Правда, выборки из «Истории» впервые были опубликованы в газете «Закавказский вестник» еще в 1847 г. под названием «О Кабарде». Затем в 1849 г. в газете «Кавказ» появились фрагменты под названием: «О быте, нравах и обычаях древних адыгейских народов или черкесских племен».

Детище Ш. Ногмова было издано благодаря стараниям Адольфа Петровича Берже (1828–1886), известного кавказоведа второй половины XIX в., который, после окончания восточного факультета Петербургского университета, в 1851 г. поступил на службу в аппарат Главного управления кавказского наместника в Тифлисе. Его большой научной заслугой считается издание им огромного документального материала, лежавшего недоступным для исследователей в архиве Главного управления кавказского наместника в Тифлисе.

В 1866 г., то есть через 5 лет после первого тифлисского издания, А. Берже перевел и издал «Историю» Ш. Б. Ногмова в Лейпциге на немецком языке. Издание имело название: «Die Sagen und Lieder des Tscherkessen – Volks, gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet und mit einer Vorrede versehen von Adolf Berge, Präsidenten der kaukasischen archaographischen Kommission, Mitglied der pariser asiatischen Gesellschaft» («Предания и песни черкесского народа. Собраны кабардинцем Шорой Бекмурзиным Ногмовым; подготовлены и снабжены предисловием Адольфом Берже, президентом Кавказской археографической комиссии, членом Парижского азиатского общества»). Книга была выпущена издательством Отто Виганда.

Как легко заметить, привычное трезво-научное название «История адыгейского народа» в переводе поменялось на поэтически-экзотический заголовок «Предания и песни черкесского народа». Естественно, возникает вопрос: в чем причина такой метаморфозы? Не является ли это переводческой вольностью или попросту рекламным «шагом», призванным заинтриговать западного читателя экзотикой? Вспомним: ведь еще в предисловии к первому тифлисскому изданию книги Ш. Ногмова А. Берже писал, что он восстановил исконное название книги: «Заглавие, данное «Вестником» статье – «О Кабарде», я заменил тем, какое дано было ей самим Шора Ногмовым» [4, 48], т. е. «История адыгейского народа».

Проливая свет на это не очень ясное обстоятельство, ногмовед С. Жемухов отмечает: «... следует думать, что было два варианта названия исторического труда Шоры Ногмова, первый из которых – «История адыгейского народа», а второй – «Предания черкесского народа» [1, 153]. Того

же мнения придерживается и фольклорист З. Кардангушев, переведший, кстати, «Историю» Ш. Ногмова на кабардинский язык [3].

На фоне таких взвешенных доводов упреки историка Р. Туганова в адрес А. Берже, якобы исказившего подлинное название исторического труда Ш. Ногмова [5, 153], представляются не просто запальчивыми, но и неуместными и несправедливыми: немецкое издание вышло, как видим, под названием, за которое ратовал Р. Туганов. Впрочем, возможно, что Р. Туганов попросту не знал о существовании немецкого издания с таким названием.

В немецком издании отсутствуют «Предисловие» и «Введение», написанные Ш. Ногмовым и входившие в состав тифлиского издания. Предисловие немецкого издания объемом в 16 страниц, написано Адольфом Берже специально для немецкого читателя и содержит сведения по истории, географии и этнографии народов, проживающих в западной части Северного Кавказа. Подтверждая преемственную связь кавказоведов прошлого и настоящего, А. Берже упоминает своих предшественников: Палласа, Гюльденшtedта, Люлье и других.

А. Берже также кратко останавливается на исторических событиях, имевших место в данном регионе в недавнем прошлом. Это военные действия, движение Шамиля, эпидемия оспы и т.д. А. Берже особо подчеркивает масштабный характер переселения адыгских племен в Турцию. В частности, он отмечал: «В течение первой половины 1864 года число переселенцев, по официальным сообщениям, составило 318 068 душ, в 1858, 1859, 1862 и 1863 годах – до 80 000 душ... К настоящему времени это число достигает 450 000–477 000 человек». Такое беспрецедентное переселение целых народностей, подчеркивает он, привело к почти полному исчезновению местного населения на Западном Кавказе. Это обстоятельство, по мнению А. Берже, едва ли может иметь для России какие-нибудь важные последствия политико-экономического порядка. Однако, с научной точки зрения, такая ситуация, по мнению А. Берже, породила невосполнимый пробел – наука фактически лишилась возможности сделать предметом всестороннего исследования местные народности в полном их составе, то есть в еще не затронутом переселением состоянии – относительно их нравов, обычаев, привычек, сказаний, преданий, наречий по месту их постоянного проживания с незапамятных времен, где под влиянием локальных условий сформировался их нравственный и психологический тип [6, XXI–XXII].

Издавая труд Ш. Ногмова на немецком языке, А. Берже и рассчитывал удовлетворить спрос западного читателя на источник с такого рода сведениями.

Вышеприведенные рассуждения А. Берже, изложенные в предисловии издания, по-видимому, косвенно дают представление и об исповедуемой им просветительской философии истории, рассматривавшей, в частности, человеческое общество как часть природы.

В немецком издании имеется краткий биографический очерк Ш. Ногмова, написанный А. Берже.

В текст немецкого перевода вошли все 10 глав ногмовского труда – нет пропусков и сокращений, так что это не реферативный и не сокра-

ценный перевод. Но это и не вольный перевод с элементами пересказа, а полноценный адекватный перевод, где слова и эквиваленты слов – минимальная единица перевода, а текст – максимальная, как и должно быть при подлинном переводе.

Заключительную часть лейпцигского издания составляют два приложения: 1) «Постановления о сословиях в Кабарде» и 2) «Народное условие, сделанное 1807 года июля 10, после прекращения в Кабарде заразы, в отмену прежних обычаев». Со времен первого тифлисского издания ногмовской «Истории» эти приложения считаются частью труда Ш. Ногмова. Между тем «... эти документы, составленные по приказу Ермолова Якубом Шардановым вместе с Темирбулатом Атажукиным, были впоследствии опубликованы в качестве приложения к «Истории адыгейского народа» и на сегодняшний день ассоциируются не с именем составителя Шарданова, а с именем Ногма».

Немецкий перевод увидел свет во второй декаде второй половины XIX в. в Германии, где позиции просветительской идеологии держались еще по инерции, но уже начинали появляться и утверждаться принципы нового идейного и художественного течения – романтизма. А романтики, вслед за Дж. Вико и И. Г. Гердером, проявляли глубокий интерес к особенностям национального духа и культуры и в связи с этим – к проявлениям народной жизни – преданиям, нравам, обычаям, привычкам и т.д. разных народов.

Текст перевода напечатан в соответствии с графическими и орфографическими нормами немецкого языка того времени. Адыгские собственные имена, географические и исторические названия передаются посредством транслитерации.

Язык, на который осуществлен перевод текста оригинала, – это немецкий язык научного изложения XIX в.

Согласно науке о переводе и переводческой практике особенности перевода в немалой степени зависят от жанрового типа переводимого материала. В связи с этим возникает вопрос: к какому жанру относится оригинал текста ногмовского труда? Здесь поиски ответа не вызывают затруднений – это кавказоведческая работа, а кавказоведение – это совокупность наук, изучающих историю, языки, фольклор и культуру народов, говорящих на кавказских языках. Следовательно, текст оригинала «Истории» Ш. Ногмова следует отнести к научному жанру. Однако, как известно, особенностью ногмовского труда является то, что он написан главным образом на основе фольклорных материалов. Это обстоятельство придает научному стилю «Истории» Ш. Ногмова своеобразные черты: здесь широко используются выразительные средства художественной образности. Имея дело с таким «смешанным» текстом, А. Берже как переводчик должен был, соблюдая меру, считаться с требованиями научной точности, с одной стороны, и художественной образности – с другой.

Как известно, перевод представляет собой очень многогранное явление, где язык выступает отнюдь не только как вспомогательное средство. И вопрос о характере соотношения двух языков и их стилистических средств встает во весь рост в практическом плане.

Для успешного решения переводческих проблем А. Берже прибегает

к разнообразным трансформациям, то есть изменениям формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи. С одной стороны трансформации грамматические, с другой – лексико-семантические. Применение трансформаций в тексте перевода мотивированно, и оно обеспечивает в каждом конкретном случае максимально возможную степень эквивалентности. Тем самым подтверждается тезис современного переводоведения: адекватная мера переводческих трансформаций – признак, отличающий хороший перевод, знак профессионального мастерства переводчика.

Усилия А. Берже по переводу и изданию «Истории адыгейского народа» Ш. Ногмова, прозванного по праву адыгским Нестором [4, 16], следует расценивать как подвижничество высокой пробы. И потомки замечательного адыгского просветителя должны быть ему за это благодарны.

Немецкое издание открыло возможность европейскому читателю ознакомиться с оригинальным трудом Ш. Ногмова. Перевод А. Берже, будучи адекватным, выражал верно и полно содержание оригинала. Немецкое издание, таким образом, выполнило, да и сегодня выполняет общественное предназначение перевода – «...обеспечить такую опосредованную двуязычную коммуникацию, которая по своим возможностям максимально приближалась бы к обычной, одноязычной коммуникации».

В заключение приведем несколько образчиков, демонстрирующих переводческий стиль и мастерство А. Берже, – на кабардинском, русском и немецком языках.

Пословицы

1) Тамтаракъай ухъу! [3, 61] Да будет тебе участь Тамтаракая! [4, 102]. *Mogest du das Geschick Tamtarakais haben* [6, 57].

2) Шу щтагъэхэр куэдрэ умыху [3, 88]. От страха бегущих всадников не гоняй [4, 130]. *Aus Furcht fliehende Reiter verfolge nicht mehr* [6, 90].

3) Сотей зэхудипАльэщ [3, 88]. Пойдем на Сотей [4, 130]. *Gehen wir an den Ssotei* [6, 90].

Со времени выхода в свет «Истории адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова на немецком языке в Германии почти полтора столетия. Ногмов мечтал о том времени, когда его родина «оставит все то, что отделяет ее от людей просвещенных, когда обратится она к добру и познанию». Это время давно наступило на родине ученого и просветителя. Сегодня мы ясно понимаем, почему А. П. Берже выбрал для перевода на немецкий язык именно труд Ногмова, который явился результатом глубокого изучения ученым жизни, исторических преданий и песен кабардинского народа, – это прежде всего его научные и литературные достоинства.

Благодаря переводу на немецкий язык, осуществленному А. П. Берже, историческое и фольклорно-литературное произведение Ногмова получило возможность быть введенным в научный оборот европейского масштаба. При наличии доброй воли, такое, казалось бы, нехитрое на первый взгляд занятие, как перевод, может сослужить немалую службу общественному и научному прогрессу. В наше время «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» занимают самых разных людей не меньше, если не больше, чем в прошлом. Так что Ногмов и переводчик его труда Берже нам и сегодня близки по духу и образу мыслей.

Мадина БОЛОТОКОВА

МИЛОСЕРДИЕ

В вопросах веры и надежды люди расходятся, но все человечество едино в милосердии.

Александр Поуп

Милосердие – это одно из важных проявлений доброты, сердечности, чуткости, любви. Милосердие – одна из основных черт нравственного человека, значимый критерий цивилизованного общества. Значимым источником воспитания в человеке милосердия является СМИ. Но сегодня, на мой взгляд, телевидение, радио, и кино могли бы делать это нагляднее, доходчивее. А что происходит в реальности? Назовите, пожалуйста, хотя бы два-три проекта Первого канала, пропагандирующих милосердие? Едва ли получится! Пожалуй «Жди меня» – и все. Раз в неделю. А боевики, в которых и жизнь-то человеческая гроша ломанного не стоит, – по несколько фильмов в день. Вот такая грустная арифметика! Но, правда, в нашей жизни все чаще и чаще появляются примеры возрождения милосердия: проводятся благотворительные концерты, строятся ночлежки для бездомных, столовые для бедных, хосписы для безнадежно больных, и все чаще брошенные дети обретают новых родителей... И вместе с тем, к сожалению, увеличивается число терактов, убийств, на улицах можно встретить людей подражающих фашизму, нацизму, расизму. Почему же это происходит? На мой взгляд, все зависит от воспитания. Человеку с самого рождения необходимо прививать чувство доброты, любви, милосердия, сострадания. Но, как мы видим, люди, гонясь за материальными ценностями, утратили нравственные. И в подтверждение хотелось бы привести яркий пример, нравственного кризиса, произошедший в Китае: грузовик сбил 2-летнюю девочку и, проехав по ней сначала передними колесами, остановился, потом проехал и задними. Не оказав ребенку никакой помощи, водитель скрылся с места. И люди проходили мимо, объезжали или обходили истекающую кровью девочку, не обращая никакого внимания. А водитель еще одного микроавтобуса, даже не стал объезжать, а проехал по ребенку. Неизвестно сколько бы еще пролежала девочка, если бы одна женщина не оттащила ее к обочине. К счастью, девочка выжила, но какими глазами она теперь будет смотреть на людей?! Милосердие – прежде всего действие, нельзя просто жалеть, надо помогать, надо что-то отдавать от себя. В заключение хотелось бы привести слова известного русского писателя 20 века Д. Гранина: «К теме милосердия надо призывать и призывать, чтобы растревожить совесть, чтобы лечить глухоту души, чтобы человек перестал проживать опущенную ему жизнь, ничего не отдавая взамен и ничем не жертвывая».

Хазеша БЕЦУКОВ,

К. б. н.;

Анзор БЕЦУКОВ,

К. э. н.

Причина распада империи стагнация – следствие биологических манипуляций

В начале прошлого века теория коммунизма противопоставила дарвинизму теорию общественного развития, которая потребовала *концепцию экономического равноправия и генетической идентичности общества, хотя раннее дарвинизм был принят в качестве мировоззренческой платформы*. Молекулярная биология, генетика и синергетика экспериментально проникли в глубь механизмов развития общества, отвергая нематериальные процессы и явления в природе. В итоге, возможности вмешательства в биологические процессы и явления стало больше, а уверенности в эффективном воздействии на принципы *саморазвития* стало меньше. Тем не менее, *естественный отбор и конкуренцию* в обществе, – *незыблемые двигатели саморегулирования и саморазвития*, бюрократия до сих пор *игнорирует*, независимо от *стагнации*, которую президент Медведев Д. А. назвал *причиной распада империи*. Неизбежность *застоя производства* была *завуалирована в социальной политике марксизма*, которая декларировала всеобщее экономическое, и (на этой основе) генетическое равенство людей. Социальным дарвинизмом, – исходной тезой для отсечения общества от природы (Ю. Одум. Экология в 2-х т., предисловие акад. Соколова, Мир, 1986), марксизм разъединил функциональное *единство общества и природы*, что парализовало естественные рычаги *саморазвития*. Коллеги могут возразить, что декларацией фундаментальные свойства живого не изменить. Соглашаясь с ними, заметим, что *«отмена» естественного отбора и конкуренции в обществе – резон* для застоя игнорированием спроса на интеллект и квалификацию. Устойчивость саморазвития, как спонтанный процесс взаимодействия компонентов системы, зависима и от свойств компонентов, и от их разнообразия, снижая эффективность взаимодействием «однообразных» индивидов. Как бы пострадала эффективность глобальной продукции органической материи, если бы на деревьях оказалась плоская крона, а не разнообразие по форме и размерам листья, расположенные «послойно» в глубь фотосинтезирующей поверхности кроны. Разнообразие людей в обществе создает аналогичную стабильность для саморазвития, если индивиды *свободны экономически и в выборе сферы деятельности по способностям*.

Игнорирование естественного отбора и конкуренции в обществе привело к протекционизму и заблокировало мотивацию саморазвития и эволюцию сознания, как и множество других способностей общества. Эволюция генофонда на общественном уровне обеспечивает эволюцию сознания индивида, а затем интегрируется в общественное сознание и воздействует обратно. Значит, излюбленный бюрократией протекционизм системы блокирует рычаги саморазвития, – *отбор, эволюцию сознания и конкуренцию*. Отсюда, *стагнация, – следствие отмены отбора и конкуренции в обществе*.

Снова могут возразить, что реально их нельзя отменять. А «минимальная потребительская корзина», недифференцированная оплата, протекция, коррупция и прочие следствия системы мотивируют саморазвитие? Поэтому за декларацией экономического равноправия последовала манипуляция генофондом, – «уравняв» общество до генетической идентичности, марксизм «обошел» конкуренцию в обществе – движущую силу эволюции. Отсюда, идеологическая сущность противоречий между дарвинизмом и коммунизмом свелась к *отбору и конкуренции* в обществе, вопреки обратной констатации. Марксизм декларировал равенство в неравном обществе и предписал коллективное производство, вместо рыночной экономики. Капитализм исходил из реального неравенства и апеллировал к индивидуальной способности и к рыночной экономике. Для коллективного производства и распределения продукции пчелиных инстинктов у общества не оказалось, зато инстинкты имеются у индивидов, как у «пчелосемьи», но – лишили рыночных рычагов. Поэтому ставку на саморазвитие заменили рычагами принуждения. В распоряжении марксизма, для оправдания своих заблуждений, оставались «биологические манипуляции» и командно-административная система принуждения. *Природное разнообразие «заменяли» единообразием советского народа и посадили на рентный углеводородный «минимум», а рыночная экономика так и осталась невостребованной.*

«Оставаясь» атеистами, большевики де-факто изъяли материалистическую сущность дарвинизма, – а буржуазная социологи исходила из закономерностей материализма дарвиновского учения, – но веру людей не отнимали. Сегодня демократы указывают на «правильный путь» личным примером, но отношение к рыночной экономике сохраняют прохладной. Игнорированием общественного спроса на интеллект и рыночные рычаги саморазвитие оказалось снова парализованным. Активное противоборство глобальным процессам, как известно, легко блокирует и экологические явления. Функция живой архитектуры биологических и экологических систем, как и сервомеханизмов, предполагают определенные условия и хронологическую последовательность, поэтому воздействием извне их легко изменить. В то же время дифференцированная функция – следствие адекватной конструкции, как способ самовоспроизведения механизмов самозащиты, онтогенеза и далее. Искусственное вмешательство в естественный ход системы меняет процессы на любой стадии и, в конце концов, конечный результат. Коллеги опять скажут, что невозможно *изменить наследственность, интеллектуальный уровень* и прочие фундаментальные свойства живого, и будут правы. Но элементарное игнорирование *спроса* общества на квалификацию меняет *престижность профессий* или социальный дарвинизм, – игнорирование закономерностей дарвинизма приводит к умственной дискриминации и инфантилизму. Общественные процессы и явления на саморегулировании, поэтому «накапливают» критическую массу негативного «вмешательства» и взрывают ситуацию изнутри. Спенсер предсказывал, что *стремление избежать в человеческом мире борьбы за существование, приведет к интеллектуальному и физическому упадку*. Распад империи – следствие стагнации в итоге игнорирования *конкуренции и рыночной экономики* в обществе, – подтверждение выводов «буржуазных» социологов. Истину следует отделить от идеологии. Независимо от экономического исхода, преемникам прежней державы по душе *формальное «величие»*, вопреки *экономической отстало-*

сти, – на прожиточном минимуме *избегают* анализа причин стагнации и не желают использовать рыночные рычаги саморазвития в новое время. При этом не опасаются новой стагнации и *конечности* углеводородной эпохи?! Здесь напрашивается риторический вопрос: «Почему?», и ответ: «Невыгодно коррупционерам».

Саморазвитие – функция живой архитектоники, обновляемая и управляемая неживыми компонентами – посредниками и регуляторами из неживой среды, доказывающими несостоятельность выводов марксизма об обособленности общества от природы *особыми* законами. *Естественные рычаги* саморазвития – эволюцию сознания, марксизм также необоснованно рассматривает как следствие применения орудий труда. Априори необоснованность как отрыва общества от природы, так и опережение орудий труда эволюции сознания. Эволюция сознания шла в филогенезе и опережала создания орудий труда, и не одним интеллектом «выживал» человек-животное. Сегодня у неразумных пчел инстинкты управляют общественной жизнью, обеспечивая процессы производства и распределение в семье бесконфликтно, но рычагов выживания отдельных особей у них нет. У разумного человека инстинкты «работают» на индивида, а коллективных рычагов «накопления и распределения» благ нет, кроме принуждения. *Марксизм* апеллировал *особыми законами общественного развития*, вероятно, к трудностям науки в исследовании биологического и социального (сознательного) взаимодействия, отвлекая массовое сознание от смысла «изъятия» частной собственности. Сегодня уже очевидны масштабы прошлого хищения «коллективной собственности», и бюрократия продолжает «приватизацию» того, что оставалось. Смысл отмены отбора и рыночной экономики тоже сводится к тому, чтобы обезличенную частную собственность «накапливать» в «закромах» для удобства хищения. Коллективные взаимодействия людей в чрезвычайных (война, борьба со стихией) обстоятельствах плодотворны, но общественную собственность отвергали осознанно, опасаясь бесконтрольного воровства коллективной собственности. Время показало интеллектуальное и физическое неравенство, а также различный вклад в общий «котел», вопреки пропаганде марксизма о превосходстве коллективной жизни над буржуазной. При различном вкладе в общественное производство и прочих особенностях неравенства людей легенда о социальном дарвинизме оправдывала и сегодня оправдывает прожиточный минимум. Изъяны социализма обосновывали трудностями переходного периода, но и при капитализме об отсутствии коллективных механизмов производства и распределения благ, как у пчелосемьи, нам не признались и к рынку не позвали. Индивидуальные рычаги саморазвития остаются заблокированными реальным отсутствием частной собственности. Нет естественного отбора, конкуренции, и только медленно снимают «узду» с мелкого и среднего бизнеса. Помните? – «... не могу понять, чем плох капитализм с богатым населением...». И не догадывалась «железная леди» о «таинственной» душе коррупционеров... Нет естественного отбора и конкуренции в обществе, нет и смысла в рыночной экономике? «Посадили» население 1/6 части суши на прожиточный минимум, забальзамировав интеллект и отменив частную собственность. Естественную конкуренцию «преобразовали» в соцсоревнование, генетику, в селекцию Мичурина. «Буржуазных» генетиков «заклеймили» как основателей вредных идей и законов: «...Никакого исследования общественных явлений, никакого

уяснения метода общественных наук, – писал Ленин, – нельзя дать при помощи этих понятий...».

Априори жизнь зародилась с врожденными инстинктами саморегулирования и самосохранения, но и высокоинтеллектуальные люди делают «зачачки», а животные прячут «объедки» инстинктивно, как и много веков назад. Если обратиться к единству биологии и сознания для понимания данного феномена, эволюция сначала привела к биологическому, а к сознательному единству много позже, как к механизму активной адаптации, но инстинкты не теряют смысла. Единство биологических инстинктов и сознания во взаимодействии поддерживает уникальное разнообразие биологическим и социальным взаимодействием – как основу устойчивости общества и вероятностью восхождения к личности. Попытки марксизма создать «биолого-политический конгломерат» противоречат естественным закономерностям. Отсюда, причина стагнации кроется в попытках неслучайного «переподчинения» марксизмом произвольных биологических механизмов индивидов произвольным социально-политическими рычагам управления обществом в своих интересах. Именно игнорирование спроса на интеллект и квалификацию ввергло общество в иждивенчество и стагнацию. Следствие интеллектуальной дискриминации послужило основанием и для объявления естественного отбора в человеческом мире «завершенным». Принципом всеобщего «равенства и отсутствием отбора» социализм привел общество к коллективному производству и прожиточному минимуму, вместо рыночной экономики. В порядке элементарных вещей сложились преемственность и протекция «номенклатурных» кадров, а коррупция – интегрированное следствие командно-административной системы, которая живучее жизни. В итоге держава «завещала» вечную жизнь политико-экономическим рычагам управления и преемственности правящей номенклатуры, похоронив рыночные механизмы и научно-материалистическое мировоззрение дарвинизма.

Экологи безрезультатно пытаются распространить личный интерес на общественную собственность. Только экономии на содержание фискальных органов и повышения производительности труда с тотальным переходом на рыночную экономику хватило бы на безбедную жизнь обществу, не говоря о коррупции, но «бюрократическое» мнение консервативно. Отсутствие коллективных механизмов и мотивации к накоплению общественных благ подневольным трудом не скомпенсировать, как свидетельствует прошлый опыт, идеологическими и репрессивными мерами воздействия на сознание. Отсюда, главное заблуждение марксизма – в оправдании биологическими манипуляциями перевернутой теории саморазвития общества. Человек, как органическая материя и социальное существо, сочетает одновременно и биологические, и социальные качества. Единство сознания и «биологии» неразделимо, а следствие – уникально взаимодействием. Современные достижения естествознания свидетельствуют о первичности изменения ДНК в онтогенезе и эволюции нервной системы в филогенезе. Опережающее саморазвитие сознания во времени оставляет развитие производства и общества на втором плане. Это предполагает и философское переосмысление бытия в целом. Кроме того, «тандем» из биологического и сознательного единств» сложился, вероятно, в позднем антропогенезе. В связи с этим, особые законы развития общества по теории марксизма и значение биологического и социального взаимодействия в индивиде нуждаются в академическом

уточнении. Выдергивая фрагменты из контекста дарвинизма, марксизм *«подменял» естественные биологические механизмы произвольными социальными рычагами*. Сознание выступает высшей формой адаптации и определяет особое место человека в *обществе и природе*, но оно не всесильно в дуалистическом взаимодействии с инстинктами. Функции между врожденными инстинктами и сознанием разделены, оставаясь в анатомическом единстве. В меру ситуации взаимодействуют с образованием эмерджентных свойств, но между сознанием и «биологией» возможен бескомпромиссный «диалог» о позициях жизни и значении инстинктов. Сознание «очеловечивает» борьбу за существования, управляя животным началом, в меру разума. Главный смысл их взаимодействия, вероятно, в разнообразии свойств и качеств для широкой адаптации. Дифференцировка функции сознания или инстинктов дискретно противоестественна, ибо эмерджентное свойство возникает как *непредсказуемое* следствие взаимодействия.

Отношение живого к собственности также «складывалось» исторически, вероятно, ибо врожденные инстинкты априори первичны, а воздействие сознания на биологию вторично. К тому же диффузии между ними не происходит, а сохраняется обособленная функция, обретая новые свойства во взаимодействии, но без корректировки исходных качеств. Существуют и сегодня у науки трудности в исследовании взаимодействия биологического и сознательного единства, но уже не вызывает сомнения, что инстинкты – «на страже» жизнеобеспечения, как и в начале филогенеза, а этологические и социальные функции оказались под контролем сознания хронологически. *Природа длительной эволюцией создавала неотрывное и не сплавливающееся биологическое и сознательное единство, сохраняя автономию функции органов, организмов* и возможности независимой интеграции по вертикали. Трудности науки марксизм в свое время использовал с безответственным оптимизмом в политических целях, а сегодня оказались помехой для реабилитации общественного расслоения. Исследования свидетельствуют, что основа социальных свойств и качеств также наследуются естественными механизмами, не «отрываясь» от биологических корней и факторов среды. Разумно «вернуть» естественную природу биологическим явлениям, признав ошибки марксизма.

Достижения кибернетики и синергетики в управлении и самоорганизации органической материи отмечают прошлые догмы и свидетельствуют о саморазвитии материального мира. Поэтому замалчивание, или негласный запрет на прошлые эксперименты марксизма в корыстных целях, аморально. К мировому ходу биологической науки следует повернуться лицом, а не «прятать» прошлые изъяны, ибо на подлоге ключевых биологических принципов еще держится многое в политико-экономической «демократии». Не исчезло и политическое наследие империи, «настоя биологии на политике» вытравил из общественной памяти научное мировоззрение. Идеологические оппоненты де-факто «погрузили» страну во тьму фундаментализма в то время, как идеологией любой политической системы остается материальное процветание. Экономическое благосостояние страны – патриотическая платформа гордости для всех её народов. Для этого требуется свободная рыночная экономика с отменой позорного прожиточного минимума в 21 веке. Повторяя ошибки погибшей империи, мы обрекаем себя на вечный эксперимент и нищету, ибо эволюция не приемлет невежества и фальсификации.

Лариса АЛОЕВА

Живое дыхание языка

Забота о сохранении языка не может быть отложена на потом, как и забота о будущих поколениях, – считает ректор Кабардино-Балкарского института бизнеса Феликс Хараев.

Родной язык – самая деликатная, ранимая часть любого социума. Именно язык отличает нас друг от друга. Общественные перемены, политические веяния стремятся утвердиться, прежде всего, в сфере языкового применения, потому как «язык – единственная одежда мысли» (С. Джонсон), одновременно объединяющая и разъединяющая сила коллективного разума. Пройдя многовековую фильтрацию временем, язык сохраняется как культурное наследие в самосознании народа, чтобы сделать его абсолютно неповторимым в своей самобытности. Но как долго будет конвертироваться тот или иной язык? Ответ следует искать в каждом из нас.

В стенах престижного Института бизнеса к языкам относятся с особым пиететом. Родители обучающихся здесь студентов, не говоря уже о бабушках и дедушках, по достоинству оценивают подход руководства вуза к изучению языков, или, как принято говорить в научных кругах, «синтезу гуманитарного и специализированного знания».

Вот уже несколько лет под крышей КБИБ благодаря усилиям ректора зарождается сочетающий в себе теоретическую и практическую подготовку метод обучения родному языку, который можно назвать методом подготовки узких специалистов с опорой на знание языковой и исторической культуры своего народа.

В институте, как и во всех вузах страны, действует правило стандартного набора языков: усиленно преподается английский, немецкий, существуют также небольшие секции по изучению турецкого и арабского языков. Но в группу по изучению кабардинского языка по желанию идут именно те студенты, которых привлекают трудности интеллектуального характера. Поднять знание собственного языка до уровня самоуважения – вопрос чести. Как мы с вами понимаем, кабардинский язык относится к разряду труднодоступных для восприятия языков, его часто приравнивают по сложности к японскому. Но, судя по тем успешным результатам, которые здесь уже привыкли получать, студенты КБИБ не только любят, когда их загружают, и вовсе не покультурой, а в совокупности тем самым здравым смыслом, который принято называть знанием о себе и основных законов природы человека и общества в современном мире.

В студенческой среде такое нововведение понимают и горячо приветствуют. Так, к примеру, студенты Бизнес-колледжа и старшеклассники общеобразовательных учреждений г. Нальчика (№ 4, 5, 10, 11, 27,

СШ-интернат Нартана) провели незабываемые дни в Институте бизнеса с большой пользой для себя, демонстрируя в ходе захватывающей интеллектуальной игры – «Акьыл жан» – стремление к знанию, любопытство и любознательность, особенное трудолюбие, присущее пылливому уму. Конкурс проходил в четыре этапа и касался вопросов краеведения, лингвистических тонкостей, этических и моральных норм Хабзэ. Достойных соперников было много, но победителями конкурса стали лучшие умы – в первом туре учащиеся СШ № 11, во втором студенты 1 курса Бизнес-колледжа, особо отмечены Мидов Хажмурат и старшеклассница СШ № 27 Махошева Олеса. По словам участников конкурса, «Акьыл жан» учит патриотизму через язык и культуру своего народа. Игра проходит на полном экспромте ведущей Масират Бекановой, только она знает, в каком разрезе пройдет тот или иной этап конкурса. Она интуитивно владеет настроением зала. Конкурс на знание малоупотребляемых слов в кабардинском языке прошел на «ура». Задор, который овладел игроками, как она и предполагала, легко раскрутил лингвистический потенциал участников, дав им мощный толчок для постижения культурно-нравственного измерения истории через самый доступный инструмент, каким является язык. Насколько богат кабардинский язык палиндромами, остается загадкой, если ты не участвовал в этой игре. На конкурсе «Акьыл жан» – это обязательное условие интеллектуального турнира.

Когда речь заходит о серьезнейших пробелах в гуманитарном образовании, атмосфера зала накаляется: спорят, приходят к убеждению: без восполнения утраченных ценностей невозможно достижение цивилизованного уровня, в том числе и в политической и правовой культуре, что особенно актуально для нынешнего состояния России. Это касается в первую очередь культурного наследия малых народов, без которых не будет его носителей – народов. Вспомним пророческие слова Расула Гамзатова: «Умрет язык, умру и я...». Понимая всю сложность задачи, Беканова работает с молодым поколением грамотно, и что очень важно – бескорыстно и вдохновенно.

Конкурс заканчивается под бурные аплодисменты организатору и ведущей. Спустя месяц они вновь встретятся под той же крышей КБИБ, чтобы снова продолжить состязание по гуманитарным дисциплинам. Призывая на интеллектуальный ринг пылливую молодежь общеобразовательных школ, Институт бизнеса не только будоражит умы молодых людей, но и волнует их юные сердца, направляя вектор интересов в плоскость самопознания.

В свое время мудрый К. Ушинский наказывал потомкам: «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое, живое целое».

Прислушиваясь к великим урокам русской педагогической школы, Беканова учится сама и учит молодежь этой простой, на первый взгляд, истине. Реализуя образовательную модель, автором которой является за-

служенный учитель РФ М. Беканова, Институт бизнеса уже сегодня дает студентам и учащимся США полное, объективное, неидеологизированное представление о всей совокупности гуманитарных знаний, касающихся сокровищницы кабардинского языка, духовной и нравственной культуры древнейшего народа кавказской цивилизации.

Это особенно важно в эпоху глобализации, когда процессы унификации и духовно-нравственного разложения в российском обществе достигли критической черты, провоцируя исторический нигилизм и пофигизм, попирающий этническое достоинство малых народов, а значит, и унижающий достоинство человека.

В КБИБ декларативно говорят об охранительной и сострадательной функциях гуманитарного образования, об исторической необходимости глубоких знаний родного языка.

«Узнай сначала свои корни, а потом уже суесться насчет других миров» – афоризм весьма популярный для нынешнего положения вещей. Именно родной язык каждодневно и ежечасно воспитывает гражданина своей страны. Оригинальная программа «Интегрированный курс по истории, традициям, литературе кабардинского народа» подготовлена Масират Бекановой именно с таким прицелом. Модель гуманитарного образования разработана и действует в КБИБ, исходя из концепции развития высшего образования в условиях радикальных экономических реформ, развития экономических свобод, вузовской автономии, предоставления студенческой молодежи права на свободное самоопределение в мировоззренческих позициях, духовных интересах и ценностях.

Ее важной особенностью по замыслу ректора должна стать интегрированность в мировую образовательную систему. Так и говорит студентам во время лекций Феликс Хараев: «Что вы расскажете о себе другим народам, если ничего не знаете о своей собственной культуре, не знаете своего материнского языка?.. – И тут же напоминает словами В. Гете: «Язык одного народа обогащается языком другого. Кто не знает чужих языков, не знает собственного».

Увы, в жизни правильно и хорошо не всегда бывает. Многие национальные учебники даже при самом пристальном отношении к этому вопросу отличались бедной лексикой и примитивными художественными текстами, приводимыми в качестве иллюстративного учебного материала авторами, недвусмысленно желающими максимально ограничить для школьников набор инструментов для сложного критического мышления. Нет хорошего учебника – нет преданного языку носителя. Так и говорили между собой учителя родного языка в хорошо знакомые мне 80-е годы, с горечью констатируя потерю приоритетов: «К чему этот кабардинский сейчас! С ним и до Пятигорска не доедешь!» Ситуация эта с годами лишь усугублялась, и только лишь сегодня приходит ко многим из нас понимание абсурдности, сложившейся вокруг издания учебников и преподавания родных языков. К счастью, стали появляться новые учебники, отвечающие современным требованиям.

Дети пуще всего боятся учить собственный родной язык, и не только потому, что он затруднителен в запоминании и произношении, – катастрофически не хватает высококлассных педагогов, считающих обучение родному языку делом своей жизни. Было бы так удобно для нас всех, если бы враз объявились сотни педагогов, похожих на М. Беканову, и сказали бы: «Не бойтесь сложностей! Мы вас научим и сделаем из трудностей языка популярное учебное шоу!» Но пока этого не происходит.

Сложная, ответственная и творческая работа по сохранению и развитию кабардинского языка проводится в общеобразовательных школах республики в основном под эгидой того же Института бизнеса.

Готовят здесь к публикации и два новых учебника по кабардинскому языку (для 4–5 классов) в авторском изложении Раисы Хацуковой, учительницы Урухской средней школы. Так что, возможно, у Бекановой уже появился сподвижник, и ей не придется так много ездить по школам в полном одиночестве.

Неудивительно, что Беканова сегодня нарасхват. Нетривиальность ее подхода к детям, нестандартность рассуждений привносят творческий момент в изучение таких сложных предметов, как кабардинский язык и краеведение, которые стали благодаря ее человеческому таланту базовой основой столь активной педагогической деятельности. И хотелось бы особенно подчеркнуть: Масират Сафудиновна не рассуждает на тему: какие корни хороши, какие плохи, она просто учит языку и толерантности наших детей. И получается это у нее великолепно!

Насколько существенно то, чем занимается Масират Беканова для нас с вами? Отвечу так: утрата нравственных и духовных ориентиров в кризисный момент российского государства обрушилась в одинаковой степени и на студенческую молодежь и на учащихся школ. Представляя собой социально-психологическую группу, силой обстоятельств вырванную из традиционного образа жизни, традиционной морали, традиционной культуры малых народов, молодежь, без духовных пастырей, какими являются истинные педагоги, обречена расти без родовых корней. Ничего хорошего это не принесет нашим детям в будущем.

Не изменятся и наши меркантильные представления о ценностях жизни, если таких педагогов, как Масират Беканова не станет численно больше в учебных заведениях. Можно забыть и о непрерывном обновлении гуманитарного знания в российской высшей школе на его периферии, каким стал сегодня Северный Кавказ, интегрированности региональных вузов в мировую общеобразовательную систему, – поскольку в недалеком будущем вполне может обмельеть и исчезнуть окончательно один из животворяющих родников человеческого знания – кабардинский язык. Если мы всерьез не будем воспринимать собственный язык.

Фатима ТАЗОВА

Источник утешения

«Мы всю жизнь путешествуем по миру
в поисках того, что нам нужно,
и возвращаемся домой, чтобы найти это».

Дж. Мур

Думаю, у каждого из нас среди друзей есть самые близкие. С ними можно иногда подолгу не видеться, но сознание того, что они есть, живут где-то рядом на Земле, приносит в душу спокойствие и радость, делает нас счастливее. Понятие «близкие люди» вышло за пределы круга семьи и знакомых, и к числу таких друзей я причислила совершенно незнакомого человека, ставшего за короткое время общения источником моего утешения. Просто мы с ним оказались одного мироощущения, одной крови.

Самые прекрасные в мире отношения – когда они ничем не мотивированы. Да, все поэты воспевают любовь, но дружба все же совершеннее. А у нас здесь, в Кабардино-Балкарии, испокон веков дружба была еще и священна. Честно говоря, по ней я ностальгировала давно и, вообще, очень долгое время думала, что мир очень скучен и несправедлив. Моя бесконечная благодарность Николаю Вишневецкому за все светлое, доброе, духовное, что утверждает он своей жизнью. Он быстро дал понять, что мир не таков, каким я его представляю, и что миров столько, сколько людей. И стало так легко. Но для этого нужно было встретить Николая Прокофьевича, который удостоил меня своей дружбы и как другу рассказывал о себе, о своих путешествиях по миру, по жизни. А он прожил такую жизнь, о которой есть что рассказать! Признаюсь, для меня было откровением увидеть в нем конкретный нравственный кодекс, по которому не только можно, но и нужно жить, а не делать вид, что живешь. Кодекс, который изменил все мои представления о чести, достоинствах и недостатках, о том, как должны вести себя люди в дружбе, в любви, среди своих и чужих, дома и в гостях...

Я наслаждалась силой доброго слова, глубиной мыслей и наблюдений, стремительностью выводов, остротой ума и знанием жизни. Для меня, скромного журналиста, большая честь и радость запечатлеть этого человека чести, его замечательные дела и мудрые суждения о жизни, в общем, его благородную душу.

Уверена, со мной согласятся очень многие, простые и уважаемые люди, проживающие в нашем родном Нальчике, в разных точках нашего огромного земного шара, которым посчастливилось общаться с ним при различных обстоятельствах.

Николай Прокофьевич Вишневецкий – наш земляк, в свое время окончил техническое училище № 1 в Нальчике, затем Калининградское

мореходное училище (1984 г.) по специальности «Эксплуатация судовых установок», позже Балтийскую государственную академию торгового флота по специальности «Судовой механик». Трудовую вахту начал нести на Калининградской базе экспедиционного флота, где проработал 10 лет. Долгие годы работал на Калининградской базе китобойного флота. После развала СССР был приглашен в Кру-

инговую компанию «Laskaridis shipping Co LTD» (со штаб-квартирой в Афинах) старшим судовым механиком. Побывал везде, где есть моря и океаны, имеет Кипрское гражданство. В общем, 45 лет на гражданском флоте – с 1969 года по настоящее время. Ныне, капитан 1-го ранга запаса, Николай Прокофьевич деятельно продолжает работать, изучать жизнь во всех ипостасях; постоянно находится в гуще событий и, наверное, поэтому вышеуказанная компания все еще нуждается в его присутствии. Ведь его главной жизненной потребностью всегда было и остается общение с людьми, так что и в 60 с лишним лет кругосветное путешествие все еще продолжается.

Биография этого человека, безусловно, заслуживает мемуаров, хотя бы потому, что он успел объездить мир, как говорится, вдоль и поперек, всегда и везде проявлял интерес и уважение к культуре, быту, языку тех мест, где бывал. Однажды, когда его пригласили на встречу с учащимися в одну из Калининградских школ, где учится любимая внучка Александра, дети принесли ему глобус и попросили воткнуть флажки в те места, где он успел побывать. К концу встречи глобус превратился в «ежика», легче было бы отметить те места, где он не бывал.

«Сколько знаний приобретаешь, встречаясь с людьми другой национальности, живущими в совершенно неизвестной тебе обстановке! Путешествия закалили меня, заставили серьезно и внимательно смотреть на жизнь...» – говорит он.

Какой же он – Николай Прокофьевич Вишневецкий? Сначала попробую составить его портрет с помощью маленьких эпизодов и отзывов разных людей о нем:

- человек в высшей степени образованный и эрудированный, энергичный, деловой, темпераментный, общительный, жизнелюбивый;

- благородный человек, с большим чувством юмора и развитым образным мышлением, красноречив, при этом знаток анекдотов, удивительных рассказов, народных легенд;

- природа щедро одарила его тонким чутьем, и он платит ей любовью; непосредствен и своеобразен в словесной передаче своих впечатлений, особенно от красоты природы;

– человек с чутким сердцем, внимательным взглядом, умением проникать в души, наблюдатель, психолог;

– глубокий интерес к любой личности помогает ему быстро завязать дружбу со всеми;

– владеет искусством общения: ясно и четко говорит, пользуется метафорами, которые помогают слушателю увидеть, услышать, почувствовать ситуацию.

Человек, обладающий этими качествами, однозначно не мог прожить скучную жизнь. От себя добавлю, нельзя не обратить внимания еще на одну сильную сторону этого многогранного человека – трепетное отношение к семейным устоям. Особенности чувства испытывает Николай Прокофьевич и к своему старшему брату, Михаилу, берегущему их семейное гнездо в Нальчике. За короткий период пребывания в родном Нальчике (в сентябре этого года) Николай Прокофьевич ни одного дня не оставался дома. Вместе с братом обошел весь город, посетил все дорогие сердцу места, общался с прохожими, наслаждался родным чистым воздухом – в общем, вновь открывал для себя «не малую, а большую», как он выразился, родину. От его острого глаза ничего не ускользнуло. Отметил происшедшие позитивные изменения, был удивлен чистотой вокруг, работой Горзеленхоза. А как тепло отзывался он о самом Нальчике и его жителях: «Да, я видел много красот земли, много городов-монстров, много разных людей, но Нальчик – райский уголок, где живут красивые и добрые люди!..»

Можно ли вообразить ощущения человека, который долго путешествовал по миру и вернулся на Родину?..

Мы с Николаем Прокофьевичем имели несколько встреч и бесед на эту тему. Он рассказывал много любопытного о том, что видел во время своего кругосветного путешествия. Не могу уйти от соблазна процитировать те его слова, которые, на мой взгляд, подчеркивают его индивидуальность. И он умеет рассказать о себе так, чтобы все остальные его сразу запомнили:

«К сожалению, в людях много фальши, а для полноценного общения очень важен внутренний посыл, искренность...»

«Все начинать нужно с себя...»

«Когда я кому-то оказываю искреннюю помощь и поддержку, получаю удовольствие и душевно обогащаюсь. Я умею отдавать и быть счастливым этим...»

«Страстно люблю природу! Каждое утро приветствую солнце и благодарю Бога за то, что подарил мне жизнь!»

«Всем народам свойственны общие нравственные воззрения и общие особенности истории и культуры. Мы все – братья!»

«По прибытии в ту или иную страну мне хотелось тут же отдаться их традициям и обычаям, говорить на их языке...»

«Я полюбил все культуры мира!»

«Жить – значит, дарить людям добро, отдавать сердце!»

«Где бы я ни был, мое сердце остается в Кабарде. Дорогие мои земляки, я люблю вас!»

А на вопрос: «Что в Нальчике, прежде всего, привлекает внимание?» – ответил: «Открытость души нальчан, много доброты и света в их глазах».

И это, наверное, естественно, что он приобрел в Нальчике много новых друзей. Его вежливость и внимательность, умение слушать и слышать, замечать тончайшие движения души собеседника – просто умиляют. Интереснее всего было оказаться свидетелем того, как Николай Прокофьевич «боковым зрением», как он сам выражается, «схватывает» какие-то неуловимые моменты, незаметные для обычного взгляда детали. Любит обращать особое внимание на наиболее характерные, национальные черты местных жителей. Где бы ни оказался – в парке, на рынке, магазине, в аптеке, на проспекте и тихих проулках Нальчика, всюду он тут же находил собеседников, легко завязывал интереснейший разговор, осыпал всех вокруг комплиментами, заражал всех своей позитивностью и уходил, произведя неизгладимое впечатление на людей. На него же огромное впечатление произвел Хасаньинский «козий рынок» и его торговцы. Удивлялся, какой огромный и кропотливый труд – обработка шерсти, вязание – и какие низкие цены установлены на них. Одну встречу на этом рынке, по всей видимости, Вишневецкий запомнил надолго и рассказывал с нескрываемым удовольствием. Тут же перейдя на кавказский мужской говор, ведет он свой неспешный рассказ о колоритном балкарце: «Володя – красивый, настоящий горец! С него только портреты писать. По нему сразу видно, что через многое в жизни прошел, не согнулся, не сдался. Я навсегда запомнил его мужественное лицо, еле заметную грусть в глазах и гостеприимную улыбку. А какие натруженные пальцы рук, и какое приветливое «Салам алейкум»! Именно через такое крепкое рукопожатие можно ощутить мощь человека-трудяги. Гордый, независимый, с чувством глубокого достоинства, спокойно и без суеты продавал он шапки собственноручного производства и, проницательно вычислив неместного человека, назвал меня сразу же иноземцем...».

Да, мы все суетимся, что-то делаем, куда-то вечно спешим, редко позволяем себе остановиться и задуматься: а для чего все это? В глубине души, где-то очень глубоко нет-нет да почувствуем, что как-то все не так. Но встреча и общение с такими людьми, как Николай, сразу же позволяет оценить все по-другому, по-новому взглянуть на уже давно знакомые вещи. Так было со мной. Его размышления (ибо «мы есть то, что мы думаем», как сказал великий Гете), манеры, поведение, отношение к себе и к другим, к жизни вообще, заставили меня оценить жизнь и обыденность нашу совершенно по-другому.

После его рассказов и добрых высказываний о странах, где побывал, о людях, их населяющих, о красоте окружающего нас мира, каждый может легко понять и принять отличительные черты интернационалиста. Главная особенность Николая Прокофьевича, думаю, как раз в том, что, путешествуя по миру, он впитывал все лучшее, что есть в культуре каждого народа. Кроме того, он хорошо знает немецкий, может свободно общаться на французском, итальянском языках, употребляет в речи множество кабардинских и балкарских (в зависимости от адресата речи) фраз, великолепно владеет русской литературной речью, прекрасно знает классическую

русскую и западноевропейскую литературу. Его «свободному плаванию» в просторах местной литературы можно было только позавидовать. Я, филолог, проигрывала ему, часто путаясь в названиях произведений и авторстве, а он знал наверняка и имена героев, и фабулу произведений, цитировал не только из прозаических текстов, но и декламировал стихи Кулиева, Шогенцукова...

Николай Вишневецкий определяет свое жизненное кредо так: «Быть с людьми, помогать им и в большом, и малом, отдавать больше тепла, чем получать!». Не берусь комментировать, просто хотелось бы сказать, что все это прекрасно и мужественно. В органическом сочетании этого самого большого человеческого тепла с огромным жизнелюбием, человеколюбием, возможно, и заключается его личное обаяние и огромная сила духа.

Человек, после общения с которым остается приятное ощущение спокойствия, гармонии и легкости, или говоря по-современному, экологичности, безусловно заслуживает внимания. Как я успела заметить, Николай Прокофьевич сам невольно вызывал к себе интерес и всеобщее внимание на улицах Нальчика, в местах, где он бывал, быстро заслуживал симпатии тех, с кем непосредственно общался и, разумеется, не только блестящим внешним видом. Мне бы хотелось, чтобы читатели задумались именно над этим вопросом: **что** же так отличало его от нас, от окружающих? Я лично преклоняюсь перед этим человеком, обошедшим весь мир и оставшимся настоящим горцем, кавказским мужчиной, хорошо подготовленным и физически, и духовно к любым условиям жизни. И сегодня, когда он уже находится далеко от нас, от Нальчика, хочу пожелать ему кавказского долголетия, радостей и счастья во всем, и сказать ему: «Нальчик ждет, возвращайся, Друг!»

Верно, нечасто выпадает счастье общаться с такими людьми, а если это случается, мы спешим поделиться своими впечатлениями с другими. Но, согласитесь, самое трудное – это встреча с самим собой, признание своих недостатков. Понимание того, что именно в нас самих и находятся причины неудач и разного рода неприятностей – очень важно для решения многих проблем. Да, мы должны работать над собой, постоянно стремиться к саморазвитию, чтобы понять, кто мы и что. Но нельзя забывать и других. Наблюдение за другими, сравнение себя с другими покажет, чего недостает, что нужно изменить, что улучшить. Стать вежливым, тактичным и деликатным не так уж трудно. Стоит только захотеть. Напоследок обращаюсь к вам словами Николая Вишневецкого: «Люди, слушайте друг друга, черпайте знания от мира окружающего, создавайте сами вокруг себя обстоятельства. В вашем обществе должно быть уютно и комфортно, то есть свободно. Это обезоруживает любого. Этим вы делаете счастливыми и себя, и других!».

Пишкан ТАОВ,
*председатель Общественной палаты КБР,
 д.э.н., профессор, академик РАЕН,
 заслуженный деятель науки РФ*

Здоровье нации – основа процветания России и Кабардино-Балкарии

В октябре 2011 года был подписан Указ президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Согласно этой Концепции целями демографической политики Российской Федерации на этот период являются стабилизация численности населения на уровне 142–143 млн. человек и создание условий для ее роста до 145 млн. человек, а также повышение качества жизни и увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 70–75 лет. Для России, население которой в последние годы быстро уменьшается, вопрос демографии – ключевой. В начале XX века Россия испытала последний демографический взрыв, когда население страны увеличилось более чем на 25 миллионов человек. К концу столетия численность населения стабилизировалась и в начале XXI века стала сокращаться.

Ранговое место России по численности населения в 1950, 2000 и 2050 гг. (средний вариант прогноза ООН, 2002 г.) составляет соответственно 4, 6 и 18 места, т. е. по прогнозам численность населения России в 2050 г. составит 101,5 млн. человек. Доля России в мировом населении в 1950 г. составляла 4.1%; в 2000 г. – 2,4%; в 2050 г. прогнозируется 1.1%.

Сегодня руководство России находится перед выбором основ дальнейшей демографической политики. Конечно, Концепция – это всего лишь программа будущих действий, и пока неясно, будет ли она реализована на практике.

Кабардино-Балкария, как субъект Федерации, должна будет отреагировать на Концепцию проведением соответствующей политики. На мой взгляд, целью руководства республики в проведении политики демографического роста должно, прежде всего, стать улучшение оказания медицинской помощи и качественного лекарственного обеспечения населения. Это позволит снизить заболеваемость и значительно улучшить ее профилактику, повысить уровень рождаемости, сократить смертность,

развить профилактику и охрану репродуктивного здоровья; укрепить семью; сформировать у населения ответственность за свое здоровье и направить на соблюдение правил здорового образа жизни.

Если этой цели добиться не удастся, если не создать эффективную систему здравоохранения и как главное ее направление не сделать профилактические мероприятия, то мы не сможем поднять до достойного уровня экономику, так как здоровую, эффективную экономику создает только здоровая нация.

К сожалению, за последние десятилетия в условиях перестроек, реформ, финансовых кризисов, мы поставили заботу о здоровье своих граждан и ответственность каждого за свое здоровье чуть ли не на последнее место. Никто не станет спорить с тем, что каждый нормальный человек стремится прожить свою жизнь долго и счастливо в хорошем здравии. Но все ли мы делаем для этого? Если проанализировать каждый шаг нашего типичного дня, то, скорее всего, все обстоит с точностью до наоборот.

Самые «экстремалы» утром, еле встав с постели, как биороботы, собираются на работу или учебу, днем нервничают по пустякам, обедают за столом, ссорятся с близкими, завидуют знакомым и коллегам, вкладывают все силы на приобретение очередной модной вещи или «игрушки для взрослых», по вечерам отдыхают на диване у ТВ, а выходные проводят у мангала с шашлыком или занимаются «шопингом». Остальные, не все, но многие, проводят свой день, дублируя этот образ жизни в большей или меньшей степени.

Естественным следствием такого образа жизни являются болезни, нервные расстройства и проблемы на работе и в семье. Наша реальность: общая заболеваемость с 2005 по 2010 годы возросла в России по большинству классов болезней: новообразования на 4,5%, болезни крови на 11%, врожденные аномалии на 25%, нервные болезни на 6,3%. Смертность от сердечнососудистых заболеваний в последние годы возростала примерно на 2–3% в год.

Средняя продолжительность жизни в России составляет около 69 лет. Мужчины живут до 62 лет, женщины чуть больше – до 74 лет. По средней продолжительности жизни мужчин Россия находится на 130 месте (из 150). Для сравнения: по уровню экономического развития на 43-м месте; по образованию на 40-м; по реальным доходам на 50-м; по индексу социального развития на 65-м (данные ООН). По здоровью населения, как утверждает Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), мы на 127-м месте в мире. По качеству здравоохранения на 130-м.

Общая смертность в России на тысячу человек сейчас 14.2. Здесь мы лидеры. Опережаем не только Европу (9), но и слаборазвитые страны (12). Это катастрофа. Но хуже всего, что у нас 28% умерших – это люди трудоспособного возраста. В передовых странах это – 10%, в развивающихся – 20%. У нас в год умирает более 600 трудоспособных граждан. Это целый город! И будь они живы, нам бы не потребовалась никакая трудовая миграция. Смерть человека трудоспособного возраста обходит-

ся государству значительно дороже, чем смерть по старости. Мужчину, например, «оценили» в шесть миллионов. Подумаем теперь, какой экономический выигрыш могла бы иметь страна, будь эти преждевременно умершие трудоспособные люди живы. Потери баснословны. Они намного выше всех расходов на здравоохранение.

Хотя сегодня государством многое делается для исправления ситуации. Но задача эта колоссальна по масштабу и сложности. На ее решение требуется значительное время и громадные вложения. Сейчас же ни одна страна – ни развитая, ни слаборазвитая – не тратит на здоровье граждан так мало, как наша. Например, в США 16% валового продукта идет на медицину. А валовой продукт – это четырнадцать с лишним триллионов долларов. Возьмем другие развитые страны, там более 10% валового продукта идет на здравоохранение. А Россия тратит 3,7% и еще 1,1% составляют расходы самого населения на медицину. То есть в общей сложности – 4,8%. Это очень мало!

Следует отметить, что в настоящее время сделаны немалые шаги в сторону решения проблем Российского здравоохранения. Созданный Думой при президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике комитет выделил основные вопросы отечественного здравоохранения, требующие неотложного решения:

- России необходимо почти в два раза больше врачей, чем работают сейчас. Укомплектованность поликлиник врачами составляет 56%, коэффициент совместительства – 1,45, 30% врачей участковой службы не проходили специализацию более 5 лет;

- система профилактики заболеваний нуждается в кардинальном улучшении;

- изношенность оборудования, санитарного автотранспорта – 65%;

- оснащенность медицинских учреждений диагностическим оборудованием недостаточна, что значительно увеличивает срок ожидания диагностических исследований;

- финансирование оказания дорогостоящих направлений медицинской помощи составляет около 30% от необходимого объема;

- недостаточное финансирование национального календаря прививок (1,8 млрд. руб.), в части вакцинации против гепатита В, краснухи и полиомиелита для детей групп риска;

- недостаточное финансирование мер по пропаганде *здорового образа жизни* – 15% от потребности.

За годы реформ в стране практически не велась пропаганда *здорового образа жизни*... Не был сформирован идеал физического здоровья как важнейшей составляющей *здорового образа жизни* и общественного престижа страны. *Здоровый образ жизни* не приобрел нравственной ценности и меры в качестве одного из направлений государственной политики.

Для решения этих проблем в январе 2006 года стартовал проект «Здоровье». Проект получил название «национального приоритетного проекта» и был разработан для реализации предложений президента РФ по совершенствованию медицинской помощи в России. Основная задача

проекта – улучшение ситуации со *здоровьем* нации и в здравоохранении в целом, создание предпосылок для последующей модернизации системы здравоохранения.

В рамках реализации национального проекта «Здоровье» можно выделить три основных направления:

- повышение приоритетности первичной медико-санитарной помощи;
- усиление профилактической направленности здравоохранения;
- расширение доступности высокотехнологичной медицинской помощи.

Основное внимание планировалось и уделяется укреплению первичного медицинского звена (муниципальные поликлиники, участковые больницы). Увеличены зарплаты участковым врачам и медсестрам, ведется работа по оснащению всех медучреждений необходимым оборудованием, обеспечением санитарным транспортом, началось переобучение врачей общей практики, введены родовые сертификаты и др.

Усиление профилактической составляющей здравоохранения предполагает выработку у народа культуры *здоровья* и *здорового образа жизни*, увеличение мотивации к сохранению своего *здоровья*, проведение дополнительной диспансеризации трудящегося населения, формирование *паспорта здоровья* работающей части людей.

С началом реализации приоритетного Национального проекта «Здоровье» начался новый этап в развитии здравоохранения Кабардино-Балкарии. Были приняты федеральные и республиканские целевые программы, что позволило поднять здравоохранение республики на более качественный уровень.

Проведено существенное укрепление материально-технической базы учреждений здравоохранения в рамках ПНП «Здоровье», значительно повышен уровень обеспеченности высокотехнологичными видами медицинской помощи. Объем средств, направляемых на развитие здравоохранения республики, за последние 4 года составил 12,5 млрд. рублей. Следствием принятых мер является изменение качественных показателей: увеличение продолжительности жизни населения, увеличение рождаемости, снижение смертности, увеличение естественного прироста населения. Отмечается положительная динамика по социально-значимым заболеваниям. Уменьшились показатели заболеваемости и смертности от сердечнососудистых заболеваний на 11 % и 7,2 % соответственно.

Однако, несмотря на большой объем проведенной работы по развитию в целом системы здравоохранения в республике (ее ресурсной составляющей и охране здоровья населения), следует отметить, что существует ряд проблем, от успешного решения которых зависит в целом результат модернизации отрасли:

– это низкий уровень оплаты труда медицинских работников высшего и среднего звена, особенно в специализированных медицинских центрах, что приводит к утечке квалифицированных кадров в другие регионы России, снижению уровня медицинского обслуживания населения. Высокий дефицит врачей по многим специальностям. Остро стоит необходимость

существенного улучшения системы подготовки и повышения квалификации медицинских работников;

– не введены медико-экономические стандарты оказания медицинских услуг;

– отмечаются нарушения федерального законодательства по льготному обеспечению лекарственными средствами и изделиями медицинского назначения льготных категорий населения;

– не выстроена прозрачная цепочка обеспечения лекарственными средствами и не организован эффективный контроль над ценообразованием и изъятия из аптечной сети фальсифицированной продукции;

– отсутствует специализированная структура по ремонту медицинского оборудования, что приводит к неэффективности его использования, в том числе полученному в рамках ПНП «Здоровье»;

– отмечается неполное финансирование учреждений здравоохранения, отсутствие финансирования по многим статьям сметы приводит к существенному снижению качества оказываемых медицинских услуг;

– низкий уровень финансирования статей «Питание» и «Медикаменты» специализированных медицинских центров;

– многие учреждения здравоохранения, особенно социально-значимые специализированные медицинские центры, нуждаются в срочном капитальном ремонте, оснащении необходимым медицинским оборудованием, транспортными средствами и др.

Здравоохранение призвано обеспечивать гарантии прав личности и общества на сохранение, охрану и восстановление здоровья, что является не только условием существования каждого человека, но и целью общественного развития. Здравоохранение становится неотъемлемой составляющей уровня и качества жизни, играет важнейшую роль в экономическом развитии государства, обеспечивая воспроизводство и улучшение качества трудовых ресурсов, создавая, тем самым, базу для социально-экономического роста. При этом обеспеченность населения и лечебно-профилактических учреждений необходимым ассортиментом лекарственных средств является одной из важнейших задач здравоохранения.

В условиях не полностью прошедшего экономического кризиса, роста безработицы и снижения реальных доходов населения резкое возрастание цен на лекарства привело к их фактической недоступности для некоторых слоев населения. Подобная ситуация в ближайшей перспективе грозит резким снижением здоровья россиян, увеличением расходов, связанных с временной нетрудоспособностью, отложенными демографическими последствиями.

Поэтому в этих вопросах государство должно занимать принципиальную позицию – жесткий контроль и недопущение необоснованных завышений цен на лекарственные средства. Социальная значимость проблемы чрезвычайно высока. Учитывая серьезные последствия от неадекватного ее решения, нужно выстраивать внятную государственную политику перестройки всей системы регулирования ценообразования

на фармацевтическом рынке. В частности – нужны меры тактического и стратегического характера.

Действия тактические сосредоточены в рамках мер и инструментов внедрения ценового регулирования и носят, по сути, оперативный характер. Действия стратегические основаны на осознании глубинных причин, лежащих в основе сложившейся ситуации. Прежде всего, это комплексное реформирование системы здравоохранения и преодоление тотальной зависимости лекарственного обеспечения Российской Федерации от зарубежных производителей, а также запрет фальсифицированных лекарственных препаратов.

Не надо забывать, что основные стратегии и механизмы управления структурами лекарственного обеспечения и формирования цен на лекарства, существующие сегодня в наиболее развитых странах, создавались здесь и совершенствовались на протяжении более полувека.

В большинстве стран государственное прямое или косвенное регулирование цен на медикаменты является обычной практикой. В ряде стран действует преимущественно свободное ценообразование, при котором основное влияние на формирование цены на лекарственные средства оказывает соотношение между спросом и предложением. Государственные органы в этом случае косвенно влияют на уровень цен (контроль доходов фармацевтических производителей, установление эталонной – контрольной, референтной – стоимости, внедрение программ возмещения затрат на рецептурные препараты). А во Франции, Италии, Бельгии, Японии, Индии и Китае уровень цен на лекарства строго регламентируется и контролируется государством.

Однако в подавляющем большинстве стран не существует полностью свободного или полностью регулируемого ценообразования. Как правило, применяется смешанная система – сочетание регулируемых государством и свободно назначаемых цен. В большинстве стран регулированию подлежат цены на препараты (как правило, рецептурные), стоимость которых возмещается за счет бюджетных средств и/или фондов медицинского страхования в целях осуществления контроля расходов на социальное обеспечение.

Но даже эти системы, опирающиеся на более широкие финансовые возможности государства и населения, не могут быть идеальными примерами для слепого копирования. Мы должны найти собственный путь построения максимально эффективной, ориентированной на здоровье и качество жизни человека системы лекарственного обеспечения и контроля в структуре ценообразования на фармацевтическом рынке.

Одна из основных проблем на рынке лекарств, на наш взгляд, связана с тем, что в России нет единой методики и системы поэтапного контроля в сфере ценообразования. В результате надбавки на лекарства в одних регионах составляют от 50 до 100 процентов, а в некоторых значительно выше. Даже внутри одного региона или субъекта наблюдаются разнонаправленные тенденции.

В настоящее время уже принят ряд мер в этом направлении. В част-

ности, принято постановление правительства РФ от 8 августа 2009 года № 654 «О совершенствовании государственного регулирования цен на жизненно необходимые и важные лекарственные средства».

Напомню, что система, которая существовала до этого постановления, предполагала, что оптовая надбавка применяется не только к отпускной цене производителя, но и к отпускной цене организаций оптовой торговли. Таким образом, выстраивалась цепочка посредников, которые последовательно применяли предельные оптовые надбавки соответствующих регионов. На отечественном фармацевтическом рынке отсутствовали правила расчета затрат на производство препаратов и норм прибыли, не предусмотрена была ответственность за уклонение от регистрации цен и за предоставление неверных данных при их обосновании. Кроме того, существующие правила ценообразования фактически не ограничивали прибыль посредников и продавцов лекарств.

Принятый правительством документ предполагает введение обязательной регистрации цен на отечественные и зарубежные лекарственные средства в рамках государственных гарантий лекарственного обеспечения.

В то же время, по нашему мнению, этот правительственный документ надо воспринимать лишь как первый шаг к государственному регулированию цен на зарегистрированные в России лекарственные препараты. Тенденция необоснованного роста цен на все препараты вынуждает государство заниматься их регулированием. Для больных россиян из наименее социально защищенных групп нет никакой разницы – включено так необходимое ему лекарство в тот или иной список или нет.

Среди возможных механизмов регулирования коммерческого рынка лекарств назовем заключение соглашений о цене и надбавках по всей цепочке – от производителя до аптеки – и введение мониторинга по ценам. Государственная регистрация предельных отпускных цен должна производиться, исходя из себестоимости лекарств, с учетом затрат производителей на модернизацию производства и НИОКР. Переход к новой системе контроля ценообразования должен включать запрет на продажу препаратов, цены на которые не были зарегистрированы в отведенный срок, а также изъятие в пользу государства доходов от завышенных цен и необоснованных торговых надбавок. В условиях кризисного периода нельзя позволять недобросовестным компаниям и их владельцам наживаться на безвыходности больных людей.

Однако вмешательство государства в ситуацию с ценами на лекарства должно быть и эффективным, и аккуратным. Непродуманные ценовые ограничения на отдельные препараты потенциально могут привести к дефициту. Здесь задача правительства – обеспечить мягкий, но эффективный режим регулирования, чтобы цены на лекарства в России стали обоснованны и подконтрольны.

Теперь о мерах стратегического характера, которые помогут структурно изменить систему лекарственного обеспечения, резко снизить отрицательные моменты сложившейся ситуации, сделав ее повторение в будущем невозможным.

Остро проявившаяся в условиях экономического кризиса проблема формирования цен на лекарственные средства – лишь следствие развития ненормальной ситуации и очередное подтверждение этой ненормальности. Нужно качественно преобразовать структуру лекарственного обеспечения страны. А у нас до сих пор не закончено комплексное реформирование здравоохранения, что выражается, в том числе, в фактическом отсутствии стандартов лечения и оказания медицинской помощи.

Рациональное назначение лекарств регламентировано стандартами медицинской помощи и протоколами ведения больных. В идеале стандарты представляют собой либо то, что ведущие эксперты, представляющие наиболее весомые научные доказательства, сочли наиболее приемлемой практикой, либо производное от усредненного опыта врачей данного сообщества. К сожалению, на практике мы сталкиваемся с созданием «стандартов» административными решениями, без привлечения и участия широких кругов профессионального сообщества, а то и произвольным выбором и назначением препаратов из неоправданно широкой номенклатуры торговых наименований. Что лежит в основе таких административных, крайне непрофессиональных, сугубо частных решений и кто, в конечном итоге, оплачивает расходы на их принятие, расшифровывать, видимо, излишне.

Для выхода из сложившегося порочного круга нам необходимо уже в ближайшее время разработать и внедрить качественные стандарты лекарственного обеспечения с учетом принципов фармацевтической экономики. Необходимо внедрить долгосрочное планирование потребностей населения в лекарствах в системе управления здравоохранением и контрактного производства.

Нельзя не обратить внимания на проблему борьбы с фальсификацией лекарственных средств, остроту которой обозначил президент РФ в своем Послании федеральному Собранию в текущем году.

Данные статистики свидетельствуют, что в большинстве своем подделываются наиболее дорогостоящие и широко разрекламированные зарубежные препараты. В структуре фальсифицированных лекарств наибольший объем занимают антибиотики (36 процентов), противовоспалительные препараты (21 процент) и спазмолитические средства (14 процентов). Самое неприятное то, что в России сегодня нет целостного подхода к оценке фальсификации лекарственных средств. По некоторым данным, количество их составляет от 5 до 60 процентов. Вот каков разброс!

В сложившейся ситуации жизненно необходимо принять оперативные меры и не допустить распространения фальсифицированных лекарственных средств, представляющих угрозу здоровью населения. Обеспечение и контроля качества, и безопасности включает практически весь жизненный цикл лекарственных средств, начиная с их разработки и заканчивая розничными продажами, что является составным элементом лекарственного обращения. Узкий подход к анализу и выработке решения, без внимания к лекарственному обеспечению в целом, не может быть успешным. Хо-

чается особо обратить внимание на комплексность проблем данной сферы и, соответственно, необходимость разработки системного взвешенного подхода к их решению.

Говоря о состоянии и возможных путях обеспечения качества и безопасности лекарственных средств, считаем необходимым остановиться на следующих ключевых аспектах.

Одна из очевидных проблем – это, конечно, недостаточная проработанность законодательной базы и правоприменительной практики в сфере обеспечения качества и безопасности лекарственных средств. В последнее время нормативная база, регулирующая оборот лекарств, серьезно дорабатывается. Например, внесены поправки в Закон «О лекарственных средствах», приняты правительственные постановления о лицензировании производства лекарственных средств и фармдеятельности. Но этого явно недостаточно. Необходимо четче прописать уголовную ответственность за реализацию фальсифицированного препарата. Сегодня она очень размыта.

Действующее российское законодательство не предусматривает обособленной в отдельной статье Уголовного кодекса ответственности за обращение фальсифицированных лекарств. Однако при фальсификации лекарств всегда нарушаются авторские права, поэтому ответственность виновных должна наступать по статье 146 Уголовного кодекса Российской Федерации. А сегодня эта норма используется в основном для преследования тех, кто подделывает аудиовизуальную продукцию и компьютерное обеспечение. Масштабы названных видов интеллектуального пиратства таковы, что поглощают все имеющиеся у российских правоохранительных органов кадровые ресурсы.

Действующий Уголовный кодекс не предусматривает обособленной в отдельной статье ответственности за обращение недоброкачественных и поддельных лекарств, а также биоактивных добавок. Это не позволяет вести борьбу с фальсификацией лекарственных средств, осуществлять их учет, планировать профилактические мероприятия, обеспечивать должный спрос с уполномоченных органов за борьбу с названными видами правонарушений.

Необходимо уже в ближайшее время начать работу по подготовке проектов документов по изменению норм законодательства и рекомендаций по правоприменению. Надо предусмотреть уголовную ответственность за производство, введение в оборот и реализацию контрафактных лекарственных средств и предусмотреть особо строгое наказание за повторные случаи выпуска и продажи подделок. Необходимо учесть и следующие моменты:

– усилить ответственность за обращение недоброкачественных лекарств, то есть пришедших в негодность и (или) с истекшим сроком годности. Совершенно очевидно, что обращение подобных лекарств не менее, если не более опасно, чем обращение фальсифицированных лекарств, так же как и поддельных БАДов, которые не охватываются понятием «лекарственное средство»;

– усилить уголовно-правовые средства борьбы не только с ввозом на

территорию России фальсифицированных лекарств, но и с их вывозом, привлекать к ответственности за искажение информации об эффективности, месте и времени производства лекарства.

В то же время проблема фальсификации лекарственных средств не может и не должна рассматриваться как узко законодательная и в обособлении от проблем системы лекарственного обращения и фармацевтического рынка в целом. Вместе с необоснованным ростом ассортимента лекарственных средств, количества аптечных учреждений и посредников, из-за отсутствия стандартов лечения стало резко увеличиваться количество подделок. И если рост ассортимента отчасти характеризует развитие глобального фармацевтического рынка, то рост подделок представляет специфику российской ситуации. В России сегодня около 2,5 тысяч компаний-поставщиков фармацевтической продукции, проверить всех непросто. В Великобритании всего три национальных поставщика, во Франции – четыре. Понятно, что в таком, как у нас, количестве компаний легко затеряться недобросовестным поставщикам.

В целом по стране – 19 тысяч аптек, это нормально. Но есть еще 50 тысяч аптечных киосков, и вот их контроль – дело непростое. Налицо непрозрачность цепочки движения лекарственных средств. Эффективная борьба с подделками лекарств начнется и будет возможной только тогда, когда будут внесены все необходимые изменения в законодательство, во-первых; и когда будет создана система контроля на всех этапах – от производства фальсификата до его продажи в розницу, во-вторых.

К тому же аптеки у нас превратились в супермаркеты, где абсолютно бесконтрольно, в нарушение всяких соображений целесообразности применения гражданам свободно отпускаются рецептурные препараты. Напомним, что в нашей стране существуют, но не соблюдаются нормы продажи этих препаратов. Сейчас в лучшем случае врач устно рекомендует пациенту покупку того или иного препарата, либо потребитель по материалам рекламы и совместно с провизором в аптеке самостоятельно принимает решение о покупке и использовании лекарственного средства. Превышение спроса над предложением вследствие неразумного использования лекарственных препаратов и отсутствия стандартов лечения только подстегивает недобросовестных производителей выбрасывать на рынок новые партии контрафакта. Еще более усугубляют сложившуюся ситуацию необоснованно высокие цены при снижении платежеспособности населения.

Отдельный вопрос – это плохой контроль импорта, затрудняющий работу надзорных органов. Отечественные производители лицензируют свое производство, представляют производственные площадки для проведения проверок надзорными органами, а зарубежные производители подобную процедуру не проходят. Считаем необходимым выравнивание правовых условий деятельности российских и зарубежных производителей, особенно в части лицензирования. Необходимо добиться, чтобы каждая фармкомпания, производящая лекарственные средства, имела на

территории России представителя, который отвечал бы за все контракты и поставки. Это дало бы гарантию качества и возможность снижения цен за счет уменьшения цепочки посредников. Следует особо заметить, что подобные меры призваны защитить не только интересы наших граждан, но и интересы добросовестных иностранных производителей. От начала исследований до выхода нового лекарства на рынок проходит 10–12 лет, и стоят разработки до миллиарда долларов. Предотвращение незаконного копирования и распространения фальсификатов – необходимое условие получения компанией полного объема законной прибыли и оправдания инвестиций.

Еще одна немаловажная мера – разработка и внедрение единой системы защиты упаковок с помощью идентифицирующих методов. Это могут быть микрочипы, содержащие всю информацию о лекарстве – производитель, партия и так далее, или более дешевые и простые голографические наклейки. Если защитить упаковку и обеспечить идентифицирующим устройством аптеки и инспектирующие органы, можно легко проследить, идет препарат от производителя или это фальсификат. Такую защиту можно сделать двумя путями: либо принять закон, который обяжет всех производителей использовать защитную маркировку, либо сам бизнес должен договориться и выработать единые для всех способы и методы защиты. Кстати, многие фармацевтические производители уже сегодня маркируют свою продукцию сами, по собственной инициативе.

Что касается часто высказываемых опасений относительно нехватки лекарств из-за возможного введения маркировки, это абсолютно несерьезно. И законодатели, и исполнительная власть отлично понимают, что такое лекарственный рынок. А потому со всей степенью ответственности и со всей осторожностью подходят к процессу преобразований в этой сфере. Важно, чтобы все участники рынка понимали: идентификация и маркировка – лишь инструмент, позволяющий сделать путь от производителя до аптеки абсолютно прозрачным.

Комплексное преобразование всей системы и решение вышеуказанных проблем уже длительное время не может быть завершено по ряду причин. По нашему мнению, одной из главных является отсутствие единой стратегии борьбы с подделками, и как следствие – несовершенство механизма и практики координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, производителей, общественных организаций и потребителей лекарственных средств. Кроме того, нет комплексной государственной политики в этой сфере. С сожалением отметим и еще один барьер – коррупцию. Именно конфликты интересов и коррупция (как ни прискорбно об этом говорить) являются основными препятствиями эффективной борьбы с обращением фальсифицированных лекарств.

Комплексный подход к нейтрализации всех перечисленных факторов станет первым шагом на пути качественного преобразования всей системы лекарственного обращения. В итоге мы решим не только отдельно взятую задачу – борьбу с фальсификацией, но и все структурные проблемы отечественного лекарственного обращения. Ситуация диктует необходимость

скорейшей разработки целостной Концепции национальной лекарственной политики, ее широкого общественного обсуждения и внедрения.

Глубинная задача сейчас – найти рычаги для мотивации самих участников рынка к выявлению брака и фальсификатов. Ведь в реализации качественных и безопасных препаратов заинтересованы абсолютно все, кроме, пожалуй, самих изготовителей контрафакта. Уже сегодня некоторые производители активно сотрудничают с надзорными органами, способствуя выявлению фальсифицированной продукции. Следующее звено в цепочке движения лекарственного средства – дистрибьютор, также обладает возможностью четко отслеживать и контролировать качество, годность и происхождение приобретаемых медикаментов. Аптечное учреждение, в свою очередь, может и должно нести полную ответственность за то, что им выставляется на прилавок. Аптека всегда знает, с какими поставщиками она работает, кто из них добросовестный, а кто – сомнительный.

Неоценимую роль в борьбе с подделками играют общественные организации и сами потребители. У нас много говорят о том, что необходимо сделать государству, но почему-то не упоминают о необходимости активной гражданской позиции, без которой законы не будут работать. Важно разъяснять населению своеобразные «правила поведения» потребителя, а именно: покупка – чек – сомнение – заявление в Комитет по защите прав потребителей или в Росздравнадзор.

Только так, совместными усилиями государственных законодательных и контролирующих органов, аптечных учреждений, компаний-производителей и дистрибьюторов, общественных организаций и, конечно же, самих потребителей можно добиться успеха в борьбе с фальсификатами и устранить угрозу, которую несут фальшивые лекарства здоровью и жизни людей.

Стратегическое решение задач в сфере лекарственного обеспечения требует от нас формирования прочного фундамента в виде собственной высокотехнологичной, инновационной фармацевтической индустрии. К сожалению, в настоящее время фармацевтическое производство в России не на должном уровне. Надо рассматривать как угрозу национальной безопасности серьезную зависимость российского лекарственного обеспечения от зарубежных фармацевтических компаний. В стоимостном выражении около 80 процентов рынка составляют лекарства иностранного производства. Импортные лекарства в России стоят в 2–3 раза дороже, чем в европейских странах, что объясняется крайне высокими торговыми наценками.

Таким образом, стратегической задачей является преодоление возрастающей тенденции тотальной зависимости системы лекарственного обеспечения РФ от зарубежных производителей. Значит, в первую очередь необходимо создавать собственную индустрию производства лекарств, а также с помощью мер налогового стимулирования, реализации на практике принципов частно-государственного партнерства обеспечить связь науки и производства. Акцент нужно сделать на стимулировании НИОКР, создании фармацевтических кластеров, способных обеспечить мощный

рывок вперед и сформировать по инновационному типу отечественную фармацевтическую отрасль. Пришло время прервать практику финансирования иностранных производителей лекарственных средств за счет бюджета Российской Федерации и личных средств российских граждан.

Комплексное преобразование системы лекарственного обеспечения в России, в том числе и решение вышеуказанных структурных проблем в данной сфере, уже длительное время не может быть решено по ряду объективных причин.

Во-первых, это отсутствие государственной политики в отношении системы лекарственного обеспечения, построенной на четких продуманных, отвечающих интересам государства и общества приоритетах.

Во-вторых, немаловажную роль играет отсутствие центра силы по реформированию системы лекарственного обеспечения.

Позитивной подвижкой в этом направлении стало создание Совета по развитию фармацевтической и медицинской промышленности при правительстве РФ. В перспективе необходимо наделить этот орган дополнительными полномочиями для преобразования отрасли.

Следующим шагом, который пришло время сделать уже сейчас, должно стать создание Совета фармацевтического рынка, по примеру эффективно работающего в энергетике некоммерческого партнерства «Совет рынка». Такой орган может явиться базой для согласования интересов участников рынка – государства, коммерческих игроков и потребителей. Именно он способен в будущем стать ключевым регулятором социально значимых процессов на фармацевтическом рынке, в том числе и в сфере доступности и качества лекарственного обеспечения.

Доступность лекарств населению и развитие отечественной фармацевтической промышленности – важнейшие составляющие национальной безопасности страны, потому что именно от этого зависит здоровье и жизнь людей, наш демографический потенциал, то есть будущее России, в том числе ее экономическое процветание. Недаром в Послании – 2009 президента РФ Федеральному Собранию столько внимания уделено возрождению фармацевтической индустрии, государственной поддержке отрасли, повышению ее конкурентоспособности и выводу на международный уровень, созданию механизмов защиты россиян от контрафакта и фальсификата.

Общественная палата КБР, как один из мощных элементов гражданского общества республики, не может оставаться в стороне от этих важных проблем. В начале прошлого года на пленарном заседании Общественной палаты КБР заслушан вопрос «Здравоохранение в Кабардино-Балкарской республике: состояние, проблемы, перспективы». Во втором полугодии были запланированы для рассмотрения на пленарных заседаниях и общественных слушаниях вопросы «Проблемы миграции в КБР и их влияние на демографическую ситуацию» и «Проблемы качественного обеспечения лекарственными средствами населения Кабардино-Балкарской республики».

Поднимая эти вопросы, Общественная палата КБР выражает тем самым озабоченность сохранением острой, проблемной ситуации по таким направлениям, как состояние демографии в республике в настоящее время и в будущем; состояние и причины миграционных процессов, особенно среди молодого коренного населения; состояние и причины медленного реформирования здравоохранения; неудовлетворительная организация обеспечения отдельных категорий граждан бесплатными лекарственными средствами; общее состояние обеспечения лекарственными средствами населения республики и неудовлетворительный контроль над их ценообразованием.

Своей основной задачей члены палаты считают привлечение внимания всех структур государства и общества к необходимости безотлагательного принятия срочных эффективных мер по обеспечению условий, когда одним из приоритетов государственной политики должно являться сохранение и укрепление здоровья населения на основе формирования здорового образа жизни и повышения доступности и качества медицинской помощи. Считаем, что пора создавать условия, возможности и мотивации населения республики для ведения здорового образа жизни; переходить на современную систему организации медицинской помощи; конкретизировать государственные гарантии оказания гражданам бесплатной медицинской помощи; создавать эффективную модель управления финансовыми ресурсами программы государственных гарантий; улучшать лекарственное обеспечение граждан, в том числе льготных категорий; повышать квалификацию медицинских работников и создавать системы мотивации их к качественному труду; развивать медицинскую науку и внедрять инновации в здравоохранение; обеспечить информатизацию здравоохранения.

Тема, очень сложная, вместе с тем интересная, и интересна она тем, что в комплексном плане этот вопрос еще не рассматривался, особенно в гражданском обществе. Вопрос очень широкий, ведь существует много объективных и субъективных факторов, которые влияют на происходящие процессы в этой сфере жизни общества. Сформированы несколько комиссий с участием всех заинтересованных ведомств, привлечен научный потенциал республики, общественный актив и т. д.

Думаем, материал для обсуждения и выработки рекомендаций будет объективный и интересный. Мы уверены, что при поддержке президента, правительства, с помощью Общественной палаты, НКО, мы сможем общими усилиями, на всех уровнях общества, согласованно решать эти проблемы и тем самым способствовать оздоровлению и процветанию нашей республики.

Зарема САБАНЧИЕВА,
учитель русского языка и литературы
МОУ «СОШ № 2» с. Аргудан

Формы и методы работы с учащимися, имеющими низкую мотивацию к учебно-познавательной деятельности

При всеобщем среднем обучении учитель обязан учить всех детей. Физиологи, ученые-методисты считают, что все дети могут успешно усвоить весь учебный материал. Как же обстоит дело в действительности? Можем ли мы, положа руку на сердце, сказать, что каждый выпускник средней школы получает прочные знания? Мы уже свыклись с мыслью, что существует деление учеников на сильных, средних и слабых. Откуда они берутся? Попробуем ответить.

На уроках русского языка я стараюсь индивидуально подходить к каждому ученику. Больше внимания уделяю слабым. На уроке для них подбираю задания, соответствующие их способностям. Сначала выполняем с ними более легкие упражнения, а потом переходим к заданиям, которые выполняет весь класс. К концу урока они уже сами просятся к доске. На объяснение домашнего задания оставляю 4–5 минут, после моих комментариев учащиеся сами выполняют устно, приводят свои примеры, а дома им остается только записать все в тетради. Тогда выполнение домашнего задания не будет для них пыткой.

Слабым ученикам предлагаю постоянно носить с собой шпаргалки. Ими могут быть, например, карточки, где написано название падежей с вопросами, название второстепенных членов предложения с вопросами и т. д. В течение года ученик, по мере надобности, обращается к этим карточкам, а в конце учебного года оказывается, что он знает наизусть записи на этих карточках.

Сложность учительского труда в том, чтобы найти путь к каждому ученику, создать условия для развития способностей, заложенных в каждом. Самое главное – учитель должен воспитать в нем чувство человеческого достоинства, составляющая которого – осознание ответственности за свои поступки перед собой, товарищами, школой, обществом, то есть воспитать настоящего человека.

В этом мне помогают уроки литературы. Я считаю, что на уроке литературы главное не знание терминов, не единство формы и содержания, а беседа, через беседы переходить к чтению, опрос проводить в форме беседы. Незнание разницы между обычным сравнением и метафорой, простой поэмой и поэмой в прозе, поверьте, никак не помешает вырасти в Человека. А вот, скажем, незнание той сцены, где старик Болконский, отправляя на войну князя Андрея, единственного (!) сына, прочит ему «опасные», а не «выгодные» места, и князь Андрей благодарит за это отца, очень даже может сказаться на чьей-то судьбе... Е. Н. Ильин в статье «Искусство общения» пишет: «Теорию, как холодную воду, лучше употреблять небольшими порциями. Не за научно-теоретической базой и литературным процессом идут на урок ребята, а за тем, без чего жить нельзя. Сейчас, сегодня. Идут, чтобы знать, к чему вернуться через много-много лет. Уж, наверное, не «к единству

сюжетного и композиционного...», а, скажем, к стихотворению Пушкина «Я помню чудное мгновенье...», чтобы услышать в нем «непрочитанный ранее гимн Вдохновению».

Очень важно на уроке литературе через беседы обращать внимание учеников на детали, а от них переходить к общему. У Маяковского есть строки: «Но бывает, жизнь встает в другом разрезе, и большое понимаешь через ерунду». Раскольников-то у Достоевского после убийства старухи-процентщицы смыл кровь отовсюду: с топора, с рук, пальто... И все же кровь осталась на нем. Гений художника знает, где «остановить» – на грязном носке, который выглядывал из дырявого сапога... Боже! Сколько сказано вещей «ерундой».

Я хочу сказать, что учитель, используя разные формы и методы обучения, делает все от него зависящее, чтобы ученик получил знания. А в результате оказывается, что у нас есть не просто слабые, но и неуспевающие. Обидно, что таковыми оказываются способные дети тоже.

Корни неуспеваемости школьников надо искать в семье. Вот об этом и задумываемся, размышляя о неуспевающем школьнике: «Почему он плохо учится?». Автор приводит результаты исследований причин неуспеваемости школьников. Первый и, наверное, самый важный вывод: подростков более всего нервирует и лишает уверенности отсутствие интереса к ним со стороны матери и непоследовательность отца. Отсутствие явных проявлений заботы и ласки со стороны родителей подросток воспринимает как их отказ от опеки. Старшие классы – это время, когда родители озабочены будущим ребенка, его школьными успехами. И он видит: ему нужно «соответствовать». А чему – понять не может. Он живет в постоянной боязни ошибиться. Так рождается неуверенность в себе, в свои возможности. Излишняя автоматизация для подростка так же вредна, потому что и в том и в другом случае он чувствует свою отдаленность от самых близких для него людей. Чувствуя равнодушие родителей, он получает опыт формальных отношений в семье. Так что исследования психологов подтверждают простую, на первый взгляд, мысль: результатом неверного родительского воспитания становится не только плохая учеба, но и вещи куда более значимые.

Сейчас далеко не все отцы и матери в полной мере осознают свою родительскую ответственность и тем более проявляют ее на деле. В беседах с родителями учащихся нередко приходится слышать такое: «для нас главное – накормить и одеть ребенка». Подобное отношение родителей к детям играет определенную роль в росте среди школьников негативных явлений – таких, как потребительство, равнодушие, нежелание учиться, жестокость.

Опыт свидетельствует, что повышению ответственности родителей за воспитание детей способствует их систематическое приобщение к жизни и деятельности школы, где обучается сын или дочь. Общение родителей с учителями, знакомство со школьными требованиями, наблюдения за своими детьми в условиях школы дадут им возможность проникнуться насущными заботами школы. По моему мнению, привлечение родителей к участию в школьных делах, в учебно-воспитательной работе поможет нам, педагогам, решить многие задачи, существенно облегчит наш труд. Действительной формой взаимодействия с семьей может стать привлечение родителей к организации и проведению различных форм внеклассной работы: конкурсов, соревнований, праздников, походов, экскурсий и др.

Школа и семья – это своего рода посредники между формирующейся личностью ребенка и обществом, поэтому необходимо их тесное сотрудничество. Именно тогда учебно-познавательная деятельность учащихся повысится.

В номере:

Хасан Карданов, Борис Гедгафов. Гимн КБР	2
Исхак Маишаи. В. М. Коков – истинный адыг и государственник. Из книги воспоминаний	3
Ахмат Созаев. Стихи	7
Светлана Моттаева. Женщина, у которой гостит солнце... <i>Новеллы</i>	10
Амир Макоев. Сады Масират. <i>Главы из повести</i>	17
Зоя Афаиагова. Ломтик хлеба. <i>Рассказ</i>	30
Сакинат Абаева. Я попросила осень, подожди! <i>Рассказ</i>	39
Руслан Аркасов. Кавказ. <i>Стихи</i>	60
Борис Чипчиков. И мы так сможем... <i>Рассказы</i>	61
Аоиль Темукуев. Раскаяние. <i>Рассказ</i>	66
Лион Мисостов. <i>Стихи</i>	71
Игорь Терехов. Всполохи ночных зарниц. <i>Миниатюры</i>	73
Татьяна Саенко. <i>Стихи</i>	78
Евгений Листопадов. Предновогодние сновидения. <i>Рассказ</i>	79
Геннадий Коммодов. И на снегу есть жизнь. <i>Статья</i>	83
Татьяна Подыман. <i>Стихи</i>	84
Памятные даты. Лиуан Губжоков, Хамиша Шекихачев	87
Наши юбиляры. Хамид Кармоков, Абдулчарим Сонов, Юрий Тхагазитов, Магомед Геккиев	92
Али Сафар. Парит по воздуху герой... <i>Статья</i>	93
Валентина Гуляева. Институт повышения квалификации: этапы развития. <i>Стихи</i>	102
Задин Маремов. Его жизненное призвание. <i>Очерк</i>	106
Ирина Вольская. Его узнают не только по голосу. <i>Очерк</i>	110
Мусаби Шхануков. Отважный воин и хлебороб. <i>Очерк</i>	112
Ирина Садовникова. Увидеть свою судьбу. <i>Очерк</i>	113
Ибрагим Гукемух. Хирург должен постоянно работать над собой. <i>Очерк</i>	119
Ирина Слава. Кто есть кто... <i>Очерк</i>	123
Марина Жемухова. Как Кученей стала Марией. <i>Статья</i>	126
Исуф Гукетлов. Милосердие. <i>Очерк</i>	135
Асият Семенова. Мир детства. <i>Статья</i>	138
Александр Пряжников. Чудо-речка Валерик, или Сказ про то, как поручик в одиночку Кавказ присоединил. <i>Статья</i>	141
Марьяна Балова. История трансформации символики цвета. <i>Статья</i>	153
Исмаил Пишготижев. «История адыгейского народа» Ш. Б. Ногмова – на немецком языке. <i>Статья</i>	156
Мадина Болотокова. Милосердие. <i>Статья</i>	160
Хазеша Бецуков, Анзор Бецуков. Причина распада империи стагнация – следствие биологических манипуляций. <i>Статья</i>	161
Лариса Алоева. Живое дыхание языка. <i>Статья</i>	166
Фатима Тазова. Источник утешения. <i>Очерк</i>	170
Пишкан Таов. Здоровье нации – основа процветания России и Кабардино-Балкарии. <i>Статья</i>	175
Зарема Сабанчиева. Формы и методы работы с учащимися, имеющими низкую мотивацию к учебно-познавательной деятельности. <i>Статья</i>	189

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.01.12. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 12. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением копии на электронном носителе и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, сберкнижка «Сбербанка РФ», номер контактного телефона), а также – при одобрении редакцией произведения – составляется двухсторонний договор и акт приема-передачи.
